

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

WYDZIAŁ HUMANISTYCZNY

HAOYUE MA

**Specyfika językowa prozy
Ludmiły Ulickiej
z perspektywy lingwistyki genderowej**

ROZPRAWA DOKTORSKA

Promotor

dr hab. Jolanta Lubocha-Kruglik, prof. UŚ

Promotor pomocniczy

dr Gabriela Wilk

KATOWICE 2026

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

ХАОЮЭ МА

**Языковые особенности прозы
Людмилы Улицкой
с позиции гендерной лингвистики**

КАНДИДАТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Научный руководитель
доктор филол. наук Иоланта Любоха-Круглик,
проф. Силезского университета
Второй научный руководитель
канд. филол. наук Габриела Вильк

КАТОВИЦЕ 2026

Оглавление

Введение.....	5
1. Феминизм — основные теории.....	10
1.1. Феминистские движения и их влияние на язык.....	10
1.1.1. Первая волна феминизма.....	13
1.1.2. Вторая волна феминизма.....	14
1.1.3. Третья волна феминизма.....	20
1.2. Гендерная лингвистика — исследования и перспективы.....	23
1.2.1. История гендерных исследований.....	23
1.2.2. Гендерная лингвистика в России.....	33
2. Проза Людмилы Улицкой и гендерная лингвистика.....	48
2.1. Появление и развитие современной русской женской прозы.....	48
2.1.1. Женская проза — попытка определения.....	48
2.1.2. Спор о современной русской женской прозе.....	54
2.2. Людмила Улицкая и ее творчество.....	66
2.3. Особенности прозы Людмилы Улицкой на фоне гендерной лингвистики.....	76
3. Гендерные языковые особенности с точки зрения вербальной коммуникации в прозе Людмилы Улицкой.....	81
3.1. Вербальная коммуникация.....	81
3.2. Исследование вербальной коммуникации с точки зрения гендерной лингвистики.....	84
3.2.1. Обращение.....	84
3.2.2. Приветствие.....	123
3.2.3. Compliment.....	135
3.2.4. Просьба.....	152
3.2.5. Жалоба.....	173
3.2.6. Извинение.....	198

3.2.7. Прощание.....	214
4. Гендерные языковые особенности с точки зрения невербальной коммуникации в прозе Людмилы Улицкой.....	225
4.1. Невербальная коммуникация.....	226
4.2. Исследование невербальной коммуникации с точки зрения гендерной лингвистики.....	227
4.2.1. Параязыковое поведение.....	228
4.2.2. Жестовое поведение.....	242
4.2.3. Тактильное поведение.....	257
4.2.4. Визуальное поведение.....	268
4.2.5. Проксемное поведение.....	280
4.2.6. Молчаливое поведение.....	289
Заключение.....	299
Библиография.....	303
Резюме	326
Streszczenie	328
Summary	330

Введение

Язык как система и средство коммуникации отражает социально обусловленные модели поведения, в том числе связанные с категорией гендера. В современной лингвистике гендер рассматривается как социально и культурно сформированная категория, влияющая на выбор коммуникативных стратегий, реализацию речевых актов и использование невербальных средств общения. В связи с этим анализ речевого поведения предполагает учет гендерной обусловленности языковых и параязыковых средств, проявляющейся на уровне лексики, интонации, прагматических установок и коммуникативных моделей.

В настоящей работе наше внимание сосредоточено на гендерной специфике речевого и коммуникативного поведения персонажей в прозе Людмилы Улицкой — одной из наиболее значимых современных русских писательниц, книги которой получили признание не только в России, но и за ее пределами. Произведения Улицкой отличает сложная система межличностных отношений, психологическая достоверность и особое внимание к внутреннему миру человека, что делает их плодотворным материалом для анализа категорий «женственности» и «мужественности» в языке художественного текста.

Для целей анализа нами был использован понятийный аппарат гендерной лингвистики, описывающей способы языковой репрезентации гендерных различий и их проявление в коммуникативном поведении. В рамках данного подхода особое внимание уделяется выбору речевых стратегий, реализации речевых актов и использованию языковых средств, отражающих специфику гендерно обусловленной коммуникации.

Теоретическим фоном исследования выступают положения гендерных исследований, в том числе концепция гендера как социального конструкта, сформулированная в рамках феминистской теории.

Важной предпосылкой работы является понимание коммуникации как единства вербальных и невербальных компонентов. Гендерные различия проявляются не только в речевых формах, но и в интонации, жестах, визуальном и проксеимном поведении, а также в параязыковых характеристиках речи. В художественном тексте данные средства функционируют как элементы коммуникативной организации взаимодействия персонажей и подлежат лингвистическому анализу.

Связь между художественным текстом и гендерной лингвистикой проявляется прежде всего в возможности анализа коммуникативного поведения персонажей. В этом отношении проза Людмилы Улицкой представляет собой репрезентативный материал для исследования, поскольку в ней развернута система взаимодействия персонажей и представлены разнообразные коммуникативные ситуации. Тексты писательницы характеризуются вниманием к повседневной коммуникации и подробным изображением речевого взаимодействия, что позволяет выявлять устойчивые модели реализации речевых актов, а также особенности использования вербальных и невербальных средств общения в гендерном аспекте.

Несмотря на значительное количество литературоведческих исследований творчества Л. Улицкой, его языковая специфика, в том числе в аспекте гендерных различий в коммуникации, до сих пор является недостаточно изученной. В существующих работах основное внимание уделяется сюжету, композиции и философской проблематике произведений, тогда как языковые стратегии персонажей и особенности их коммуникативного поведения анализируются лишь фрагментарно.

Настоящая диссертация направлена на восполнение данного пробела и представляет собой лингвистическое исследование вербальных и невербальных средств коммуникации в прозе Людмилы Улицкой в гендерном аспекте.

Цель работы — выявить и описать особенности вербальной

и невербальной коммуникации персонажей с учетом гендерного фактора и определить их функцию в организации художественного текста.

Предметом нашего интереса являются языковые и коммуникативные характеристики персонажей, проявляющиеся в их речевом и неречевом поведении. Материалом исследования служит корпус художественных текстов Л. Улицкой, включающий романы *Искренне ваш Шурик*, *Казус Кукоцкого*, *Медея и ее дети*, а также повести и рассказы *Второго марта того же года*, *Дар нерукотворный*, *Дочь Бухары*, *Сонечка*, *Цю-юрихь* и *Чужие дети*.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что в прозе Л. Улицкой гендерные различия системно проявляются в выборе коммуникативных стратегий, реализации речевых актов, а также в использовании вербальных и невербальных средств общения.

К основным задачам исследования относятся уточнение теоретических оснований гендерной лингвистики, релевантных для анализа художественного текста, выявление особенностей вербальной коммуникации персонажей с учетом гендерного фактора, а также анализ невербальных компонентов их коммуникативного поведения, включая параязыковые, жестовые, визуальные и проксеменные средства. Кроме того, в работе осуществляется систематизация языковых и параязыковых средств, используемых персонажами в процессе коммуникации, и определяется их функция в организации взаимодействия персонажей в художественном тексте.

В работе используются типологический метод (для выделения групп и моделей коммуникации), а также интерпретационный анализ, направленный на выявление функций языковых и параязыковых средств в художественном тексте. В отдельных случаях учитываются наблюдения, связанные с относительной частотностью анализируемых явлений. Применение данных подходов обеспечивает комплексный анализ коммуникативного поведения персонажей и позволяет выявить устойчивые

особенности реализации вербальных и невербальных средств в гендерном аспекте.

Творчество Л. Улицкой рассматривается в работе как корпус текстов, репрезентирующий разнообразные модели коммуникативного взаимодействия, что делает его релевантным материалом для лингвистического анализа.

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения.

В первой главе осуществляется теоретическое обоснование исследования: рассматриваются основные положения феминистской теории (в том числе концепция трех волн феминизма) и гендерной лингвистики, а также уточняется понятийный аппарат, используемый для анализа вербальной и невербальной коммуникации. Особое внимание уделяется интерпретации гендера как социально обусловленной категории и его роли в формировании коммуникативного поведения.

Во второй главе проза Людмилы Улицкой рассматривается как объект лингвистического анализа. Описывается специфика коммуникативной организации ее текстов, включая типы взаимодействия персонажей и характерные коммуникативные ситуации. Особое внимание уделяется тем аспектам структуры произведений, которые релевантны для исследования вербального и невербального поведения персонажей.

В третьей главе проводится развернутый анализ вербальной коммуникации персонажей в гендерном аспекте. В центре внимания находятся речевые акты, представленные в прозе Л. Улицкой, в частности обращения, приветствия, комплименты, просьбы, жалобы, извинения и прощания. Наш анализ направлен на выявление способов языковой реализации указанных актов, их прагматических функций, а также коммуникативных стратегий, в рамках которых они используются. Нами рассматриваются типичные модели речевого поведения персонажей, включая выбор языковых средств, степень эксплицитности высказывания, формы вежливости и способы выражения коммуникативных намерений.

Особое внимание уделяется сопоставлению речевого поведения мужских и женских персонажей, что позволяет выявить устойчивые различия в реализации речевых актов и особенности их функционирования в художественном тексте.

В четвертой главе проводится анализ невербальной коммуникации персонажей в гендерном аспекте. В центре внимания находятся параязыковые, жестовые, тактильные, визуальные и проксеменные компоненты коммуникативного поведения. Наш интерес направлен здесь на выявление функций указанных средств в структуре коммуникативного взаимодействия, а также на описание способов их реализации в художественном тексте. Мы рассматриваем различные типы невербального поведения, включая интонационные характеристики речи, жесты, формы телесного контакта, особенности зрительного взаимодействия и пространственную организацию общения. Особое внимание уделяется сопоставлению моделей невербального поведения мужских и женских персонажей, что позволяет выявить устойчивые различия в их коммуникативных стратегиях и способах выражения эмоций и коммуникативных намерений.

В заключении обобщаются результаты анализа вербальных и невербальных коммуникативных стратегий персонажей и формулируются выводы о способах реализации гендерно обусловленных особенностей коммуникации в прозе Л. Улицкой. В нем также соотносятся полученные результаты с выдвинутой гипотезой о системном характере гендерных различий, проявляющихся на различных уровнях художественного дискурса. Кроме того, определяется значимость гендерной лингвистики как инструмента анализа художественного текста, а также намечаются перспективы дальнейших исследований.

1. Феминизм — основные теории

Гендерные исследования сформировались в западной гуманитарной мысли во второй половине XX века как реакция на социальные трансформации, критику сексизма и пересмотр традиционных научных парадигм, включая реформирование лингвистики. Осмысление проблем гендерной лингвистики невозможно без обращения к понятию «феминизм» и теоретическому наследию трех волн феминистского движения. Эти волны не только отражают мировоззренческие сдвиги разных эпох, но и оказали существенное влияние на формирование современного понимания гендера как категории, определяющей языковое и коммуникативное поведение.

1.1. Феминистские движения и их влияние на язык

Феминизм — это общественно-политическое и интеллектуальное движение, направленное на достижение равноправия женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни¹. Данный термин восходит к латинскому слову *femina* — ‘женщина’. В современной научной и общественной мысли существует множество его трактовок. *Cambridge Dictionary* определяет этот термин следующим образом: «The belief that women should have the same economic, social, and political rights as men»²; *A Concise Glossary of Feminist Theory* дает более широкую его интерпретацию:

The term has been one under which many women have mobilized in movements aimed at social transformation of sex and gender. Feminism has created a rich seam of social and cultural critical theory, and political practice which has had a major

¹ Феминистское движение, в: *Словари и энциклопедии на Академике*, <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1163733> (19.02.2021).

² *Cambridge Dictionary*, <https://dictionary.cambridge.org/pl/dictionary/english-polish/feminism> (09.09.2021).

impact on the everyday, commonsense assumption that circulates in social practice and in the media³.

Анна Насиловска обращает внимание на сложность современного понимания феминизма и его неоднозначное место в литературоведении. По ее словам:

Nie jest jasne, czy feminizm ograniczać się powinien do badania tekstów pisanych przez kobiety, czy też może traktować jako swój naturalny przedmiot badań wszystko to, gdzie temat kobiety się pojawia, abstrahując od płci autora [...]»⁴.

Таким образом, феминизм можно рассматривать как:

- 1) философскую теорию, исследующую природу женской субъектности, социальный статус и механизмы угнетения;
- 2) социально-политическую концепцию, анализирующую формы неравенства и предлагающую пути преодоления дискриминации;
- 3) общественное движение, направленное на расширение прав и возможностей женщин;
- 4) идеологию, выражающую интересы женщин и противостоящую патриархальным практикам;
- 5) методологию гуманитарных исследований, акцентирующую внимание на специфике женского опыта и его репрезентации в культуре⁵.

³ «Под этим термином многие женщины объединились в движения, направленные на социальную трансформацию пола и гендера. Феминизм создал богатый пласт социальной и культурной критической теории, а также политической практики, которая оказала значительное влияние на повседневные, общепринятые предположения, распространенные в социальной практике и средствах массовой информации». S. Andermahr, T. Lovell, *A Concise Glossary of Feminist Theory*, London–New York–Sydney 1997, с. 76–77. Здесь и далее, если не указано иначе, перевод цитат наш — Х.М.

⁴ «Неясно, должен ли феминизм ограничиваться изучением текстов, написанных женщинами, или же он может рассматривать в качестве своего естественного предмета исследования всё, где затрагивается тема женщины, абстрагируясь от пола автора [...]». A. Nasiłowska, *Teksty feministyczne, w: Ciało i tekst. Feminizm w literaturoznawstwie — antologia szkiców*, ред. A. Nasiłowska, Warszawa 2001, с. 7–8.

⁵ Т.В. Муслумова, *Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления*, «Вестник

В научной литературе представлены разные версии происхождения термина «феминизм». Ольга Воронина и Валентина Успенская связывают его появление с именем французского социалиста-утописта Шарля Фурье, который использовал его в конце XVIII века⁶. Феминистские идеи раннего периода формировались среди женщин буржуазного сословия и были тесно связаны с промышленной революцией во Франции и американским аболиционистским движением.

Большинство исследователей, однако, считают, что термин приобрел современное значение лишь в XIX веке, когда женское движение стало оформляться как политическая борьба за гражданские и социальные права⁷.

Отдельного упоминания заслуживает и то, что с конца 1960-х годов феминизм вступает в новый этап активизации, характеризующийся развитием теоретических школ, расширением повестки (от правовых вопросов до проблем тела, сексуальности, языка и репрезентации) и формированием трех волн феминистского движения.

Феминистами, в свою очередь, называют тех, кто,

исходя из различных теоретических оснований, осознает подчиненное положение женщин, их низкий социальный статус и поддерживает идею женской эмансипации (лат. *emancipatio* — освобождение от зависимости, угнетения, от предрассудков)⁸.

Это определение подчеркивает как аналитический, так и ценностный характер феминистской позиции.

Шадринского государственного педагогического университета» 2015, № 4, с. 115.

⁶ Е.В. Бочарова, *Кураторство в феминистских художественных самоорганизациях России*, Москва 2020, с. 39.

⁷ Н.Р. Павленко, *Феминизм в общественно-политической жизни: история появления и развития*, «Вопросы студенческой науки» 2020, № 2 (42), с. 283–288; И.В. Крыкова, *Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке*, «Аналитика культурологии» 2008, № 11, с. 65–70.

⁸ Т.В. Муслумова, *Феминизм: истоки...*, с. 115.

1.1.1. Первая волна феминизма

Первая волна феминизма представляет собой реформаторское движение, возникшее в странах Запада в середине XIX века и продлившееся до 1920-х годов. Ее участницами стали главным образом образованные женщины из буржуазных и дворянских слоев, предпринимательницы и общественные деятельницы. Интеллектуальной основой движения служила классическая либеральная философия, утверждавшая естественные права личности и принцип гражданского равенства.

Центральным направлением первой волны являлось суфражистское движение, сосредоточенное на двух основных задачах: обеспечении имущественных прав замужних женщин и предоставлении им избирательного права.

Знаковым событием стал конвент в Сенека-Фоллс (США) в 1848 году, на котором была принята *Declaration of Sentiments* (Декларация чувств). В этом документе впервые были системно сформулированы требования равенства женщин и мужчин в доступе к образованию, в имущественных правах, в выборе профессии и в участии в политической жизни⁹. Конгресс в Сенека-Фоллс считается отправной точкой организованного феминистского движения первой волны.

Расширение общественной дискуссии о женских правах способствовало росту интереса западных лингвистов к изучению различий в речи мужчин и женщин. Внимание исследователей привлекли особенности голосового аппарата, фонетические и интонационные различия, разный характер использования лексики.

Однако первые попытки объяснить эти различия опирались на концепцию биологического детерминизма, которая получила распространение в XIX веке в контексте дарвиновской эволюционной

⁹ Феминистское движение...

теории¹⁰. Одним из наиболее известных представителей этого подхода был датский лингвист Отто Есперсен. Он утверждал, что женщины используют язык более консервативно, менее гибко, чем мужчины, и пришел к выводу о «умственном превосходстве» мужчин¹¹. В рамках такого понимания мужская речь рассматривалась как нормативная, а женская — как отклонение от нормы, что отражало господствующие в обществе представления о вторичности и неравном статусе женщин¹².

Хотя биодетерминизм выявил сам факт различий между мужской и женской речью, он одновременно закреплял дискриминационные установки. Именно критика таких подходов стала для феминистского движения стимулом к выработке нового — социального и культурного — понимания гендера. В результате постепенно формировалось убеждение, что различия между мужской и женской речью имеют социальную обусловленность, а не биологическую природу, что подготовило почву для появления современных гендерных исследований и гендерной лингвистики.

1.1.2. Вторая волна феминизма

Вторая волна охватывает период приблизительно с начала 1960-х до начала 1990-х годов. Она стала продолжением идей первой волны, но значительно расширила проблемное поле, сместив акцент с юридического равноправия на анализ фактического социального неравенства. В центре внимания оказались вопросы сексуальности, репродуктивных прав, положения женщины в семье и на рынке труда, а также культурные механизмы поддержания дискриминации. Главной задачей этого этапа стало устранение социальных барьеров, препятствующих женской

¹⁰ Х.Х. Нурсеитова, С.В. Башаева, Ю.И. Безрукова, А.В. Гринчук, С.Б. Кайдагулова, *Англо-русский словарь с толкованием гендерных терминов*, Павлодар 2009, с. 11.

¹¹ Р. Х. Чжао, *Язык и гендер — новое направление исследования русского языка*, Нанкин 1999, № 3, с. 26.

¹² J. Szpyra-Kozłowska, *Marsjanie i Wenusjanki? O języku młodych Polaków i Polek*, Kraków 2024, с. 24–25.

самоактуализации, и критическое переосмысление патриархальных норм.

Именно в рамках второй волны формируется и закрепляется концепт «гендер» как одно из центральных понятий социальных и гуманитарных наук. Исследовательницы обращаются не только к описанию различий между речью мужчин и женщин, но и к поиску социальных, культурных и институциональных оснований этих различий.

Термин «gender» вошел в англоязычную философскую и социологическую литературу в конце 1960-х годов. Он использовался для анализа разделения общественного труда, распределения семейных ролей, социальной сегрегации пространства, культурных ожиданий, адресованных мужчинам и женщинам¹³.

Таким образом, гендер рассматривался не как биологический пол, а как социальное отношение, конструируемое в рамках конкретной культуры.

Алла Кирилина подчеркивает, что категория гендера была изъята из традиционного лингвистического контекста (где она обозначала грамматическую категорию рода) и перенесена в сферу социальной философии, социологии, истории и политического дискурса. Это позволило уйти от термина «sexus» (биологический пол), поскольку он был связан с представлением о природной детерминированности не только половых различий, но и ролевого поведения. Как отмечает исследовательница: «Гендер был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий»¹⁴.

В широком понимании гендер представляет собой сложный и многомерный конструкт. По меткому выражению Натальи Абубикировой, гендер — это

¹³ Т.В. Барчунова, «Эгоистичный гендер», или *Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях*, «Общественные науки и современность» 2002, № 5, с. 180.

¹⁴ А.В. Кирилина, *Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах*, в: *Гендер и язык*, ред. и сост. А.В. Кирилина, Москва 2005, с. 11.

конструкция концептуальная и основанная на опыте, индивидуальная и общественная, кросс-культурная и специфически культурная, физическая и духовная, а также политическая. То есть она является отражением жизни в мире, создавшем нас не просто людьми, но всегда женщиной или мужчиной¹⁵.

Разграничение понятий «пол» и «гендер» было предложено сексологом Джоном Мани в 1955 году¹⁶, однако оно не получило широкого распространения вплоть до начала 1970-х годов. Несмотря на развитие феминистского движения и теории, термин «гендер» долгое время оставался малоупотребительным. Именно в период второй волны данное разграничение стало теоретическим инструментом, позволившим поставить под сомнение идею «биологии как судьбы» и открыть новые горизонты для гуманитарных исследований¹⁷.

Если пол фиксирует биологические различия (анатомические, физиологические), то гендер описывает социальные практики, нормы и ожидания, связанные с категориями «мужское» и «женское». Переход от категории «пол» к категории «гендер» знаменует движение от биологического к социокультурному уровню анализа¹⁸.

Важным этапом становления гендерной теории стала книга Симоны де Бовуар *Le Deuxième Sexe*¹⁹ (*Второй пол*), которая оказала огромное влияние на феминизм второй волны²⁰. Ее знаменитый тезис — «Женщиной не рождаются, ею становятся» — стал поворотным моментом в отказе от

¹⁵ Н.И. Абубикирова, *Что такое «гендер»?», «Общественные науки и современность» 1996, № 6, с. 123–125.*

¹⁶ Г.Р. Тожибоева, Э.Р. Бекирова, *Актуализация гендерного равенства в современном обществе, «Academic Research in Educational Sciences» 2020, т. 1, № 4, с. 391.*

¹⁷ Е.Р. Ярская-Смирнова, *Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе*, в: *Введение в гендерные исследования*, ред. И.А. Жеребкина, Харьков 2001, с. 17–48.

¹⁸ Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, *Социальное конструирование гендера: феминистская теория*, в: *Введение в гендерные...*, с. 147–173.

¹⁹ S. de Beauvoir, *Le Deuxième Sexe*, Paris 1949.

²⁰ А.В. Африканова, Е.В. Африканова, *Основные идеи и представители философии феминизма*, в: *Человек. Культура. Общество: материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 23–24 мая 2019 г.)*, ред. Н.В. Розенберг, Пенза 2019, с. 3–7.

биодетерминизма и в осмыслении женской субъектности.

В этот же период формируется феминистская лингвистика и возникает направление феминистской критики языка, ориентированное на выявление и устранение следов мужского доминирования в языковой системе. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в США и Германии исследовательницы анализировали языковые механизмы маргинализации женщин, асимметрию в языковых формах, а также стереотипизацию и невидимость женского опыта.

Первой фундаментальной работой в этом направлении стала книга Робин Лакофф *Language and Woman's Place*²¹ (*Язык и место женщины*). Лакофф показала, что язык отражает и воспроизводит социальную иерархию полов, закрепляя слабую позицию женщин в дискурсивных практиках. Таким образом, феминистская критика языка имела не только аналитический, но и реформаторский характер: она стремилась повлиять на языковую политику и способствовать устранению дискриминации²².

Во время второй волны феминистская мысль разделилась на несколько основных направлений:

- 1) Либеральный феминизм, который акцентировал внимание на индивидуальных правах, свободе выбора и необходимости правовых реформ. Либеральные феминистки исходили из того, что подчиненный статус женщин обусловлен ограниченным доступом к образованию, властным институтам и экономическим ресурсам²³. Представительницей этого направления является Бетти Фридан, автор книги *The Feminine Mystique*²⁴ (*Загадка женственности*), критиковавшей идеологию «женственности» и домашнего заточения.
- 2) Радикальный феминизм, который сосредоточивался на теории патриархата, согласно которой мужчины занимают центральное место

²¹ R. Lakoff, *Language and Woman's Place*, «Language in Society» 1973, т. 2, № 1, с. 45–80.

²² А.А. Денисова, *Тезаурус терминологии гендерных исследований*, Москва 2003, http://gender.academic.ru/576/Феминистская_критика_языка (09.03.2021).

²³ *Либеральный феминизм*, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1820184> (27.12.2021).

²⁴ B. Friedan, *The Feminine Mystique*, New York 1963.

в системе власти, а мужское превосходство угнетает женщин. Патриархат рассматривался как «трансисторическое явление»²⁵. Радикальные феминистки не только бросали вызов патриархату, но и выступали против традиционных гендерных ролей, призывая к коренной трансформации общества. Среди них — Дали Мэри, автор книги *Gyn/ecology: The Metaethics of Radical Feminism*²⁶ (*Гинекология/Экология: метаэтика радикального феминизма*) и Шуламит Файрстоун — автор работы *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*²⁷ (*Диалектика пола. Обоснование феминистской революции*).

- 3) Марксистский феминизм, который объяснял угнетение женщин системой капитализма и частной собственности. По мнению его сторонников, именно они лежат в основе гендерного неравенства, а освобождение женщин возможно только через радикальную перестройку капиталистической экономики. Частная собственность приводила к экономической зависимости и политическому подчинению женщин, формируя постоянный гендерный антагонизм²⁸. Теоретическую основу направления составила работа Фридриха Энгельса *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats* (*Происхождение семьи, частной собственности и государства*²⁹).
- 4) Социалистический феминизм, который опирался как на марксистскую традицию, так и на концепцию патриархата, разработанную радикальными феминистками. Его сторонницы утверждали, что угнетение женщин вызвано взаимодействием

²⁵ Радикальный феминизм, https://spravochnikvs.com/radikal_nyj_feminizm_ponyatiya_i_osnovnye_postulaty (27.12.2021).

²⁶ M. Daly, *Gyn/ecology: The Metaethics of Radical Feminism*, Boston 1978.

²⁷ S. Firestone, *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*, New York 1970.

²⁸ Д.А. Коновалов, *Современный левый феминизм второй половины XX — начала XXI вв.: особенности формирования политической позиции*, в: *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт*, ред. И.А. Ветренко, Омск 2018, с. 37–46.

²⁹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, в: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3*, <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf> (27.12.2021).

капитализма и патриархата. Женское движение, отделив женские проблемы от общесоциальных и классовых, стало рассматриваться как эффективный способ их решения³⁰. Социалистический феминизм анализировал не только публичные сферы жизни, но и частные: неравенство на рабочем месте, в быту, в семейных отношениях. Преодоление дискриминации, по их мнению, возможно лишь через комплексные меры, направленные против культурных и экономических источников женского угнетения³¹.

Все перечисленные направления пытались объяснить причины гендерных различий и неравенства с разных теоретических позиций. Это заложило основу для дальнейшего развития феминистской теории, хотя каждое из них имело свои исторические и концептуальные ограничения³²: во-первых, перечисленные направления уделяют чрезмерное внимание гендерным различиям, трактуя мужчину и женщину как две противоположные и статичные категории; во-вторых, в анализе взаимоотношений между гендером и обществом они нередко рассматривают гендерные различия как единственную причину неравенства, игнорируя такие факторы, как культурная среда, психологические особенности, традиции и условия жизни.

В целом, как нам представляется, феминизм не должен ни жестко разделять психологический пол и гендер, ни полностью нивелировать их различия. Его задача состоит в том, чтобы открывать пространство для исследования подвижности и нестабильности гендерных характеристик.

³⁰ С.Л. Чустеева, *Гендерные исследования: история формирования новой методологии изучения культуры*, <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vital:7549/SOURCE01?view=true> (27.12.2021).

³¹ Т.В. Муслумова, *Феминизм: истоки...*, с. 118.

³² 周民权, 俄汉社会性别语言的语用对比研究, 北京, 2014, 第 15 页。

1.1.3. Третья волна феминизма

Третья волна феминизма, начавшаяся в 1990-е годы, была реакцией на ограниченность теоретических и политических подходов предыдущего этапа, а также попыткой преодолеть негативные стереотипы, сложившиеся вокруг феминизма во второй половине XX века. На первый план вышли темы, связанные с насилием в отношении женщин, созданием систем социальной поддержки и приютов для его жертв, борьбой за репродуктивные права, а также проблемы институционализации гендерных исследований в университетской среде.

Феминистки третьей волны подчеркивали необходимость пересмотра нормативного образа женщины, укоренившегося как в массовой культуре, так и в языке. В центр внимания были поставлены проблемы дискриминации, стереотипизации, объективизации, различных форм угнетения и патриархального контроля. Основным принципом этого этапа стало утверждение, что ни права, ни социальный статус, ни возможности человека не могут определяться его половой принадлежностью. В рамках третьей волны оформились новые направления, включая структуралистский и постмодернистский феминизм, культурный феминизм, а также движения, отражающие опыт небелых женщин и представителей других маргинализованных сообществ³³.

Несмотря на расширение тематического поля, третья волна подвергалась критике за избыточный плюрализм и фрагментарность. Разнообразие подходов затрудняло формирование единой политической стратегии, а акцент на индивидуальном опыте нередко приводил к снижению теоретической целостности и консолидации движения.

Под влиянием третьей волны феминизма сформировалась теория социального конструирования гендера, противопоставляющаяся

³³ Т.В. Муслумова, *Феминизм: истоки...*, с. 117.

биологическому детерминизму³⁴. Ее основная идея заключается в отрицании понимания биологического пола как природной и неизменной данности. Согласно этой теории, биологический пол не является источником устойчивых различий в поведении, психологии и культуре, а то, что воспринимается как «мужское» и «женское», создается и поддерживается в процессе социальных взаимодействий. Гендер понимается не как фиксированная характеристика, а как динамический процесс, формируемый через обучение, нормы, воспитание и культурные практики. С одной стороны, гендерные отношения предстают как объективная социальная структура, воздействующая на индивидов; с другой — они субъективно переживаются и воспроизводятся в результате накопления индивидуального опыта. Теория социального конструирования уточнила и расширила традиционное понимание гендера, предоставив исследователям более гибкий инструмент для анализа гендерных различий, в том числе на уровне языка и коммуникативного поведения. Вместе с тем она подвергалась критике за недооценку биологических факторов, чрезмерную сосредоточенность на культурных и индивидуальных аспектах и, как следствие, ограниченность ее универсального объяснительного потенциала.

Современные исследователи выделяют также четвертую волну феминизма, которая начала складываться примерно с 2008 года. В российской науке термин впервые появился в 2016 году³⁵. Специфика четвертой волны заключается в переносе основной активности в социальные сети, где обсуждаются как уже известные проблемы (дискриминация, насилие), так и новые — бодипозитив, харассмент и др. Часть исследователей рассматривает эту волну как продолжение третьей, полагая, что различия между ними касаются скорее форм активности, чем идейных

³⁴ Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, *Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования*, в: *Российский гендерный порядок: социологический подход*, ред. Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, Санкт-Петербург 2007, с. 18.

³⁵ А.А. Гнедаш, *Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер*, «Вестник РУДН. Серия: Политология» 2022, т. 24, № 1, с. 69.

оснований³⁶. Основная сила четвертой волны заключается в глобальном охвате и сетевой природе, позволяющих мобилизовать аудиторию в реальном времени, однако одновременно она критикуется за фрагментарность, зависимость от медиа-дискурса и недостаток институционализированной теоретической базы.

³⁶ Д. Сергеева, *Что такое феминизм в пяти терминах?*, <https://trends.rbc.ru/trends/social/60dedd5b9a79472f59d47562> (11.09.2021).

1.2. Гендерная лингвистика — исследования и перспективы

Гендерная лингвистика является одним из важнейших направлений междисциплинарных гендерных исследований. Ее центральная задача заключается в анализе того, каким образом гендер — понимаемый как конвенциональный социокультурный конструкт, относительно автономный по отношению к биологическому полу, — проявляется в языке, коммуникативных практиках и дискурсивных структурах. Гендерная лингвистика сочетает методы классической лингвистики с подходами социальной философии, культурологии, психолингвистики и социолингвистики, что позволяет рассматривать языковое поведение как пространство, где воспроизводятся и трансформируются гендерные нормы.

1.2.1. История гендерных исследований

Как уже отмечалось, гендерные исследования имеют свои истоки в западной гуманитарной мысли. На ранних этапах мужчины и женщины рассматривались преимущественно как объекты биологической концепции и различия между ними объяснялись природными характеристиками. В начале XX века самостоятельного исследовательского направления еще не существовало, однако появляются первые работы, в которых предпринимались попытки описать гендерные особенности речи.

Одним из исследователей мужской и женской речи был австрийский и немецкий журналист, писатель и философ Фриц Маутнер, автор монографии *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*³⁷ (*Введение в критику языка*). Анализируя коммуникацию в различных социальных слоях, он отмечал

³⁷ F. Mauthner, *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*, Stuttgart 1901–1903.

различия между мужским и женским речевым поведением. Маутнер предполагал, что творческое освоение языка свойственно в большей степени мужчинам, тогда как женщины лишь усваивают уже созданные речевые модели³⁸.

Он связывал появление «женского языка» с традицией античного театра, где женские роли исполняли мужчины, и утверждал, что собственно женская речь могла сформироваться лишь тогда, когда женщины получили доступ к публичной сфере. Подобная интерпретация отражала стереотипы своего времени: она абсолютизировала различия между «мужским» и «женским» языком, лишая женщин автономности в формировании речевых практик³⁹. Несмотря на ограниченность, взгляды Маутнера важны как ранняя попытка поставить вопрос о гендерных различиях в языке.

Существенный вклад в развитие этой тематики внес американский лингвист и этнолог Эдвард Сепир, который рассматривал пол и социальный статус как важные измерения идентичности. Он отмечал, что фонологические различия могут служить индикатором пола говорящего, и показал, что в ряде языков пол маркируется индексально и облигаторно. Эти наблюдения были подтверждены последующими исследованиями в языках коренных народов Америки и других лингвистических традициях. Сепир считал такой способ маркирования основным и наиболее распространенным средством гендерной дифференциации, зафиксированным в лингвистической литературе⁴⁰. Обращал внимание и на различия в лексике и морфологии: по его мнению, мужчины использовали более длинные и развернутые формы, иногда добавляли специальные суффиксы, в то время как женская речь была склонна к сокращенным формам. Он интерпретировал эти различия как отражение социального неравенства: «мужские» формы связывались им с официальностью и публичностью, тогда

³⁸ А.В. Кирилина, *Гендер: лингвистические аспекты*, <https://www.scribd.com/document/495680178/Кирилина-А-В-гендер> (10.05.2021).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

как «женские» — с бытовой, повседневной сферой⁴¹.

С современных позиций такие выводы кажутся методологически ограниченными. Сепир не учитывал социальных факторов, определявших доступ мужчин и женщин к публичной сфере, образованию и межкультурному общению. В связи с этим его характеристика «женского языка» как упрощенного сегодня воспринимается как редукционистская. Однако именно его попытки осмыслить связь между языком, полом и социальной стратификацией стали одним из важных этапов в формировании будущей гендерной лингвистики.

Значительное влияние на ранние представления о гендерной дифференциации языка оказал также датский лингвист Отто Есперсен. Его труд *Language, its Nature, Development and Origin*⁴² (*Язык, его природа, развитие и происхождение*), опубликованный в 1922 году, стал первой масштабной попыткой систематически описать различия между речью мужчин и женщин. По сравнению с Эдвардом Сепиром, Есперсен предложил более широкий обзор различий между мужской и женской речью. Он утверждал, что женщины чаще используют эвфемизмы, обращаются к более «мягким» формам выражения, в то время как мужчины склонны к употреблению прямой и бранной лексики. Он считал женскую речь более консервативной и устойчивой к языковым изменениям, что связывал с ограниченностью женской социальной мобильности и монолингвальностью. На синтаксическом уровне он отмечал предпочтение женщинами паратаксиса и эллиптических структур, в то время как мужчинам были свойственны сложные периоды и более развитая гипотаксисная структура⁴³. Исходя из этих фактов, ученый пришел к выводу о «умственном превосходстве» мужчин.

⁴¹ *Гендер и язык...*, с. 17–18.

⁴² O. Jespersen, *Language: Its Nature, Development, and Origin*, London 1922.

⁴³ В.Н. Четверикова, *Грамматическая реализация гендерной специфики (на материале текстов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере)*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Иваново 2019, с. 60.

Многие выводы Есперсена сегодня оцениваются критически. Он опирался преимущественно на субъективные наблюдения⁴⁴, не учитывая социальный контекст, в котором мужчины традиционно имели больший доступ к образованию, публичной деятельности и межкультурной коммуникации. Его утверждение об «умственном превосходстве» мужчин явно отражает культурные установки своего времени. Несмотря на это, вклад Есперсена трудно переоценить: он одним из первых поставил вопрос о системной корреляции между языком и гендером, что в дальнейшем стало отправной точкой для развития современной гендерной лингвистики.

Одной из ведущих фигур американского феминизма второй половины XX века является Бетти Фридан. В своей общественной и интеллектуальной деятельности она последовательно выступала за равноправие женщин в различных сферах общественной жизни — от равной с мужчинами оплаты труда и участия в политике до расширения репродуктивных прав женщин и утверждения принципа телесной автономии.

В 1963 году Фридан опубликовала книгу *The Feminine Mystique*⁴⁵ (*Загадка женственности*), которая считается одной из наиболее влиятельных работ XX века. В ней анализировала социальное положение американских женщин 1950–1960-х годов, чья жизненная реализация во многом сводилась к роли домохозяйки, что сопровождалось ощущением фрустрации, нереализованности и утраты личной идентичности.

Критически реконструируя доминирующий в массовом сознании образ «истинной женственности», Фридан описывает его следующим образом:

The highest value and the only commitment for women is the fulfillment of their own femininity. It says that the great mistake of Western culture, through most of its history, has been the undervaluation of this femininity. It says this femininity is

⁴⁴ И.И. Скачкова, *Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса*, «Вестник ТГЭУ» 2009, № 4, с. 122–123.

⁴⁵ B. Friedan, *The Feminine Mystique*, New York 1963.

so mysterious and intuitive and close to the creation and origin of life that man-made science may never be able to understand it. But however special and different, it is in no way inferior to the nature of man; it may even in certain respects be superior. The mistake, says the mystique, the root of women's troubles in the past is that women envied men, women tried to be like men, instead of accepting their own nature, which can find fulfillment only in sexual passivity, male domination, and nurturing maternal love⁴⁶.

Как подчеркивает Фридан, подобная идеология представляла женственность как некую «естественную» и неизменную сущность, противопоставляемую мужскому рациональному началу и оправдывающую социальную пассивность, зависимость и подчиненное положение женщин.

Идеи, изложенные в *The Feminine Mystique*, стали импульсом для развития гендерных исследований и вызвали широкий общественный резонанс, положив начало масштабным дискуссиям о «женском вопросе» в США и сыграв важную роль в формировании второй волны феминизма.

Вместе с тем позднейшие исследователи указывали на определенную ограниченность данной работы, отмечая, что она в первую очередь отражает опыт белых женщин среднего класса и в меньшей степени учитывает расовые, этнические и социально-экономические различия. Несмотря на это, книга Фридан стала символом нового этапа феминистской мысли и важной точкой отсчета для последующих теоретических и эмпирических исследований гендера.

В 1973 году американская лингвистка Робин Лакофф опубликовала

⁴⁶ «Высшей ценностью и единственным обязательством женщин является реализация собственной женственности. Говорится, что величайшей ошибкой западной культуры на протяжении большей части ее истории была недооценка этой женственности. Говорится, что эта женственность настолько таинственна и интуитивна, и близка к сотворению и происхождению жизни, что наука, возможно, никогда не сможет ее понять. Но каким бы особенным и отличным она ни была, она ничуть не уступает природе мужчины; в некоторых отношениях может даже превосходить ее. Согласно этой концепции, корень женских бед прошлого заключается в том, что женщины завидовали мужчинам, пытались быть похожими на мужчин, вместо того чтобы принять свою собственную природу, которая может найти свое воплощение только в сексуальной пассивности, доминировании мужчин и заботливой материнской любви». Там же, с. 70.

статью *Language and Woman's Place*, в которой впервые системно поставила вопрос о взаимосвязи языка, гендера и социального неравенства. Исходя из предположения о социально обусловленном характере речевых норм, Лакофф утверждала, что способы, которыми от женщин ожидается говорить, не только отражают их подчиненное положение в обществе, но и способствуют его воспроизводству⁴⁷.

Анализируя нормативные представления о «подходящей» женской речи и способы репрезентации женщин в языке, Лакофф писала:

The marginality and powerlessness of women is reflected in both the ways women are expected to speak, and the ways in which women are spoken of. In appropriate women's speech, strong expression of feeling is avoided, expression of uncertainty is favored, and means of expression in regard to subject-matter deemed 'trivial' to the 'real' world are elaborated. Speech about women implies an object, whose sexual nature requires euphemism, and whose social roles are derivative and dependent in relation to men. The personal identity of women thus is linguistically submerged; the language works against treatment of women, as serious persons with individual views⁴⁸.

Тем самым Лакофф показывала, что язык функционирует как инструмент символической власти, в рамках которого личная идентичность женщин оказывается лингвистически маргинализованной, а их социальные роли — производными по отношению к мужчинам.

Дальнейшее развитие эти идеи получили в одноименной монографии

⁴⁷ R. Lakoff, *Language and Woman's Place*, «Language in Society» 1973, vol. 2, no. 1, с. 45–80.

⁴⁸ «Маргинальность и беспомощность женщин находят отражение как в том, как ожидается, что женщины будут говорить, так и в том, как о женщинах говорят. В соответствующей женской речи избегают яркого выражения чувств, отдают предпочтение выражению неуверенности и используют средства описания предметов, считающихся «тривиальными» для «реального» мира. Речь о женщинах подразумевает объект, чья сексуальная природа требует эвфемизмов, а социальные роли являются производными и зависимыми по отношению к мужчинам. Таким образом, личностная идентичность женщин лингвистически подавляется; язык работает против восприятия женщин как серьезных личностей с собственными взглядами». Там же, с. 45.

Лакофф *Language and Woman's Place* ⁴⁹ (*Язык и место женщины*), опубликованной в 1975 году. Рассматривая женскую речь в социолингвистическом контексте, исследовательница выделила ряд характерных особенностей, таких как избегание грубой лексики, склонность к гиперкорректной грамматике и специфические фонетические черты. При этом данные характеристики трактуются не как универсальные свойства «женского языка», а как результат социальных ожиданий и нормативного давления.

Работы Лакофф заложили основы феминистской лингвистики и впервые показали системную связь между речевыми практиками и социальным неравенством. Вместе с тем ее выводы нередко подвергались критике за излишнюю генерализацию и опору преимущественно на интуитивные наблюдения, а не на масштабный эмпирический материал⁵⁰. Тем не менее труды Лакофф во многом определили дальнейшее развитие социолингвистических и прагматических исследований языка и гендера.

В целом, в исследованиях 1970-х годов так называемый «женский язык» описывался через совокупность характерных признаков, формулируемых преимущественно на основе интуитивных наблюдений и нормативных представлений о «подходящем» речевом поведении женщин:

- 1) Лексика: словарь женщин, как предполагалось, был в значительной степени связан традиционными сферами интересов и деятельности, что нередко иллюстрировалось формулой *Kinder, Küche, Kirche, Kleider* — «дети, кухня, церковь, платье», отражавшей консервативные ценности западноевропейской, в частности германской, культурной традиции.
- 2) Речевые стратегии: при выражении недовольства или грубости женщины, согласно распространенным представлениям того

⁴⁹ R. Lakoff, *Language and Woman's Place*, New York–Hagerstown–San Francisco–London 1975.

⁵⁰ J. Szpyra-Kozłowska, *Marsjanie i Wenusjanki? O języku...*, с. 28.

времени, чаще прибегали к смягченным, эвфемистическим и косвенным формам высказывания.

- 3) Интонация: отмечалось более частое использование женщинами вопросительной интонации в повествовательных и побудительных предложениях.
- 4) Подстраховочные вопросы: для подтверждения собственных высказываний женщины, как считалось, нередко использовали уточняющие вопросы («не правда ли?», «да?», «так?») вместо прямых утверждений.
- 5) Маркерные выражения: в речи фиксировалась высокая частотность вводных конструкций и модальных маркеров неопределенности, таких как «вы знаете», «мне кажется», «похоже».
- 6) Интенсификаторы: отмечалось более активное употребление женщинами эмфатических наречий и усилительных элементов («как красиво», «действительно правильно», «так поздно»).
- 7) Нормативность: произношение и синтаксис женской речи, по наблюдениям исследователей, в большей степени соответствовали литературной норме по сравнению с мужской речью.
- 8) Этикет: женщинам приписывалось более частое использование вежливых формул, более редкое употребление ругательств и вульгаризмов; их речь воспринималась как более серьезная и менее ориентированная на юмор⁵¹.

Подобные характеристики в значительной степени отражали культурные и гендерные стереотипы своего времени. Как было уже сказано, они не опирались на масштабные эмпирические исследования, что обуславливало их обобщенный и нормативный характер. Тем не менее

⁵¹ *Гендерные исследования речевого поведения,*
https://gendernii.wordpress.com/2011/06/12/gendernye_issledovaniya_rechevogo_povedeniya/
(08.06.2021).

именно эти ранние описания подготовили почву для последующего развития социолингвистических и гендерных исследований, в рамках которых начали активно применяться экспериментальные и количественные методы анализа.

Учитывая перечисленные характеристики, в рамках ранних исследований женская речь нередко оценивалась как беспомощная, подчиненная и лишенная автономного самосознания; ее стиль рассматривался как «ущербный» по сравнению с мужским. При этом феминистские авторы подчеркивали, что подобные особенности не являются следствием «природы» женской речи, а обусловлены социальным неравенством и асимметрией власти, вынуждающими женщин прибегать к определенным коммуникативным стратегиям⁵².

Подобные интерпретации наглядно показывают, в какой степени лингвистические исследования 1970-х годов были связаны с господствующими социальными установками своего времени. Женская речь трактовалась не как автономный коммуникативный феномен, а как «дефицитный» вариант по отношению к мужской речи. В современной науке данный подход оценивается как односторонний и методологически ограниченный; вместе с тем именно его критика стала отправной точкой для формирования новых направлений гендерной социолингвистики и пересмотра представлений о соотношении языка, власти и социальной идентичности.

В контексте становления гендерной лингвистики особого внимания заслуживают также более поздние исследования. Значимый вклад в изучение взаимосвязи между языком и полом внес труд американской социолингвистики Деборы Таннен *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*⁵³ (*Ты меня просто не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге*), опубликованный в 1990 году. В нем рассматриваются коммуникативные неудачи в общении мужчин и женщин, обусловленные

⁵² Там же.

⁵³ D. Tannen, *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*, New York 1990.

разными ожиданиями общества к представителям обоих полов, а также спецификой социализации в детском и подростковом возрасте, ориентированной на общение внутри однополых групп⁵⁴.

Таннен ввела в научный обиход термин «гендерлект», понимаемый как предполагаемый постоянный набор признаков мужской и женской речи, правила речевого поведения, стратегии и тактики речевого поведения мужчин и женщин в различных коммуникативных ситуациях в контексте той или иной культуры⁵⁵.

Согласно ее концепции, известной как теория различия, мужской стиль общения носит более конфронтационный характер, речь мужчин направлена на утверждение независимости, доминирующей позиции в группе и высокого социального статуса, тогда как речь женщин сосредоточена на поддержании взаимодействия и коммуникативной связи.

Теория Таннен получила широкий резонанс. Ее положения были использованы, например, Джоном Грэм в пользующейся большой популярностью книге *Men Are from Mars, Women Are from Venus: A Practical Guide for Improving Communication and Getting What You Want in Your Relationships*⁵⁶ (*Мужчины с Марса, женщины с Венеры*). Вместе с тем критики указывали на чрезмерное упрощение дихотомического разделения вербальной коммуникации на мужскую и женскую, подчеркивая, что реальные коммуникативные практики не всегда соответствуют данным моделям. Кроме того, высказывались сомнения в универсальности объяснения различий через социализацию в однополых группах, поскольку

⁵⁴ Ю.В. Надобко, *К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении*, «Lingua mobilis» 2010, № 2 (21), с. 66.

⁵⁵ *Словарь терминов межкультурной коммуникации*, ред. М.Г. Лебедевко, З.Г. Прошина, Москва 2013, с. 73.

⁵⁶ J. Gray, *Men Are from Mars, Women Are from Venus: A Practical Guide for Improving Communication and Getting What You Want in Your Relationships*, New York 1992.

коммуникативный опыт детей формируется в самых разных социальных условиях⁵⁷.

1.2.2. Гендерная лингвистика в России

По сравнению с западными исследованиями гендерная лингвистика в России сформировалась с определенным временным опозданием. В западной научной традиции в качестве комплексной междисциплинарной области гендерная лингвистика начала развиваться с конца 1960-х годов. В России же регулярные и систематические исследования, посвященные языковым аспектам гендера, стали появляться только в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Это было обусловлено как социально-политическими условиями, так и спецификой развития российской гуманитарной науки. Тем не менее с самого начала российские исследователи ставили перед собой достаточно четкие научные задачи. В отличие от ранних англоязычных работ, ориентированных преимущественно на критику языкового неравенства, российская гендерная лингвистика стремилась к комплексному описанию взаимосвязи языка, культуры и социальных представлений о гендере.

Истоки интереса к проблемам пола и социальной роли женщин в России восходят к середине XIX века и связаны с возникновением женского движения, развивавшегося на фоне социально-экономических и политических кризисов, а также общего демократического подъема. Первоначально деятельность женщин носила преимущественно благотворительный и культурно-просветительский характер, однако в дальнейшем акцент сместился на борьбу за право на высшее образование и доступ к квалифицированному труду.

Хотя сам термин «гендер» тогда еще не использовался, вопросы, связанные с различиями между мужчинами и женщинами и их социальной

⁵⁷ J. Szpyra-Kozłowska, *Marsjanie i Wenusjanki? O języku...*, с. 31–32, 41.

ролью, находили отражение в научной и публицистической мысли. Эти исследования не имели системного и институционализированного характера и не оформлялись в виде самостоятельного научного направления. Тем не менее они внесли заметный вклад в формирование гендерной проблематики в отечественной гуманитарной науке.

По замечанию Аллы Кирилиной, с определенной долей условности так называемые «догендерные» исследования в России можно разделить на два основных направления:

- 1) Психо- и социалингвистические исследования, в рамках которых анализировались особенности устной и письменной речи мужчин и женщин, влияние пола и возраста говорящего на процесс коммуникации, гендерные различия в восприятии речи, а также роль фактора пола в коммуникативном поведении информантов, в том числе в ассоциативных экспериментах;
- 2) Исследования, посвященные языковой номинации лиц мужского и женского пола, категории грамматического рода и связанным с ней проблемам референции и языковой репрезентации пола⁵⁸.

Развитию гендерной проблематики в научном дискурсе предшествовали социальные процессы. В 1970-е годы активизация международных и внутренних правозащитных движений в Советском Союзе способствовала росту самосознания женщин и их борьбе за социальный статус и права. Конец 1970-х — середину 1980-х годов можно рассматривать как первый этап современного российского феминистского движения⁵⁹.

Именно в этот период Ольга Силина и ряд других российских исследователей начинают изучать различия в речевом поведении мужчин и женщин на фонетическом уровне. В своих работах Силина анализировала особенности произношения мужчин и женщин в московском языковом

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ 张建华, *当代俄罗斯女性的女性主义运动和文学的女性叙事*, 《解放军外国语学院学报》, 2014 (3), 第 119 页。

пространстве, опираясь на экспериментальные фонологические методы. Проведенное ею сопоставление позволило выявить специфику гендерных различий в звуковой реализации речи. Эти исследования можно рассматривать как одни из первых систематических попыток описания влияния пола на фонетическую сторону речи в отечественной лингвистике, предвосхищающие последующее развитие гендерной лингвистики⁶⁰.

Период перестройки и 1990-е годы после распада Советского Союза принято рассматривать как второй этап современного российского феминистского движения. В это время возросший интерес к западным феминистским теориям сочетался с попытками их адаптации к российской социальной и культурной действительности, что свидетельствовало о постепенном углублении как общественной, так и научной рефлексии. Именно на данном этапе наблюдается новый подъем женского движения, а также активное развитие так называемой женской литературы, которая становится не только художественным выражением женского опыта, но и важным дискурсивным пространством формирования гендерной идентичности в постсоветском обществе⁶¹.

Существенную роль в институционализации гендерных исследований в российском языкознании сыграла монография *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*⁶², подготовленная коллективом авторов под руководством Елены Земской. В данной работе впервые была представлена систематизированная панорама исследований языка и гендера в европейских и американских научных традициях, а также последовательно проведено различие между биологическим полом и социальным гендером применительно к русскому языку. Эти положения заложили методологическую основу для дальнейшего развития гендерной лингвистики в России.

⁶⁰ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京, 2014, 第 32 页。

⁶¹ Там же, с. 120.

⁶² *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*, ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев, Москва 1993.

В одной из глав монографии — *Особенности мужской и женской речи*⁶³ — авторы сопоставляют языковые особенности речи мужчин и женщин с точки зрения произношения, словарного запаса и коммуникативного поведения. Рассматриваются также физиологически обусловленные характеристики голоса: по мнению авторов, вследствие врожденных анатомических различий голосовые связки женщин в среднем короче и тоньше, что обуславливает более высокую основную частоту тона. Женская речь, как отмечается, характеризуется большей вариативностью голоса и интонации, используемых для выражения эмоций и реализации коммуникативных намерений. Мужская речь, напротив, в рамках данного подхода трактуется как менее интонационно вариативная, что интерпретируется авторами как фактор более слабой эмоциональной окрашенности речевых актов.

Кроме того, в монографии проанализированы различия в коммуникативных стратегиях с позиций социальной психологии. В частности, отдельное внимание уделяется роли зрительного контакта как значимого невербального средства выражения эмоций и передачи различной информации — внимания, одобрения или несогласия. Отсутствие зрительного контакта, по мнению авторов, может служить сигналом нежелания поддерживать коммуникацию.

В рамках данного подхода отмечается, что женщины, как правило, чаще используют прямой взгляд и склонны дольше удерживать зрительный контакт в процессе общения. При этом подчеркивается, что в определенных социокультурных контекстах прямой взгляд со стороны мужчины, направленный на женщину, может интерпретироваться как невежливый или нарушающий принятые нормы социального поведения.

В XXI веке формы и проявления феминизма в России заметно

⁶³ Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, *Особенности мужской и женской речи*, в: *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*, ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев, Москва 1993, с. 90–135.

изменились. На смену резким декларациям и радикальным программам, характерным для ранних этапов, пришел более устойчивый и институционализированный подход к развитию гендерной проблематики. Это выразилось, в частности, в стабильном росте числа научных публикаций, а также в активном развитии женской литературы, которая функционирует как значимое дискурсивное пространство репрезентации женского опыта и гендерной идентичности.

Формирование феминистской критики как академического направления сопровождалось консолидацией литературоведов и лингвистов, а также активным включением молодых исследователей, что способствовало дальнейшему развитию гендерных исследований в России⁶⁴.

Важным этапом институционализации гендерной лингвистики стало создание в 2000 году в Московском государственном лингвистическом университете исследовательской группы по гендерной лингвистике и лаборатории гендерных исследований. В рамках деятельности этой группы были выдвинуты и апробированы новые гипотезы, связанные с гендерной теорией, что позволило критически переосмыслить ряд ранних концепций⁶⁵.

Существенный вклад в развитие гендерной лингвистики внесла Алла Кирилина, возглавившая работу данной исследовательской группы. Среди ее наиболее значимых трудов следует отметить монографии *Гендер: лингвистические аспекты*⁶⁶ и *Гендер и язык*⁶⁷. В первой работе автор анализирует философские основания гендерных исследований в гуманитарных науках, их становление в лингвистике, а также культурные концепты мужественности и женственности и языковые механизмы репрезентации гендерных стереотипов. Во второй монографии представлен обзор зарубежных исследований по гендерной проблематике,

⁶⁴ 张建华, 当代俄罗斯女性的女性主义运动和文学的女性叙事, 《解放军外国语学院学报》, 2014 (3), 第 122 页。

⁶⁵ А.В. Кирилина, М.В. Томская, *Лингвистические гендерные исследования*, «Отечественные записки» 2005, № 2, с. 112–132.

⁶⁶ А.В. Кирилина, *Гендер: лингвистические аспекты*, Москва 1999.

⁶⁷ *Гендер и язык*, ред. и сост. А.В. Кирилина, Москва 2005.

сопровождается обсуждением разнообразных подходов к изучению гендера в языке и коммуникации.

Особое значение однако имеет ее монография *Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации*⁶⁸, в которой предпринимается попытка системного осмысления принципов гендерного подхода в отечественной лингвистике. В данной работе гендер трактуется как культурная и дискурсивная репрезентация; описываются основные методы его изучения и формулируется современное понимание онтологического статуса гендера в лингвистической теории.

А. Кирилина опубликовала более сорока научных статей, посвященных различным аспектам гендерной проблематики в языке и коммуникации. В ряде своих работ она формулирует положения, которые легли в основу российской гендерной лингвистики. В статье *«Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста*⁶⁹ исследовательница анализирует самые существенные категории гендерного сознания и приходит к ряду принципиальных выводов. Во-первых, с точки зрения механизмов концептуализации действительности появление двух номинаций — «мужественность» и «женственность» — не является случайным: данные категории носят метафорический характер и благодаря своей семантической двуплановости воздействуют на языковое сознание, способствуя соотнесению абстрактных понятий с реальными мужчинами и женщинами. Во-вторых, особенности языка могут интерпретироваться через метафорическое противопоставление «мужественность»–«женственность», что предполагает необходимость учета символической и культурно обусловленной природы данных наименований; при этом характеристики русского языка, по мнению исследовательницы, в значительной степени соотносятся с концептом женственности⁷⁰.

⁶⁸ А.В. Кирилина, *Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации*, Москва 2004.

⁶⁹ А.В. Кирилина, *«Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста*, «Женщина в российском обществе» 1998, № 2, с. 27.

⁷⁰ Там же.

В статье *Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике: философский и методологический аспекты*⁷¹ А. Кирилина отмечает, что интенсивное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки под влиянием постмодернизма и поиском новой эпистемы в самой лингвистике. Российское языкознание, по ее наблюдениям, все еще находится в процессе осмысления собственных задач и перспектив, что проявляется, в частности, в размывании четких методологических критериев и границ⁷². В этой связи исследовательница подчеркивает необходимость

обобщить представления о процессах, в результате которых сформировались постструктурализм и постмодернизм, определить их связь с философией языка и, наконец, установить, в чем состоит лингвистическая компетенция в современной гендерологии⁷³.

В 2005 году Алла Кирилина совместно с Марией Томской опубликовала статью *Лингвистические гендерные исследования*⁷⁴, в которой рассматривается развитие гендерной проблематики в языкознании, анализируются причины обращения лингвистов к данной теме и уточняются особенности изучения гендера в лингвистике. Авторы описывают психолингвистические различия мужчин и женщин, специфику мужской и женской письменной речи, а также основные направления формирования гендерологической парадигмы в российском языкознании.

При этом А. Кирилина и М. Томская подчеркивает, что различия в моделях мужского и женского речевого поведения проявляются нерегулярно и не могут рассматриваться как универсальные или

⁷¹ А.В. Кирилина, *Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике: философский и методологический аспекты*, «Общественные науки и современность» 2000, № 4, с. 139.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ А.В. Кирилина, М.В. Томская, *Лингвистические гендерные исследования...*, с. 112–132.

определяющие для коммуникации в целом. Вместе с тем в ряде коммуникативных ситуаций именно гендерные параметры способны влиять на выбор определенных речевых стратегий и ограничивать использование других. Исследовательницы также отмечают, что лингвистические исследования гендера следует рассматривать как взаимосвязанные и взаимодополняющие, а не конкурирующие между собой⁷⁵.

В 2010 году А. Кирилина опубликовала статью *Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании*⁷⁶, в которой обосновывается зависимость появления и развития гендерной проблематики от более широкой трансформации познавательных установок гуманитарного знания в эпоху постмодернизма. Исследовательница рассматривает гендерную лингвистику как симптом и одновременно результат эпистемологического сдвига, характеризующегося отказом от эссенциалистских интерпретаций и усилением внимания к социально сконструированным категориям.

В 2015 году же вышла статья *Гендерные репрезентации в России начала третьего тысячелетия*⁷⁷, посвященная анализу семиотики гендерных репрезентаций в постсоветской России. По мнению А. Кирилиной, формы и структура этих репрезентаций определяются сложным взаимодействием глобальных и локальных социокультурных тенденций. Исследовательница отмечает, что глобальные процессы, ориентированные на нивелирование гендерных различий, проявляются достаточно отчетливо, однако сопровождаются внутренними противоречиями, требующими дальнейшего аналитического осмысления. Одновременно российская тенденция к сохранению и даже усилению гендерной дифференциации также характеризуется неоднозначностью и внутренней напряженностью. В целом,

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ А.В. Кирилина, *Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании*, «Армия и общество» 2010, № 4, с. 110–114.

⁷⁷ А.В. Кирилина, *Гендерные репрезентации в России начала третьего тысячелетия*, «Когнитивные исследования языка» 2015, № 21, с. 570–574.

как подчеркивает А. Кирилина, семиотические репрезентации гендера подтверждают зафиксированное и в социологических исследованиях резкое снижение социального статуса женщины в рассматриваемый период.

Помимо указанных публикаций, А. Кирилиной принадлежит обширный корпус работ, в которых последовательно разрабатываются основные направления лингвистических гендерных исследований: анализ гендерной символики и стереотипов в языке и культуре, исследование гендерных аспектов паремиологии и антропонимии, изучение репрезентаций гендера в медиадискурсе, а также осмысление методологических оснований гендерного подхода в лингвистике и межкультурной коммуникации⁷⁸.

Таким образом, можно сказать, что А. Кирилина представила достаточно всесторонний анализ гендерной проблематики в российской лингвистике. В свою очередь, Григорий Крейдлин сосредоточил свое внимание преимущественно на гендерных различиях в сфере невербальной коммуникации, тем самым существенно расширив исследовательское поле за пределы собственно языкового материала. В своей монографии *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*⁷⁹ ученый подчеркивает принципиальную культурную обусловленность гендерных различий, отмечая, что, несмотря на их кажущуюся очевидность, значимые коммуникативные проявления этих различий даже внутри одной культуры

⁷⁸ См., напр.: А.В. Кирилина, *Женский голос в русской паремиологии*, «Женщина в российском обществе» 1997, № 3, с. 23–26; *Развитие гендерных исследований в лингвистике*, «Филологические науки» 1998, № 2, с. 51–58; *Символика мужественности и женственности в личных именах*, в: *Филология и культура: Тезисы II Международной конференции 12–14 мая 1999*, Тамбов 1999, с. 37–38; *Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотного исследования)*, «Гендерный фактор в языке и коммуникации» 1999, № 446, с. 60; *Манифестация гендерных стереотипов в российской прессе: журналистская и читательская перспектива*, «Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband» 2002, № 55, с. 121–134; *Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации*, в: *Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации*, Москва 2002, с. 20–27; *Некоторые итоги лингвистических гендерных исследований в России (1999–2009)*, в: *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 17–19 июня 2009 г.*, Москва 2009, с. 15–17; А.В. Кирилина, Л.М. Терентий, *Концептуализация понятий «мужчина», «женщина», «мужественность», «женственность» по данным лексикографических трудов и Национального корпуса русского языка*, «Вопросы психолингвистики» 2015, № 26, с. 82–98; *Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка)*, «Вопросы психолингвистики» 2019, № 2 (40), с. 12–29 и др.

⁷⁹ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*, Москва 2005.

остаются недостаточно изученными, а их семантика и прагматика до настоящего времени не получили систематического описания:

Два пола — это, по сути, две разные культуры... Различие полов — это, казалось бы, совершенно непреложный и очевидный факт. Однако, как это ни покажется странным, значимые коммуникативные проявления различий между полами даже внутри одной культуры являются и сегодня плохо изученными, а их семантика и прагматика по большей части остаются систематически не описанными⁸⁰.

В указанной работе автор анализирует основные проблемы невербального диалогического поведения мужчин и женщин в современной российской и западноевропейской культурах. Монография включает пять тематических разделов, охватывающих вопросы невербальных гендерных стереотипов, агрессии как типа поведения, делового общения, реконструкции невербального поведения эмигрантов, а также семиотику гендера в изобразительном искусстве. В целом в исследовании обсуждается специфика проявления гендерных характеристик на различных уровнях невербальной коммуникации мужчин и женщин.

Особая значимость данной работы заключается в том, что Г. Крейдлин не ограничивается описанием отдельных поведенческих практик, но стремится к их системному осмыслению и выстраиванию целостной семиотической модели гендерного невербального поведения, что делает его исследование во многом уникальным для российской научной традиции.

Помимо монографии, Г. Крейдлину принадлежит ряд статей, в которых отдельные аспекты невербальной гендерной коммуникации получают дальнейшее развитие и уточнение⁸¹. Эти публикации дополняют

⁸⁰ Там же, с. 15–16.

⁸¹ См., напр.: Г.Е. Крейдлин, *Женское и мужское невербальное интерактивное поведение: межкультурный аспект*, «Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband» 2002, № 55, с. 55–68; *Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы*, в: *Компьютерная*

и конкретизируют основные выводы его монографии, показывая, что гендерные различия проявляются на различных уровнях невербальной коммуникации и требуют анализа как в национальном, так и в межкультурном контексте.

Олег Рябов, в свою очередь, сосредотачивает внимание на гендерных исследованиях в области культуры и истории. Его подход характеризуется стремлением показать, каким образом гендерные представления оказываются встроенными в национальные идеологии, философские концепции и устойчивые культурные практики. Исследователь рассматривает гендер не как изолированную категорию, а как важный аналитический инструмент, позволяющий выявить скрытые механизмы интерпретации исторического опыта и конструирования национальной идентичности, образов «своего» и «чужого».

В своих работах О. Рябов последовательно доказывает, что гендерные дискурсы играют значимую роль в формировании политической культуры, историософских нарративов и визуальных репрезентаций власти и конфликта. Особое внимание уделяется взаимодействию гендера с идеологическими и символическими структурами, а также его функции в процессах социальной мобилизации и легитимации тех или иных мировоззренческих установок⁸².

лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2003» (11–16 июня 2003 г.), Москва 2003, с. 337–345; Мужчины и женщины в диалоге II: невербальная агрессия как тип поведения, в: Агрессия в языке и речи: сборник научных статей, ред. И.А. Шаронов, Москва 2004, с. 174–187; Мужчины и женщины в диалоге III: культурно-универсальные и культурноспецифичные особенности невербального коммуникативного поведения, в: Гендер: Язык, культура, коммуникация: Материалы третьей международной конференции, Москва 2006, с. 98–110; Мужчины и женщины в диалоге IV: проблемы реконструкции невербального поведения, в: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2003» (11–16 июня 2003 г.), Москва 2004, с. 369–376 и др.

⁸² См., напр.: О.В. Рябов, *Русская философия о гендерном аспекте рационального и иррационального*, в: *Рациональное и иррациональное в современной философии. Ч. 2. Материалы научно-теоретической конференции*, Иваново 1999, с. 19–20; *Образ врага в гендерном дискурсе отечественной историософской публицистики периода Первой мировой войны*, в: *Социальная история. Ежегодник, 2003: Женская и гендерная история*, ред. Н.Л. Пушкарева, Москва 2003, с. 367–382; *Гендерные стереотипы как фактор социальных конфликтов*, «Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Психологические науки: Акмеология образования, Гендерная психология» 2005, № 11 (4), с. 210–216; *Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды*, «Женщина в российском обществе» 2005, № 3–4, с. 19–28; *Гендерные дискурсы и национальная идентичность в России: вторая половина XIX столетия* —

В целом исследования О. Рябова показывают, что гендерный подход может служить не только инструментом анализа языка и коммуникации, но и продуктивным методом осмысления исторических процессов, формирования национальной идентичности и механизмов коллективной и социальной памяти.

Следует также отметить, что О. Рябов внес значительный вклад и в развитие гендерных исследований в аспекте межкультурной коммуникации. В рамках данного направления ученый последовательно анализирует роль гендера в процессах межкультурного взаимодействия, акцентируя внимание на механизмах конструирования идентичности и символических границ между «своими» и «чужими»⁸³. По его мнению,

гендер принимает участие в конструировании образов Своих и Чужих в межкультурном дискурсе, выступая в роли способа построения символических границ [...]. Межкультурный дискурс, в свою очередь, является ресурсом создания гендера: мужественность и женственность, будучи детерминированы биологически, обусловлены и социокультурно. [...] Гендерный анализ позволяет увидеть те моменты в интерпретации национальной идентичности и межкультурного дискурса, которые представляются весьма важными для методологии их исследования⁸⁴.

Серебряный век, «Женщина в российском обществе» 2009, № 3, с. 118–120; *Символические границы в политике советской идентичности: Гендерное измерение (на материале кинематографа Великой Отечественной войны)*, «Женщина в российском обществе» 2020, № 2, с. 10–25; Т.Б. Рябова, О.В. Рябов, *Антикоммунизм и гендер в политической культуре либеральной интеллигенции периода перестройки*, в: *Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества*, Иваново 2006, с. 257–259; *Пол, возраст, власть (к вопросу о социальной стереотипизации в современной политике)*, «Женщина в российском обществе» 2023, № 3, с. 3–16 и др.

⁸³ См., напр.: О.В. Рябов, *Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ*, в: *Гендер как интрига познания*, Москва 2002, с. 37–46; *Свои и Чужие в межкультурном дискурсе: опыт гендерного анализа*, в: *Методология исследования: преподавание языков в межкультурном пространстве*, Тамбов 2003, с. 240–244; *Межкультурная интолерантность: гендерный аспект*, в: *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*, ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова, Екатеринбург 2004, с. 165–179 и др.

⁸⁴ О.В. Рябов, *Свои и Чужие в межкультурном дискурсе: гендерные аспекты*, <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/svoi-i-chuzhie-v-mezhkulturnom-diskurse.htm> (03.09.2021.)

Исследования О. Рябова значительно обогащают методологию изучения национальной идентичности, поскольку применение гендерного подхода позволяет выявить скрытые механизмы формирования культурных границ и расширяет возможности междисциплинарного анализа коммуникации и ее символических измерений.

Углубление гендерных исследований в России привело к формированию обширного корпуса научных работ, посвященных осмыслению гендера как социокультурного и лингвистического феномена⁸⁵. За последние три десятилетия гендерная лингвистика в России постепенно приобретает статус самостоятельного научного направления. Основные сферы исследований в рамках российской гендерной лингвистики можно обозначить следующим образом:

- 1) Изучение гендерно маркированных характеристик фонетики русского языка;
- 2) Анализ гендерных различий в невербальной и жестовой коммуникации;
- 3) Контрастивные исследования межкультурной коммуникации русского языка с другими языками с точки зрения гендерных особенностей;
- 4) Сопоставительные исследования прагматики речевого поведения в гендерном аспекте⁸⁶.

Таким образом, современная российская гендерная лингвистика

⁸⁵ См., напр.: А.Г. Кирова, *Развитие гендерных исследований в лингвистике*, «Вестник Томского государственного педагогического университета» 2009, № 8, с. 138–140; Н.Г. Божанова, *Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы*, «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» 2012, № 5, с. 69–74; Ю.М. Шемчук, А.В. Андреева, *Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики*, «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология» 2013, № 2, с. 86–92; Т.Г. Ноздрина, *Комплексный подход к изучению взаимодействия языка, пола и социума как определяющий фактор развития гендерной лингвистики*, «Мир науки, культуры, образования» 2015, № 5, с. 352–354; М.И. Мирходжаева, *Гендерный подход в современной лингвистике*, «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие» 2015, № 1 (8), с. 100–106; М.О. Короткова, *Влияние гендерного фактора на речевое поведение*, «Приволжский научный вестник» 2015, № 7 (47), с. 126–130; Т.В. Галкина, *Гендерная лингвистика и особенности речевого портрета*, «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» 2017, № 22–2, с. 22–24 и др.

⁸⁶ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京, 2014, 第 31 页。

охватывает как традиционные области языкознания (фонетику, невербальную коммуникацию), так и междисциплинарные направления, включая межкультурное взаимодействие и прагматику. Это позволяет говорить о формировании целостной исследовательской программы, объединяющей различные уровни языка и коммуникации в рамках гендерного анализа.

С начала 2020-х годов в России наблюдается дальнейшее развитие гендерной лингвистики. В частности, в монографии Марины Гаранович *Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских* анализируются стереотипы маскулинности и фемининности, а также особенности речевого поведения мужчин и женщин⁸⁷.

Существенный вклад в развитие направления вносит и коллективная монография *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*⁸⁸, в которой представлены результаты исследований российских и зарубежных ученых, посвященные гендерным аспектам языка, языкового сознания, коммуникации и когнитивных процессов.

Кроме того, в российской лингвистике защищен ряд диссертационных исследований и опубликовано большое количество статей, посвященных теоретическим и прикладным аспектам гендерной лингвистики⁸⁹.

⁸⁷ М.В. Гаранович, *Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских*, Пермь 2020.

⁸⁸ А.А. Анков, И.Т. Вепрева, М.В. Гаранович, Е.С. Гриценко и др., *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*, Москва 2022.

⁸⁹ См., напр.: Р.П. Чечель, *Лингвоперсонологическое портретирование профессиональной языковой личности в аспекте гендерных стереотипов*, Томск 2019; Е.А. Козлова, *Гендерные аспекты лексики русского языка*, Калуга 2021; Л.В. Маркина, *Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин)*, «Неофилология» 2020, № 6 (21), с. 5–14; А.В. Кирилина, *Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия*, «Вопросы психолингвистики» 2021, № 3 (49), с. 109–147; Е.А. Логинова, *История развития гендерных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике*, «In Situ» 2021, № (1), с. 15–19; Е.Е. Шеховцова, *Гендерная лингвистика: о возникновении и перспективах гендерных исследований в России*, в: *Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 19–20 мая 2023 г.*, Ярославль 2023, с. 314–321; Н.Б. Раджапова, *Теоретические основы гендерной лингвистики*, «Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences» 2024, № 4 (7), с. 37–42; Т.Р. Лесник, *Понятие «гендер» и гендерная лингвистика в научных и социальных контекстах*, «Вестник науки» 2024, № 4 (73), с. 267–272; Д. Азимбаева, *Гендерная лингвистика как одно из актуальных направлений современного языкознания*, «Экономика

В целом в последние годы исследовательский фокус российских лингвистов все чаще смещается в сторону коммуникативно-прагматического анализа соотношения языка, общества и социальной психологии. Объектом гендерных исследований становится не только повседневная коммуникация, но и художественная литература. Особое значение в этом контексте приобретает женская проза, позволяющая выявить как индивидуальные авторские стратегии, так и более широкие социокультурные тенденции репрезентации гендера. В связи с этим в следующей главе будет рассмотрено становление и развитие женской прозы, а также проанализировано творчество Людмилы Улицкой — одной из наиболее заметных представительниц гендерно ориентированной современной русской литературы.

2. Проза Людмилы Улицкой и гендерная лингвистика

Литература традиционно отражает жизнедеятельность человечества и в значительной степени выступает не только результатом, но и индикатором общественного развития, занимая важное место в формировании культурного сознания. Современная русская литература, и в особенности ее женская составляющая, является предметом разнообразных, порой противоречивых оценок. Женщины-писательницы как особая группа авторов, несомненно, заслуживают пристального внимания, поскольку их творчество представляет собой продуктивный материал для литературоведческого и гендерного анализа.

2.1. Появление и развитие современной русской женской прозы

2.1.1. Женская проза — попытка определения

На рубеже XX–XXI веков, на фоне глубоких трансформаций в политической, экономической и культурной сферах российского общества, происходит заметное изменение общественного сознания. Эти процессы закономерно находят отражение и в литературе. Александр Генис, характеризуя состояние современной словесности, отмечает: «Современная словесность мучительно борется за жизнь, пытаясь найти компромисс между прошлым и будущим. Она топчется на месте, боясь оборачиваться назад и не решаясь доверять перспективам»¹.

В контексте становления современной русской литературы все более значимую роль начинают играть женщины-писательницы. Виктор Ерофеев с характерной для него иронией пишет:

¹ А. Генис, *Иван Петрович умер. Статьи и расследования*, Москва 1999, с. 101.

В русской литературе открывается бабский век. В небе много шаров и улыбок. Десант спущен. Летит большое количество женщин. Всякое было — такого не было. Вдруг все «женское» стало интересным. Женщины из мелочей создали Бога детали².

Несмотря на публицистическую экспрессию этого высказывания, оно фиксирует важную тенденцию — рост видимости и значимости женского письма в литературном пространстве конца XX века. Среди наиболее ярких представительниц современной русской женской прозы обычно называют Людмилу Петрушевскую, Светлану Василенко, Людмилу Улицкую, Марину Палей, Марину Вишневецкую, Татьяну Толстую, Полину Жеребцову, Маргариту Хемлин и других авторов, чье творчество существенно повлияло на формирование литературной картины эпохи.

Для целей настоящего исследования принципиально важно уточнить само понятие «женская проза». В *Словаре гендерных терминов* оно определяется следующим образом:

Женская проза — социокультурный феномен, возникающий в процессе освоения женщинами публичного пространства и выражающийся в появлении литературных текстов, описывающих мир, социальный опыт и практики женщин глазами женщин³.

Данное определение задает исходную рамку для дальнейшего анализа, позволяя рассматривать женскую прозу не только как совокупность текстов, созданных женщинами, но и как форму культурной репрезентации специфического социального и гендерного опыта.

Более конкретную характеристику женской прозы предлагают литературные критики. Так, например, Нина Габриэлян отмечает: «Сразу договоримся, что под „женской“ прозой в нашей статье мы будем подразумевать прозу, написанную женщинами»⁴. На первый взгляд, подобное определение может показаться

² В.В. Ерофеев, *Время рожать. Россия, начало XXI века. Лучшие молодые писатели*, Москва 2001, с. 1.

³ *Словарь гендерных терминов*, ред. А.А. Денисова, Москва 2002, <http://www.owl.ru/gender/073.htm> (06.03.2024).

⁴ Н.М. Габриэлян, *Ева — это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской*

очевидным и не требующим дополнительного обоснования. Однако далее исследовательница принципиально уточняет свою позицию, подчеркивая методологическую значимость этого разграничения:

При всем кажущемся тавтологизме этих понятий подобное уточнение позволит нам более-менее избежать некоторых символических ловушек, заложенных в словах «мужское» и «женское». В сложившемся типе культуры эти слова не являются нейтральными, указывающими только на биологический пол, но несут в себе также и оценочные моменты, включают в себя целую подсистему знаков⁵.

Таким образом, в интерпретации Габриэлян понятие женской прозы не сводится исключительно к биологическому полу автора. Оно предполагает учет культурных, социологических и символических факторов, определяющих положение женщины как в литературной системе, так и в обществе в целом. Подобный подход позволяет избежать упрощенного биологического детерминизма и рассматривать женскую прозу как сложный социокультурный феномен.

К осмыслению феномена женской прозы обращается также польский поэт и литературный критик Юлиан Корнхаузер, анализируя трансформации, произошедшие на польском литературном рынке после 1989 года. Подчеркивая социокультурные последствия падения коммунистического строя, он пишет:

Wraz z upadkiem, jak się wydawało, jedynego słusznego ustroju, runęły ostatnie, tabuiczne zakazy dotyczące najbardziej intymnych sfer z życia społecznego, w tym także, przez tyle lat skutecznie chronionej pozycji kobiet jako orędowniczki wychowania w cnocie ideologicznej. Gretkowska, Filipiak, Tokarczuk wraz z całą plejadą swoich rówieśniczek odrzuciły z obrzydzeniem tamten model bycia kobietą obowiązujący w zniewolonym — ich zdaniem — katolicką tradycją społeczeństwie i niehamowane cenzuralnymi względami wypłynęły na szerokie wody liberalnej tolerancji⁶.

прозе), «Вопросы литературы» 1996, № 4, с. 31.

⁵ Там же.

⁶ «С падением, как казалось, единственно правильного строя рухнули последние табу, касающиеся самых интимных сфер общественной жизни, в том числе — столь долго охраняемой роли женщины как поборницы воспитания в духе идеологической добродетели. Гретковска, Филипяк, Токарчук и целая плеяда

Как можно заметить, в польском контексте женская проза после 1989 года становится не только формой литературного самовыражения, но и частью широкой социокультурной критики, направленной против патриархальных, идеологически и религиозно санкционированных моделей поведения. Этот процесс во многом созвучен тенденциям, наблюдаемым в современной русской литературе, где писательницы все чаще отказываются от традиционно предписываемых ролей и используют художественное слово как инструмент самоидентификации, символического сопротивления и утверждения видимости женщины в публичном пространстве.

Для определения специфики женской прозы — особенно в российском контексте — принципиальное значение имеет позиция Ирины Савкиной. Исследовательница подчеркивает, что:

Главные усилия современной русской женской прозы в настоящее время направлены на то, чтобы разбить зеркало, в котором отражается не настоящее женское лицо, а миф о женственности, созданный мужской культурной традицией⁷.

Согласно Савкиной, одной из основных задач женщин-писательниц становится деконструкция патриархальных представлений о женщине, закрепленных в культуре и воспроизводимых литературной традицией. В этом смысле женская проза выступает не только как форма художественного самовыражения, но и как пространство культурного сопротивления — попытка восстановления аутентичного женского «я», вытесненного и искаженного традиционными моделями репрезентации.

Подытоживая изложенные теоретические позиции, представляется необходимым для более точной постановки проблемы разграничить два понятия: «женская проза» и «литература для женщин».

Под «женской прозой» в настоящей работе понимаются литературные

их сверстниц с отвращением отвергли ту модель женственности, которая навязывалась в обществе, по их мнению, порабощенном католической традицией, и, не сдерживаемые цензурой, вышли в открытое море либеральной терпимости». J. Kornhauser, *Postscriptum. Notatnik krytyczny*, Kraków 1999, с. 117.

⁷ И.Л. Савкина, *Говори, Мария! (заметки о современной русской женской прозе)*, «Преображение» 1996, № 4, с. 65.

произведения, созданные женщинами и отражающие реальность, социальное положение, внутренний мир и жизненный опыт женщин с их собственной, специфической перспективы. При этом женская проза включает как изображение женского восприятия мира, так и репрезентацию образа мужчины глазами женщин-писательниц.

Понятие «литература для женщин», в свою очередь, носит более широкий характер. Оно охватывает не только тексты, написанные женщинами, но и произведения, посвященные женским персонажам, созданные авторами-мужчинами. Таким образом, женская проза является лишь частью литературы для женщин, и отождествление этих терминов методологически некорректно.

Существенный вклад в описание характерных черт женской литературы вносит также Эва Красковска, подчеркивающая, что на разных этапах развития феминистского дискурса в литературной критике были выявлены повторяющиеся признаки произведений, написанных женщинами. К числу таких признаков относятся:

- preferencje tematyczne (miłość, jej brak i jej dewiacje, rodzina i relacje wewnątrzrodzinne, macierzyństwo, ciało kobiece i jego funkcje fizjologiczne, bliskie obcowanie ze światem natury, różne formy zażyłości między kobietami);
- preferencje w wyborze konwencji literackich (realizm, naturalizm, weryzm, psychologizm, gotycyzm, autobiografizm, autotematyzm, intertekstualność);
- kreowanie charakterystycznych, zwykle stereotypowych postaci (negatywny bohater męski, toksyczna matka, czarownica, wariatka);
- preferencje stylistyczne (skłonność do rozluźniania rygorów syntaktyki, przewaga parataksy nad zhierarchizowaną hipotaksą, tok asocjacyjny w miejsce przyczynowo-skutkowego, emocjonalność, metaforyczność, rzeczowość);
- kreowanie obrazu świata, w którym syntezę zastępuje fragmentaryczne, mozaikowe ujęcie rzeczywistości; skupianie uwagi na szczególe i powszedniości⁸.

⁸ «– тематика (любовь, ее отсутствие или девиации, семья и внутрисемейные отношения, материнство, женское тело и его физиологические функции, тесное взаимодействие с природой, различные формы женской интимности);

– предпочтение определенных литературных конвенций (реализм, натурализм, веризм, психологизм, готицизм, автобиографизм, автотематизм, интертекстуальность);

– создание характерных, чаще всего стереотипных персонажей (отрицательный мужской герой, токсичная мать, ведьма, безумная женщина);

Таким образом, в интерпретации Красковской феминистский подход к литературе проявляется не только на уровне тематики или системы персонажей, но также в стилистике, структуре повествования и способе художественной репрезентации действительности. Совокупность этих параметров формирует специфику женской прозы, в том числе и русскоязычной.

Исследовательница подчеркивает, что данный перечень не является исчерпывающим, однако может рассматриваться как репрезентативный для выявления основных тенденций. Кроме того, Красковска предлагает трактовать женскую литературу как литературу, адресованную женщинам, исключая при этом жанры массовой культуры, обладающие собственными жанровыми и маркетинговыми классификациями. В таком понимании адресатом женской литературы выступают зрелые, образованные женщины, которые, по ее словам, «niejako „we krwi” mają zdobycze feminizmu, uwikłane zarazem i w tradycyjne, i w nowoczesne układy społeczne»⁹.

Гражина Борковска, в свою очередь, обращает внимание на трудности, связанные с однозначным определением женской литературы, и предлагает более широкую интерпретацию данного феномена. Исследовательница пишет:

O literaturze/poezji kobiecej możemy mówić wtedy, kiedy przedmiot utworu odsłoni swą płciowość, dokona seksualnej samoidentyfikacji. [...] Wszędzie tam, gdzie akcentuje się płciowość podmiotu mówiącego, wszędzie tam, gdzie ujawnia się związek między ciałem a tekstem — mamy do czynienia z przypadkiem literatury/poezji kobiecej. Bez względu na biologiczną płć¹⁰.

– стилистические особенности (склонность к нарушению синтаксических норм, преобладание паратаксиса над иерархизированным гипотаксисом, ассоциативный способ изложения вместо причинно-следственного, эмоциональность, метафоричность, предметность);

– картина мира, в которой синтез заменяется фрагментарным, мозаичным восприятием реальности; акцент на детали и повседневность». E. Kraskowska, *O tak zwanej «kobiecości» jako konwencji literackiej*, в: *Krytyka feministyczna — siostra teorii i historii literatury*, ред. G. Borkowska, L. Sikorska, Warszawa 2000, с. 202–203.

⁹ «словно „впитали в кровь” достижения феминизма, оставаясь при этом вовлеченными как в традиционные, так и в современные социальные модели». Там же, с. 205.

¹⁰ «О женской литературе/поэзии мы можем говорить тогда, когда предмет произведения обнажает свою гендерную телесность, осуществляет сексуальную самоидентификацию. [...] Везде, где акцентируется телесность говорящего субъекта, везде, где проявляется связь между телом и текстом — мы имеем дело со случаем женской литературы/поэзии. Независимо от биологического пола автора». G. Borkowska, *Metafora drożdży. Co to jest literatura/poezja kobieca?* «Teksty Drugie» 1995, № 3/4 (33/34), с. 38–39.

Подобное понимание позволяет, по мнению Борковской, отказаться от упрощенного отождествления женской литературы с произведениями, написанными исключительно женщинами, и преодолеть рамки биологического детерминизма. В центре анализа оказывается не пол автора, а способ конституирования субъективности в тексте, проявление телесности и механизмы культурной и гендерной самоидентификации лирического или повествовательного субъекта.

Рассмотренные нами теоретические позиции не исчерпывают, конечно, всех возможных подходов к интерпретации женской прозы. Тем не менее они задают важные векторы анализа и могут служить методологической основой для дальнейших исследований в области гендерной поэтики и литературной репрезентации субъективности. Подытоживая наши наблюдения, можно констатировать, что понятие «женской прозы» в современной литературоведческой традиции трактуется многопланово. Как показывают исследования И. Савкиной, Э. Красковской, Г. Борковской и других ученых, его определение не может ограничиваться лишь биологическим полом автора. Существенное значение приобретают такие параметры, как тематическая направленность произведений, стилистические и нарративные стратегии, связь текста с телесностью, а также предполагаемый адресат художественного высказывания. Таким образом, современное понимание женской прозы предполагает сочетание различных уровней анализа — литературоведческого, культурного, языкового и гендерного. Это делает ее особенно продуктивным объектом междисциплинарных исследований и открывает широкие перспективы для дальнейшего теоретического осмысления.

2.1.2. Спор о современной русской женской прозе

Обобщение представленных теоретических концепций позволяет говорить о женской прозе как о сложном и многомерном феномене, не поддающемся однозначному определению. Именно эта неопределенность и стала источником продолжительных споров в литературной критике, в центре которых оказался

вопрос о статусе и границах женской прозы как самостоятельного литературного явления.

Понятие «женская проза» оформилось в 1980-е годы XX века и особенно ярко заявило о себе на рубеже 1980–1990-х годов. Уже с момента своего появления оно стало предметом ожесточенных дискуссий в среде российской литературной критики. Возникавшие при этом сомнения и возражения касались не только собственно литературных критериев, но и более широкой проблематики — статуса женщины в обществе и ее права на самостоятельное художественное высказывание. Дискуссия, начатая в этот период, в значительной степени продолжается и по сей день.

В 1980-е годы советские критики в целом отрицали существование «женской прозы» как автономного литературного явления и отказывались признавать ее в качестве самостоятельного направления. Подобная позиция во многом была обусловлена господствующими идеологическими установками и политическим контекстом позднесоветской эпохи, в рамках которых сама идея «гендерной специфики» художественного текста воспринималась как неуместная или даже идеологически вредная.

В конце 1980-х — середине 1990-х годов, на фоне улучшения общественно-политического климата, появилось несколько сборников женских текстов в русской литературе, например, *Женская логика. Сборник женской прозы*¹¹, *Чистенькая жизнь*¹², *Не помнящая зла*¹³, *Абстинентки*¹⁴, *Жена, которая умела летать*¹⁵, *Русская душа: сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции*¹⁶ и др. Первоначально эти издания не вызвали заметного отклика со стороны литературной критики. Однако вскоре они стали объектом широкой дискуссии, в центре которой оказался принципиальный вопрос: «Существует ли вообще женская проза как литературное явление?». Подобная реакция свидетельствовала о том, что проблема носила не только эстетический

¹¹ Л.В. Степаненко, А.В. Фоменко, *Женская логика. Сборник женской прозы*, Москва 1989.

¹² А.Д. Шавкута, *Чистенькая жизнь*, Москва 1990.

¹³ Л.Л. Ванеева, *Не помнящая зла*, Москва 1990.

¹⁴ О.А. Соколова, *Абстинентки*, Москва 1991.

¹⁵ Г.Г. Скворцова, *Жена, которая умела летать*, Петрозаводск 1993.

¹⁶ Е.И. Маркова, *Русская душа: сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции*, Wilhelmshorst 1995.

характер, но затрагивала также идеологические, социокультурные и гендерные аспекты восприятия литературы.

Во-первых, значительная часть литературоведов и критиков конца 1980-х — начала 1990-х годов занимала откровенно негативную позицию по отношению к самой концепции «женской прозы». Наиболее распространенный аргумент формулировался следующим образом: «так же как не существует „мужских” и „женских” наук, не существует и аналогичных разграничений в области литературы»¹⁷.

Анализируя отношение критиков к женской прозе, можно условно выделить две группы. К первой относятся представители явно выраженного мужского шовинизма. Они либо прямо отрицали существование женской прозы как самостоятельного феномена, либо прибегали к иронии и дискредитации, стремясь убедить читателя в том, что подобная проза не заслуживает серьезного внимания. Так, например, Юрий Кузнецов риторически восклицает: «Что она может сказать миру, эта заговорившая женщина?»¹⁸. Подобный вопрос является показательным примером аргументации, направленной на подрыв интеллектуальной и художественной легитимности женщины как автора. Такая риторика отражает глубинные стереотипы и предвзятость, характерные для патриархального взгляда на литературу и авторство.

Вторую группу составляют некоторые женщины-критики. Несмотря на высокую оценку творчества отдельных писательниц и признание художественной ценности их произведений, они, как правило, не склонны рассматривать женскую прозу как самостоятельное литературное явление. Для этих исследовательниц определяющим остается универалистский подход, согласно которому качественная литература не нуждается в гендерной маркировке, а основным критерием оценки произведения является его художественный уровень, а не пол автора. Характерной в этом контексте является позиция Екатерины Щегловой, одной из первых исследовательниц, обративших внимание на феномен женской прозы. Она предложила ряд характеристик, позволяющих, по ее мнению, выявить

¹⁷ Е.А. Щеглова, *Пolemические заметки о «женской прозе»*, «Литературное обозрение» 1990, № 3, с. 21.

¹⁸ Ю.П. Кузнецов, *Под женским знаком*, «Литературная газета» 1987, № 46, с. 5.

различия между женской и мужской литературой. В частности, Щеглова утверждает: «В самом факте существования „женской“ литературы едва ли не главенствующим оказывается истинно женское — материнское — отношение к миру»¹⁹. Однако, несмотря на это наблюдение, исследовательница в целом склонна отрицать существование женской прозы как обособленного и автономного литературного направления.

Более сложную и внутренне противоречивую позицию занимает литературный критик Ирина Слюсарева. Высоко оценивая творчество Людмилы Петрушевской, она пишет:

«Новые Робинзоны» Людмилы Петрушевской — проза такого отчаяния и такой всеисильной ... надежды ... Словом, типологически это «женская» проза, поскольку, повторяю — «женское» и «литературное» здесь сливаются в одно²⁰.

Несмотря на признание типологических особенностей женского письма, Слюсарева выражает сомнение в обоснованности концепта женской прозы как самостоятельного направления:

Факт, что женщины могут и имеют право заниматься литературной [...] не требует оценок и комментариев. А настаивать на типологических отличиях «женской» литературы — неосторожно. Хорошая проза хороша как таковая, как явление словесности²¹.

Иначе говоря, с точки зрения критика, талантливое произведение, написанное женщиной, не нуждается в специальной гендерной классификации и должно рассматриваться прежде всего как качественный художественный текст, независимо от пола автора.

Созвучную позицию высказывает и Кинга Дунин — польская писательница, литературный критик, социолог культуры и феминистка. Она откровенно

¹⁹ Е.М. Щеглова, *Пolemические заметки...*, с. 19.

²⁰ И. Слюсарева, *Оправдание житейского: Ирина Слюсарева представляет «новую женскую прозу»*, «Знамя» 1991, № 11, с. 238–240.

²¹ Там же.

признает: «Uczciwie mówiąc, mam poważne wątpliwości, czy można sensownie mówić o literaturze męskiej i kobiecej»²².

Эти сомнения, по ее мнению, вытекают из логики бинарной оппозиции: признание существования женской литературы неизбежно влечет за собой необходимость столь же строгого признания «мужской литературы». Оба понятия при этом не являются автономными, а существуют во взаимной соотнесенности, как элементы одной культурной системы. Их изолированное рассмотрение, как утверждает Дунин, чревато схематизмом и идеологизацией литературного анализа²³.

Интересное и методологически значимое замечание по этому поводу делает американская исследовательница Джудит К. Гардинер. Она отмечает, что при обсуждении различий между женской и мужской литературой в научном дискурсе чаще всего воспроизводится следующий аргумент:

Pada odpowiedź, iż doświadczenia kobiet są powszechnie i zasadniczo odmienne od doświadczeń mężczyzn. Badacze przyjmujący taki punkt wyjścia na ogół znajdują w twórczości kobiet stale powracające motywy i tematy, na przykład motyw zamknięcia i ograniczenia swobody czy pozbawione sentymentalizmu opisy zajmowania się dzieckiem. Inny sposób wyjaśniania specyfiki kobiecości [w literaturze] eksponuje «świadomość kobiecą» jako wytwarzające style i struktury z natury różne od produkowanych przez «umysł męski». Argument o odmiennych świadomościach stwarza niebezpieczeństwo mistyfikacji i «kolistości dowodzenia». W obu przypadkach posługujący się tymi argumentami badacze na ogół wyliczają cechy pisarstwa kobiecego, nie podejmując prób ich wyjaśnienia czy ustalenia między nimi związków²⁴.

²² «Честно говоря, у меня есть серьезные сомнения в том, можно ли осмысленно говорить о мужской и женской литературе». K. Dunin, *Noty i knoty Kingi Dunin*, «Kurier Czytelniczy» 1999, № 50, с. 12.

²³ E. Kraskowska, *O tak zwanej «kobiecości»...*, с. 200.

²⁴ «Обычно звучит ответ, что жизненный опыт женщин в целом и по сути отличается от мужского. Исследователи, исходящие из этого посыла, как правило, находят в женской литературе устойчивые мотивы и темы — например, мотив замкнутости, ограничения свободы, а также лишённые сентиментальности описания ухода за ребенком. Другой способ объяснения специфики женственности в литературе акцентирует внимание на „женском сознании“ как на источнике форм, стилей и структур, по своей природе отличающихся от тех, что создаются „мужским умом“. Однако аргумент о различии сознаний чреват мистификацией и „порочным кругом в рассуждении“. В обоих случаях исследователи, опирающиеся на подобные аргументы, как правило, ограничиваются перечислением признаков женского письма, не предпринимая попыток их интерпретировать или установить взаимосвязи между ними». J.K. Gardiner, *On Female Identity and Writing by Women*, в: *Writing and Sexual Difference*, Chicago 1982, с. 123–124, цит. по: E. Kraskowska, *O tak zwanej «kobiecości»...*, с. 202.

По словам Гардинер, другой распространенный подход заключается в акцентировании особой «женской сознательности», которой приписывается способность формировать стили и структуры, принципиально отличные от тех, которые, как предполагается, производит «мужское мышление». Однако, как подчеркивает исследовательница, аргументация, основанная на противопоставлении «женского» и «мужского» типов сознания, несет в себе риск мистификации и логической замкнутости.

В обоих случаях, отмечает Гардинер, исследователи, опирающиеся на подобные объяснительные схемы, чаще всего ограничиваются перечислением характерных черт женской литературы, не предпринимая попыток их аналитического осмысления или выявления внутренних связей между ними. Это существенно снижает эвристическую и аналитическую ценность подобных подходов и оставляет проблему различий между женским и мужским письмом открытой для дальнейшего теоретического анализа.

Следует, однако, подчеркнуть, что существует значительное число женщин-критиков, которые признают существование женской прозы и рассматривают ее как самостоятельное литературное явление. Так, Марина Абашева отмечает, что появление современной женской прозы свидетельствует о качественных изменениях в общественном статусе женщины и о формировании новой позиции женщины-писателя в русской литературной системе. Исследовательница пишет:

Судя по всему, у нас появилась женская проза. Нет, не то, чтобы женщины раньше, десятилетие или два, три назад, не писали рассказов и повестей. Писали. Печатались. Но такого изобилия женских имен в «толстых» журналах не встречалось, специальные женские сборники [...] один за другим не выходили. Да и споры о том, существует ли женская проза, не возникали, поскольку не было предмета²⁵.

По мнению Абашевой, феномен женской прозы стал предметом активного обсуждения не только благодаря возросшему участию женщин в литературном

²⁵ М.П. Абашева, *Чистенькая жизнь не помнящих зла*, «Литературное обозрение» 1992, № 5, с. 9.

процессе, но и в силу количественного и качественного роста женского авторства, отчетливо проявившегося как в издательской практике, так и в критическом восприятии. Схожие наблюдения высказывает Елена Маркова, подчеркивая, что в период с 1985 по 1995 год на литературной сцене формируется новое явление — голос женской провинциальной прозы. Она отмечает:

Наконец, сегодня (1985–1995 гг.) провинция заговорила на языке женской литературы. Это новое слово представлено «тихими» именами неизвестных писательниц. Они появились без манифестов и без программ, в этой среде нет непререкаемого литературного авторитета, большинство пишущих не имеет даже по одной авторской книги, и тем не менее каждая из женщин и все писательницы вместе хотят быть услышанными и понятыми²⁶.

С середины 1990-х годов в российской литературной критике наблюдается тенденция к переосмыслению феномена женской прозы и выработке более взвешенной перспективы ее восприятия. В этот период отношение к женскому письму становится более объективным и менее идеологизированным, а само понятие женской литературы — менее маргинализированным.

Так, Мария Арбатова прямо связывает признание женской прозы с признанием прав женщин в более широком социокультурном контексте. Она заявляет:

Литература не делится по половому признаку! — провозглашали фаллократы. Делится, делится в настоящем и делилась в прошлом, только с оговоркой, что мужская литература — это литература, а женская литература — это резервация [...] Понимание того, существует ли женская литература и нужна ли она человечеству, упирается только в вопрос о том, человек ли женщина и столь ли серьезные проблемы ее мира, ее духовности, сколь и проблемы мира и духовности мужчины²⁷.

Арбатова подчеркивает, что отказ воспринимать женскую литературу всерьез

²⁶ Е. Маркова, *Нитки рвутся — я вижу*, в: «Русская душа»: Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции, Wilhemshorst 1995, с. 11.

²⁷ М.И. Арбатова, *Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма*, «Преображение» 1995, № 3, с. 27.

является не столько эстетической, сколько идеологической проблемой, связанной с историческим отрицанием субъектности женщины в культуре, в том числе и в литературе. Созвучную позицию занимает и Ирина Савкина, последовательно выступающая за признание женской прозы как полноправного литературного явления. Она подчеркивает необходимость относиться к ней всерьез и отмечает:

Снова слышишь постоянный аргумент оппонентов: «На высотах духа пола нет!» А национальность есть? а возраст? вероисповедание? Конечно, литература выражает общечеловеческие ценности, но в то же время художник пишет из своего опыта — национального, религиозного, социального, духовного, телесного [...] Важнейшей составляющей художественной личности, которая творит «всем в себе», «всей своей целостностью», является опыт пола — в его биологическом, но еще в большей степени — гендерном аспекте. Но все еще словосочетание «женская литература» как бы полулегально в отечественной критике и является чаще объектом упражнений в остроумии, чем предметом серьезных исследований²⁸.

Таким образом, Савкина настаивает на том, что гендерный опыт, будучи неотъемлемой частью авторской субъективности, играет фундаментальную роль в литературном творчестве. Игнорирование этого опыта ведет к обеднению аналитического инструментария и воспроизводству иерархических структур в литературоведческом дискурсе. В этом контексте признание женской прозы представляется не только актом литературной справедливости, но и шагом в сторону более инклюзивного и многоголосого литературного пространства.

Позицию, созвучную взглядам Савкиной и Арбатовой, разделяет и Елена Трофимова. По ее мнению, женщины занимают в обществе особое, не сводимое к универсалистским схемам место, обладают собственной индивидуальностью, а их литературное творчество представляет собой уникальное культурное явление. Исследовательница отмечает:

Одним из главных аргументов противников использования понятия «женская

²⁸ И.Л. Савкина, *Мария Жукова: эпизоды из жизни женщины*, в: *Мария: Литературный альманах*, вып. 2, Петрозаводск 1995, с. 211.

литература» является утверждение, что литература не может быть ни женской, ни мужской, но лишь хорошей или плохой [...], а если присмотреться внимательнее, то он все же далеко не безупречен. Искусство — это индивидуальный творческий акт, где личность художника, его особенности, его психологический рисунок самым непосредственным образом определяют форму и содержание произведения²⁹.

Как можно заметить, Трофимова подчеркивает, что универсальные эстетические критерии не отменяют влияния личностной и гендерной субъективности на художественный процесс. Признание этой специфики позволяет глубже осмыслить не только женскую прозу как литературный феномен, но и саму природу авторского высказывания в литературе.

Женская проза в России прошла длительный путь становления и постепенно утвердилась как значимое направление литературного процесса, добившись определенного критического признания. Со временем ее начали воспринимать всерьез и профессиональные литературоведы. Однако и сегодня в критическом дискурсе продолжают функционировать снижающие и стигматизирующие обозначения, такие как «дамская литература» или «розовый роман»³⁰.

В академическом контексте подобные номинации нередко приобретают выраженную негативную коннотацию и выступают формой символической дискредитации женского творчества. Подобное отношение не соответствует ни тематической глубине, ни художественному уровню многих произведений и препятствует объективному научному осмыслению женской прозы.

По нашему мнению, женская проза представляет собой особый литературный и культурный феномен, значение которого невозможно игнорировать. Она формируется в результате сложного взаимодействия социальных, политических, исторических и культурных факторов.

Помимо прочего, анализируя развитие современной русской женской прозы, можно выявить ряд устойчивых закономерностей. Прежде всего, во второй

²⁹ Е.И. Трофимова, *Феминизм и женская литература в России*, в: *Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96»*, Москва 1997, с. 47.

³⁰ Название «розовый роман» является калькой с французского «roman rose» и применяется для обозначения любовной истории со счастливым концом. См., напр., М.А. Черняк, «Розовый роман» в контексте современной массовой литературы: тенденции развития жанра, «Вестник Череповецкого государственного университета» 2015, № 6 (67), с. 101–106.

половине 1980-х годов, в период масштабных трансформаций в Советском Союзе, изменилась не только политическая система, но и вся общественная атмосфера. Реформы этого времени способствовали либерализации общественной жизни и активизации культурного пространства. В новых условиях получили возможность быть артикулированными темы, ранее находившиеся под негласным запретом, — вопросы гендера, семейных и брачных отношений, социальные и повседневные проблемы женщин. Женская проблематика стала частью открытого общественного диалога, чему способствовали как отмена цензурных ограничений, так и расширение свободы слова и печати. В этот период активно формируются официальные и неофициальные женские объединения, клубы и инициативные группы, служившие платформой для обмена опытом, информацией и формирования женского самосознания. Таким образом, именно социально-политические изменения конца XX века во многом обусловили условия, при которых женская проза не только обрела публичную видимость, но и получила возможность институционального и критического признания.

Во-вторых, все более естественным становится литературный и культурный обмен между странами. В постсоветский период на русский язык было переведено значительное количество феминистских художественных и теоретических произведений, созданных прежде всего на английском языке. Эти тексты внесли существенный вклад в формирование гендерного сознания и способствовали расширению горизонтов литературного мышления. В определенном смысле данный переводной поток оказал стимулирующее воздействие на русских женщин-писательниц: он не только вдохновлял их на новые творческие замыслы, но и способствовал осознанию культурных, социальных и ментальных различий между женским опытом в России и на Западе. Сопоставление этих различий подталкивало авторок к переосмыслению собственной позиции и формированию уникального литературного голоса в постсоветском контексте.

В-третьих, в длительной истории социокультурного развития женщины традиционно находились в положении зависимости и занимали подчиненную позицию в общественной и культурной иерархии. Многие писательницы подвергались дискриминации и фактически были вынуждены молчать. Подобное

положение закономерно вызывало внутренний протест и стремление преодолеть ограничения, навязанные патриархальной системой.

На этом фоне формируется потребность женщин-писательниц открыто заявить о себе через литературное творчество. Они стремятся выразить собственное видение действительности, опираясь на опыт повседневной жизни и личную биографию. Таким образом, можно заключить, что одним из основных внутренних факторов, способствующих возникновению и развитию женской прозы, является формирование гендерного самосознания женщины как субъекта культуры и литературы.

В-четвертых, по мере развития общества наблюдается постепенное улучшение социального положения женщин. В современный период они все активнее реализуют свои гражданские и профессиональные права, добиваясь фактического равенства с мужчинами в различных сферах общественной жизни. Расширение образовательных возможностей и заметный рост числа женщин с высоким уровнем образования создают объективные предпосылки для дальнейшего развития женской литературы. Образованные, социально активные и профессионально реализованные женщины все чаще находят в литературе не только средство самовыражения, но и пространство для осмысления собственного опыта, исторической памяти и культурной идентичности. Это придает женской прозе устойчивую основу и открывает перспективы ее дальнейшего роста и институционального закрепления.

Помимо перечисленных факторов, важную роль в развитии современной женской прозы играет и технологический прогресс. Распространение Интернета, цифровых платформ и электронных средств коммуникации существенно трансформировало как способы производства и распространения текста, так и само литературное сознание современного человека. Современные технологии обеспечивают оперативный доступ к информации, способствуют свободному обмену идеями и расширяют каналы взаимодействия между автором и читателем. В этих условиях женская проза, являясь неотъемлемой частью современной литературы, получает новые формы присутствия в культурном пространстве, ускоряет темпы своего развития и находит все более широкую аудиторию.

Технологическая среда способствует ее интеграции в глобальный литературный контекст и укрепляет позиции в системе межкультурных взаимодействий.

Как нам кажется, несмотря на то, что термин «женская проза» по-прежнему вызывает споры и разногласия среди литературоведов и критиков, это не означает отрицания ее существования как реального культурного феномена. Женщины-писательницы на протяжении последних десятилетий последовательно доказывают свою значимость и художественную состоятельность, внося весомый вклад в развитие современной литературы. Их творчество свидетельствует о наличии особой женской творческой психологии, основанной на специфическом жизненном опыте, интонациях и формах восприятия мира. В результате женская проза утверждается как значимое направление современной литературы — автономное по тематике, стилю и художественным стратегиям и одновременно органично встроенное в общий культурный контекст.

Подытоживая, можно сказать, что современная русская женская проза не ориентирована на доказательство превосходства женщин над мужчинами. Ее задача заключается в акцентировании значимой роли женщин в истории, культуре и общественной жизни, а также в выявлении того, что во многих сферах женское присутствие является равноценным и незаменимым. В этом смысле женская проза выступает формой утверждения женской субъективности, индивидуального взгляда и самостоятельного художественного голоса. В то же время, если женская проза претендует на устойчивое и долгосрочное развитие и на прочное закрепление в литературном пространстве, женщины-писательницы неизбежно сталкиваются с необходимостью постоянного обновления художественных стратегий. Обращение к актуальным проблемам современности, сохранение и развитие собственного эстетического языка, а также стремление к социальной значимости литературного высказывания становятся важными условиями этого процесса.

Несомненно, женская проза будет и далее эволюционировать, укрепляя свое положение в современном литературном процессе и выступая важным инструментом художественного осмысления социальной и культурной реальности.

2.2. Людмила Улицкая и ее творчество

Людмила Евгеньевна Улицкая — одна из наиболее значимых и узнаваемых фигур современной русской литературы. Она родилась 23 февраля 1943 года в Башкирии, где в годы Великой Отечественной войны находилась в эвакуации ее семья. После окончания войны семья вернулась в Москву, с которой в дальнейшем была связана ее жизнь и профессиональная деятельность.

Улицкая выросла в интеллигентной научной среде: ее отец был инженером в области сельскохозяйственной техники, мать — биохимиком. С ранних лет будущая писательница проявляла интерес к чтению и литературе, чему способствовали как интеллектуальная атмосфера семьи, так и ее еврейское культурное наследие³¹. В 1966 году Улицкая окончила биологический факультет Московского государственного университета и начала работать в Институте общей генетики. Однако в 1970 году она была уволена за участие в распространении самиздата и в течение длительного времени оставалась вне официальной научной и профессиональной сферы.

В 1979–1982 годах Улицкая работала в Камерном еврейском театре, однако и этот этап ее профессиональной биографии оказался непродолжительным³². Вскоре после ухода из театра вышла ее первая книга — *Сто пуговиц*, положившая начало систематической литературной деятельности. С этого момента произведения Улицкой начинают публиковаться не только в российских периодических изданиях и литературных журналах, но и за рубежом — прежде всего в США и Израиле.

Творчество писательницы получило широкое международное признание: ее книги переведены на многие языки, а сама Улицкая стала лауреатом целого ряда престижных литературных премий. Ее произведения привлекают внимание как массового читателя, так и профессиональной критики, что обусловлено их выраженной гуманистической направленностью, тонкой психологической

³¹ 刘垣菲, 论乌利茨卡娅的创作观, 吉林大学, 2009, 第9页。

³² K. Duda, *Współczesna literatura rosyjska wobec historii (nowy realizm Ludmiły Ulickiej)*, в: *Prace Komisji Kultury Słowian PAU. T. 7: Kultura i polityka*, ред. L. Suchanek, Kraków 2008, с. 50–51.

разработкой персонажей и своеобразием повествовательной манеры.

Широкая писательская известность пришла к Улицкой в начале 1990-х годов. В 1992 году в журнале «Новый мир» была опубликована повесть *Сонечка*, сразу же вызвавшая заметный отклик в литературной среде. Уже в 1993 году произведение вошло в шорт-лист премии «Русский Букер», а во Франции было удостоено престижной премии «Prix Médicis étranger», присуждаемой за лучший зарубежный роман в переводе на французский язык.

Следующим важным этапом в творчестве писательницы стал роман *Медея и ее дети* (1996), воспринятый критикой как одно из значительных литературных событий года. Произведение принесло Улицкой международное признание и было отмечено рядом наград, в том числе итальянской премией Джузеппе Ацербби и Международной французской премией за лучший иностранный роман.

В 2001 году Людмила Улицкая представила читателям один из самых значимых своих романов — *Казус Кукоцкого*, над которым она работала на протяжении десяти лет³³. Это масштабная семейная сага, впервые опубликованная в 2000 году в журнале «Новый мир» под рабочим названием *Путешествие в седьмую сторону света*. Роман охватывает судьбу семьи профессора Павла Алексеевича Кукоцкого на фоне главных событий советской эпохи — от сталинского террора до периода оттепели — и сочетает в себе философскую проблематику с тонким психологическим анализом. За роман *Казус Кукоцкого* Улицкая была удостоена престижной премии «Русский Букер» (2001), став первой женщиной-лауреатом в истории этой награды.

Следующим этапом творческой эволюции писательницы стал роман *Даниэль Штайн, переводчик*, опубликованный в 2007 году. Это произведение также вошло в шорт-лист премии «Русский Букер» и было отмечено Национальной литературной премией «Большая книга». Роман, построенный в форме полифонического эпистолярного повествования, вызвал широкий общественный и критический резонанс и закрепил за Улицкой репутацию одного из ведущих гуманистических голосов современной русской литературы.

³³ Л.Е. Улицкая, *Интервью. Новый роман «Казус Кукоцкого»*, Эхо Москвы, 2000, <https://echo.msk.ru/programs/beseda/11824/> (27.02.2022).

В 2022 году Улицкая была удостоена Международной литературной премии «Форmentor» (Premio Formentor de las Letras) — «за мощное повествовательное мужество, с которым она фиксирует тончайшие эмоции человеческой души, чуткость, с которой рассказывает эпос о людях, брошенных в лабиринт мира, и утонченность, с которой восстанавливает достоинство мужчин и женщин»³⁴.

Совокупность полученных премий и международных наград свидетельствует о высоком уровне литературного мастерства Улицкой и о ее значимости для современной русской прозы. Исследователи неоднократно подчеркивают, что характерными чертами ее творчества являются выраженный гуманизм, внимание к человеческой природе, интерес к повседневному опыту и особое мироощущение, ориентированное на ценность личности и нравственный выбор.

Как отмечает Катажина Сыска, ссылаясь на высказывание Дмитрия Шаманского, Улицкая является

sztandarową przedstawicielką rosyjskiego *mainstreamu*, rozumianego jako harmonijne połączenie prawdziwego talentu literackiego autora, jego umiejętności wyjścia naprzeciw współczesnemu czytelnikowi oraz wymogom branży wydawniczej, przy jednoczesnym zachowaniu artystycznej wolności od nich³⁵.

Ее проза, на первый взгляд, обращается к частным, локальным темам, связанным с конкретными жизненными ситуациями и судьбами отдельных людей. Однако за изображением индивидуального опыта в ее произведениях, как правило, скрывается универсальное и обобщающее измерение. Особое внимание писательница уделяет межличностным отношениям, внутреннему миру героев, их жизненному опыту и личным драмам. Индивидуальные истории персонажей вплетаются в более широкую повествовательную структуру. Сюжет усложняется за счет ретроспективных эпизодов, параллельных линий и множественных точек

³⁴ Людмиле Улицкой присудили международную литературную премию «Форmentor», <https://ruskiymir.ru/news/300465/> (13.11.2022).

³⁵ «Она является яркой представительницей российского *мейнстрима*, понимаемого как гармоничное сочетание подлинного литературного дара, умения говорить с современным читателем и учитывать требования издательского рынка при сохранении художественной свободы». К. Syska, *O neosentymentalnych tendencjach w najnowszej literaturze rosyjskiej*, Kraków 2015, с. 155.

зрения, что создает эффект полифонии и глубины. Улицкая последовательно вписывает судьбы отдельных людей в ткань повседневной реальности, где персонажи встречаются и расстаются, любят, страдают, теряют близких и оставляют след в жизни друг друга. Особенностью ее прозы является способность трансформировать частные, на первый взгляд бытовые ситуации в более масштабные социальные и нравственные конфликты. Таким образом, микроповествование в ее текстах выходит за пределы частного и приобретает статус этического и общественного высказывания.

В этом контексте показательно обращение Улицкой к типу «маленького человека» — одного из главных образов русской литературной традиции, сформировавшегося еще в реализме 1820–1830-х годов. Эти персонажи, как правило, лишены высокого социального статуса, знатного происхождения или исключительных способностей. Они — обыкновенные, незаметные люди, которые, тем не менее, оказываются носителями внутреннего достоинства и нравственной значимости. В классической традиции «маленький человек» символизирует уязвимость, молчаливое сопротивление и человеческое достоинство, противопоставленные равнодушию общества и обезличенной власти — мотив, который получает в прозе Улицкой современное, гуманистически переосмысленное звучание³⁶. «Маленькие люди» Улицкой — это, как правило, персонажи, частично или полностью вытесненные на периферию общественной жизни: пациенты, пожилые люди, инвалиды, сироты, душевнобольные. Они существуют в так называемых «серых зонах» общества и оказываются маргинализированными либо в силу физического состояния, либо вследствие социальной уязвимости. Несмотря на это, данные персонажи сохраняют внутренний свет, человеческую теплоту и высокую нравственную чувствительность.

Прозу Улицкой можно рассматривать как своеобразное продолжение традиции русской классики XIX века, прежде всего линии, восходящей к Пушкину, Гоголю и Достоевскому. Вместе с тем писательница смещает акцент с социальной

³⁶ Подробнее об образе «маленького человека» см. Л. Кузимуродова, *От классического «маленького человека» к постмодернистскому субъекту: проза Виктора Пелевина и Людмилы Улицкой*, *Interpretation and Researches*, <https://interpretationandresearches.uz/index.php/iar/article/view/3720> (11.02.2026).

критики на гуманистическое, в значительной степени философское осмысление человеческой природы и достоинства. В центре ее внимания нередко оказываются именно женские судьбы, что позволяет нам говорить о своеобразной феминизации образа «маленького человека» в современной литературе.

Как отмечает сама Улицкая в одном из интервью, ее интерес направлен не на типизированный образ «советского человека», а на тех, кто оказался за пределами нормативного социального пространства: «... Меня занимает не советский человек, а, как правило, люди, которые оказались вне нашего общества. Больные, старики, инвалиды, сумасшедшие»³⁷.

Особенностью художественного метода Улицкой является специфический — биологический и одновременно гуманистический — взгляд на человека. Писательница изображает своих героев с позиции наблюдателя, не прибегая к идеализации или смягчению телесной уязвимости, старости, болезни или инвалидности. Напротив, эти состояния включаются в изображаемый жизненный цикл как его неотъемлемая часть³⁸.

Характер ее мировоззрения ярко выражен в следующем высказывании:

Все хотят быть богатыми, здоровыми и красивыми, но мир состоит почему-то главным образом из бедных и больных. Но чудесные дары — сострадание, милость, верность — чаще всего являются именно там, в тени жизни³⁹.

Данное утверждение позволяет понять ключевую установку авторской поэтики: подлинная человечность проявляется не в героизме или внешнем благополучии, а в способности к сочувствию, заботе и верности в условиях предельной уязвимости. Таким образом, социальная маргинальность в прозе Улицкой переосмысливается как пространство нравственной силы и внутреннего

³⁷ Л.Е. Улицкая, *Мне интересна жизнь «серых людей»: Беседа с писательницей Л. Улицкой* (Записала Маргарина Рюрикова), «Литературная газета» 1995, № 38, с 3.

³⁸ М. Knurowska, *Problemy cykliczności w prozie Ludmiły Ulickiej*, «Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica» 2010, № 3, с. 6, <https://rep.up.krakow.pl/xmlui/bitstream/handle/11716/11576/AF081--01--Problem-cyklicznosci--Knurowska.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (13.11.2022).

³⁹ *Интервью с Людмилой Улицкой. Русская писательница в норвежском интерьере*, «Соотечественник» 2006, № 8, <http://landsmann.norge.ru/ulickaja/> (13.11.2022).

достоинства.

Как мы уже отмечали, в ряде произведений писательницы особое внимание уделяется судьбам «маленьких», «маргинальных» или «серых» людей, находящихся на периферии общества. Эти персонажи существуют в условиях болезни, социальной изоляции, бытовой нестабильности или отсутствия поддержки. Особенно выразительно данная проблематика раскрывается в рассказах *Цю-Юрихь* и *Дочь Бухары*, где центральными фигурами становятся женщины, чьи близкие страдают от тяжелых заболеваний, а сами героини предстают как уязвимые, но внутренне цельные и нравственно устойчивые личности.

В рассказе *Цю-Юрихь* Людмила Улицкая создает образ «обычной» русской женщины — Лидии, мечтающей о счастливой жизни за границей. Лидия относится к числу так называемых «серых людей»: она сирота, происходит из деревни, не обладает особыми талантами или разветвленным кругом социальных связей. Вместе с тем героиня отличается трезвым взглядом на действительность, практичностью и внутренней собранностью. Она хорошо осознает собственные возможности и ограничения и потому тщательно продумывает каждый шаг, стремясь рационально приблизиться к осуществлению своей мечты.

В рассказе *Дочь Бухары* представлен иной тип героини — Аля, женщина с яркой восточной внешностью, получившая от окружающих прозвище «Бухара». Ее судьба носит выражено трагический характер: рождение дочери с синдромом Дауна и уход мужа, не выдержавшего психологического напряжения, радикально меняют ее жизненный путь. С этого момента Бухара полностью посвящает себя заботе о ребенке. Несмотря на физическую хрупкость и социальную уязвимость, героиня представляет собой фигуру внутренне цельную и духовно устойчивую, оказываясь нравственно сильнее мужа. В этом контексте Улицкая подчеркивает, что подлинная сила заключается не в социальной успешности или традиционно понимаемой мужественности, а в способности к любви, терпению и безусловному принятию другого⁴⁰.

⁴⁰ Ср. Ду Цяо, *Интерпретация гуманитарной мысли в произведении «Дочь Бухары» Л. Улицкой*, «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки» 2022, № 3, с. 154.

Образы Лидии и Бухары представляют характерный для прозы Улицкой тип женщины, находящейся на периферии общества, однако именно в ее судьбе проявляются важнейшие гуманистические ценности. Эти «серые люди» оказываются нравственными опорами мира, в котором социальная справедливость нередко отсутствует, но сохраняется человеческое достоинство.

Анализ данных произведений показывает, что персонажи прозы Улицкой, сталкиваясь с утратами, страданиями и социальными ограничениями, как правило, сохраняют внутреннюю устойчивость и веру в возможность осмысленной жизни. Они редко впадают в отчаяние или выражают протест в открытой форме; напротив, их стратегия существования основана на принятии реальности, способности находить смысл и свет даже в тяжелых обстоятельствах.

Тематика произведений Улицкой охватывает широкий спектр универсальных проблем: любовь и долг, человеческие взаимоотношения, правда и ложь, экзистенциальный выбор, семейные конфликты, преемственность поколений, а также сложные социально-исторические реалии России. При всей укорененности в конкретном человеческом опыте ее проза сохраняет лиризм, метафоричность и философскую многоплановость.

Творчество Улицкой трудно отнести к какому-либо одному литературному направлению: оно соединяет элементы реализма, психологической прозы, философской притчи и семейной саги. В центре повествования оказываются универсальные антропологические категории — жизнь и смерть, любовь и одиночество, компромисс и внутреннее сопротивление, формирующие человеческую личность в ее непрерывном диалоге с собой и обществом.

Категории жизни и смерти занимают в прозе Улицкой особое место и получают выраженно гуманистическую интерпретацию. Писательница исходит из убеждения, что каждый человек имеет право на жизнь, заботу, уважение и достоинство независимо от возраста, социального положения или физического состояния. Человеческое существование в ее произведениях мыслится как органическая часть природного порядка, подчиненного универсальным жизненным циклам рождения, роста, утраты и ухода.

Именно поэтому даже самые уязвимые персонажи прозы Улицкой обладают

глубоким знанием того, как жить и как сохранять человеческое достоинство в предельных обстоятельствах. Через их судьбы писательница утверждает возможность нравственной устойчивости, внутренней свободы и подлинной человечности даже в условиях социальной нестабильности и исторических потрясений. Смерть в ее произведениях не табуируется и не вытесняется, а осмысливается как неотъемлемая часть человеческого бытия — экзистенциальный опыт, углубляющий понимание хрупкости и ценности жизни.

В одном из интервью Людмила Улицкая подчеркивает экзистенциальную природу человеческого опыта смерти:

Каждый человек проходит одни и те же этапы: вот ребенок видит в первый раз в жизни мертвую лягушку или воробья и осознает разницу между живым и мертвым. Потом он впервые сталкивается со смертью кого-то из близких — бабушки или дедушки. И является ужасная мысль, что человек смертен и этот ужас может произойти и с ним. Это этап взросления. Проходит много лет, прежде чем человек привыкает к этой мысли. И еще много лет, когда возникает ощущение, что срок земной жизни подходит к концу. И к этому надо готовиться. Может быть, всю жизнь⁴¹.

Из этого вытекает, что смерть в художественном мире Улицкой не противопоставляется жизни, а осмысливается как ее естественное завершение — предельный момент, придающий человеческому существованию глубину, целостность и нравственную ответственность. Признание конечности жизни становится у писательницы основанием для духовного роста, внутреннего созревания и формирования подлинной человечности.

Ненависть и любовь традиционно воспринимаются как противоположные чувства, однако в философской и литературной традиции они нередко осмысливаются как взаимосвязанные и потенциально переходящие друг в друга состояния. В прозе Улицкой данная дихотомия получает выражено

⁴¹ М. Башмакова, Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни». Знаменитый писатель — о многоликости тела и души, <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82761-lyudmila-ulitskaya-smert-tozhe-prinadlezhit-zhizni> (03.11.2022).

гуманистическое прочтение. Писательница склонна трактовать любовь как преображающую силу, способную нейтрализовать разрушительную энергию ненависти. Ее повествовательная позиция характеризуется эмпатией по отношению к персонажам и стремлением показать, как через сострадание, заботу и принятие возможно преодоление внутренних конфликтов и восстановление нравственного равновесия.

Показательным примером подобного подхода является повесть *Сонечка*. Узнав об измене мужа, главная героиня отказывается от реакции, основанной на ненависти или мести. Вместо этого она принимает произошедшее с внутренним достоинством и направляет свою заботу на Ясю — девочку, оставшуюся без поддержки после смерти Роберта. Сонечка не отвергает Ясю, а воспринимает ее как собственную дочь, продолжая о ней заботиться и защищать ее. Любовь Сонечки представляет собой исцеляющую силу: именно она позволяет Ясе обрести жизненную опору и избежать нравственного разрушения. В этом поступке реализуется понимание любви как способности выходить за пределы личной боли и находить смысл в заботе о другом.

Таким образом, любовь в интерпретации Улицкой представляет собой не сентиментальное чувство, а внутренний нравственный ресурс, соединяющий людей, преодолевающий границы утраты и обиды и возвращающий человеческому существованию достоинство и смысл. В этом контексте образ Сонечки становится воплощением духовной зрелости и гуманистического идеала, лежащего в основе авторского мироощущения.

Межличностные отношения персонажей в прозе Людмилы Улицкой далеки от идеализированного гармонического образца. Возникающие между героями конфликты, как правило, не достигают разрушительной стадии: они либо протекают на глубинном, эмоционально сдержанном уровне, либо постепенно разрешаются через осознанный и внутренне мотивированный компромисс⁴². Можно сказать, что противостояние в мире Улицкой редко принимает форму

⁴² И.И. Банчук, *Людмила Улицкая и Алена Браво: типологические аналогии в женской психологической прозе*, в: *Полесский регион и наука XXI века: Материалы IX Республиканской научно-практической интернет-конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Мозырь, 26 июня 2015 г.*, Мозырь 2015, с. 4.

открытой агрессии; оно носит характер длительного внутреннего напряжения, требующего от персонажей нравственного усилия и способности к самоограничению. Даже в тех случаях, когда герои вынуждены руководствоваться собственными интересами, выбор в пользу компромисса не является пассивным или вынужденным. Напротив, он представляет собой активный акт, основанный на уважении к другому, признании его инаковости и стремлении сохранить человеческую связь вопреки боли, утрате или разочарованию. Таким образом, компромисс в художественном мире Улицкой выступает не просто формой примирения, а важным этическим механизмом, связанным с ответственностью, эмпатией и готовностью к диалогу. Именно в этом аспекте компромисс становится одной из основных ценностных категорий ее прозы и определяет ее выраженно гуманистическую направленность.

Помимо прочего, в творчестве Людмилы Улицкой отчетливо проявляется влияние ее первого профессионального опыта — биологического образования. Этот фактор проявляется не только в повышенной наблюдательности и точности художественного описания, но и в стремлении автора проникнуть в глубинные структуры человеческих взаимоотношений. Писательницу особенно интересует природа связей между людьми, прежде всего — между мужчиной и женщиной. Она стремится выявить сущностные основания общения, показать механизмы взаимопонимания и отчуждения, духовной близости и отдаления, рассматривая любовь, дружбу и семейные отношения как сложные, многоуровневые, но поддающиеся аналитическому осмыслению процессы.

Подытоживая, можно сказать, что проза Улицкой представляет собой не только значимое художественное явление, но и отчетливо выраженную этическую позицию, утверждающую ценность человеческой личности, духовной близости и сострадания как фундаментальных жизненных ориентиров.

2.3. Особенности прозы Людмилы Улицкой на фоне гендерной лингвистики

Гендерная теория предоставляет продуктивный аналитический инструментарий для литературоведения, культурологии и других гуманитарных дисциплин. В данном контексте гендер рассматривается не как биологическая характеристика, а как социокультурное измерение, определяющее модели поведения, формы идентичности и способы репрезентации, укорененные в конкретных исторических и культурных контекстах.

В начале 1990-х годов в Мадриде состоялся XVII Международный конгресс исторических наук, в рамках которого была создана Международная федерация исследователей женской истории. Одним из результатов ее деятельности стало начало масштабного издательского проекта — пятитомной *Истории женщин на Западе* под редакцией Жоржа Дюби и Мишель Перро. Данный труд стал одним из наиболее значимых синтезов феминистских и гендерных исследований, объединив достижения европейской и североамериканской гуманитарной мысли. Издание было переведено на ряд европейских языков и сыграло важную роль в институционализации женской и гендерной истории.

Среди стран славянского региона одной из первых на подобные инициативы откликнулась Польша: уже в 1930-е годы польская исследовательница Луция Харевичова поднимала вопрос о необходимости изучения «женской истории» как самостоятельного направления гуманитарного знания. В России же перевод указанного многотомного труда был осуществлен лишь спустя несколько десятилетий, что свидетельствует о более позднем формировании соответствующего исследовательского поля⁴³.

Тем не менее, начиная с середины 1990-х годов, в российской гуманитарной науке наблюдается интенсивное развитие гендерных исследований. В литературоведении существенно усиливается интерес к проблематике гендера,

⁴³ Женские и гендерные исследования историков в России 1990–2015, http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (17.04.2022).

что отражается как в теоретических работах, так и в реализации междисциплинарных научных проектов. В этом контексте особого внимания заслуживают программа «Женщина и творчество» под руководством Нины Габриэлян, а также инициатива Анны Альчук «Женщины и художественное новаторство в России». Проблематика гендера активно разрабатывается также в учебной литературе. Так, в учебном пособии *Гендерный аспект изучения литературы* подчеркивается необходимость четкого разграничения между «мужским» и «женским» письмом, а также подробно анализируются способы репрезентации личности и механизмы формирования гендерной картины мира в художественном тексте⁴⁴.

Проза Людмилы Улицкой, рассматриваемая с гендерной перспективы, позволяет выявить тематические и аксиологические доминанты. Одной из них является мотив дома, выступающего символом укорененности, преемственности и продолжения жизни и тесно связанного с представлениями о семье и женской идентичности⁴⁵. В художественном мире писательницы формируется система ценностей, в рамках которой маскулинные и фемининные персонажи нередко разделяют сходные нравственные ориентиры⁴⁶. Данное обстоятельство свидетельствует о ее стремлении преодолеть жесткие гендерные дихотомии и показать, что такие базовые человеческие качества, как сострадание, верность и ответственность, не обусловлены биологическим полом, а принадлежат сфере универсальных этических ценностей.

Женские образы в прозе Улицкой, с одной стороны, наследуют определенные черты «вечной женственности», характерные для классической русской литературной традиции, а с другой — приобретают новые качества, свидетельствующие о трансформации женского образа в современной прозе. Героини писательницы выступают не только эмоциональной и духовной опорой для окружающих, но и центром семейного пространства, принимая на себя функции, традиционно приписываемые мужской роли. Тем самым Улицкая не

⁴⁴ А.С. Афанасьев, Т.Н. Бреева, *Гендерный аспект изучения литературы*, Москва 2017, с. 3.

⁴⁵ И.Г. Зумбулидзе, «Женская проза» в контексте современной литературы, в: *Современная филология: материалы I Международной научной конференции (Уфа, апрель 2011 г.)*, Уфа 2011, с. 21–23.

⁴⁶ К.Р. Нургали, А.Г. Уайсбаева, *Аксиологические мотивы в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» в контексте гендерной проблематики*, «Сибирский филологический форум» 2022, № 3 (20), с. 48–55.

отказывается от литературной традиции, а переосмысливает ее, придавая женским образам большую степень автономии и субъектности.

В целом, в прозе Улицкой женские персонажи наделены не только самостоятельным сознанием, но и выраженной духовной независимостью. Благодаря этому они не фиксируются в позиции жертвы, а сохраняют достоинство и внутреннее равновесие даже в условиях утраты или предательства. Процесс возвращения героинь к собственному внутреннему миру и переосмысления жизненного опыта позволяет им выйти за пределы бинарной оппозиции «мужское/женское» и сформировать автономное пространство личной идентичности, не сводимое к традиционным моделям гендерного поведения.

Как отмечает сама писательница в одном из интервью, размышляя о специфике женского опыта в российском контексте:

А вот насчет особого дарования русских женщин быть несчастными — тут я готова согласиться с вами... Россия действительно страна несчастных женщин... Литература великая, само собой, но быть счастливой женщину не учит⁴⁷.

Данное высказывание позволяет понять ключевую установку ее мировоззрения: женщина не может полагаться исключительно на культурные или литературные модели и вынуждена выстраивать собственный внутренний моральный мир.

Женские образы в прозе Улицкой представляют собой важную художественную стратегию. Это, как правило, сдержанные, внешне мягкие героини, не вызывающие агрессии и легко располагающие к эмпатии и отождествлению со стороны читателя. Однако за внешней кротостью скрывается внутреннее напряжение, связанное с неудовлетворенностью навязанными социальными ролями и с неявным протестом против традиционных моделей женского поведения. Внутренняя сила этих персонажей свидетельствует о стремлении автора переосмыслить представления о женственности и показать женщину как полноценного субъекта — мыслящего, чувствующего

⁴⁷ Ю. Шгарева, *Принцип Улицкой: без трупов и уныния. Умение страдать*, <https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/ulitskaya/> (31.03.2026)

и отстаивающего собственное достоинство.

При этом в прозе Улицкой не находим прямой декларации феминистской программы. Речь идет скорее о имплицитной феминистской перспективе, реализуемой через художественные образы и нарративные решения. Писательница отказывается от идеализации и сакрализации женской природы, предпочитая изображать женщину как автономную личность, формирующую себя в процессе жизненной борьбы и нравственного выбора⁴⁸.

Однако, стоит подчеркнуть, что наряду с женскими персонажами важную роль в художественном мире Улицкой играют и мужские образы. Это мужья, друзья, любовники и дети героинь, каждый из которых наделен индивидуальными чертами характера и собственной психологической логикой. Показательным примером является главный герой романа *Искренне ваш Шурик* — образ мужчины, чья жизнь проходит в постоянном окружении женщин, и который воплощает тип трагической мужской фигуры. Шурик получает внешне «правильное» воспитание, основанное на представлениях о долге и ответственности. Однако это воспитание оказывается односторонним: героя не учат мечтать, формулировать собственные цели и добиваться их. Кроме того, его существование определяется глубоко укорененным чувством вины. Шурик настолько зависим от ожиданий и потребностей окружающих женщин, что даже болезнь воспринимает как недопустимую слабость, причиняющую страдание не только ему самому, но и другим. При этом Шурик путает половое влечение с уважением к женщине: стремясь быть «правильным» и чутким, он превращается в эмоционального раба женщин, теряя способность к самореализации и к формированию собственного «я».

Как видим, мужские образы в прозе Улицкой не противопоставляются женским как носители силы или власти, а, напротив, нередко представляют собой фигуры внутренне неустойчивые и зависимые. Как нам кажется, это также подчеркивает стремление писательницы выйти за рамки бинарных гендерных схем и показать сложную, неоднозначную природу человеческой субъективности.

В романе *Казус Кукоцкого* центральное место занимает образ врача Павла

⁴⁸ Там же, с. 34–35.

Алексеевича Кукоцкого. Прежде всего, Кукоцкий изображен как выдающийся медицинский специалист, обладающий не только высоким уровнем профессиональной компетенции, но и твердой нравственной позицией. Его врачебная деятельность основана на глубоком понимании ценности человеческой жизни и ответственности врача перед пациентом. Он выступает также как активный защитник женщин и их здоровья. В условиях, когда многочисленные женщины репродуктивного возраста погибали в результате подпольных абортов, Кукоцкий последовательно отстаивает необходимость их легализации. В этом аспекте он представляется не только врачом, но и гуманистом, для которого медицинская практика неотделима от этического измерения.

Кроме того, Павел Алексеевич показан как хранитель семейных ценностей. Он глубоко вовлечен в жизнь своей семьи, проявляет заботу и чувство ответственности, что подчеркивает целостность его жизненной позиции.

Несмотря на очевидные различия между образом Кукоцкого и образом Шурика из романа *Искренне ваш Шурик*, оба персонажа органически связаны с тематикой семьи и женского мира.

Подобное изображение мужских и женских персонажей обращает внимание на гуманистическую направленность прозы Улицкой, в которой мир мыслится как пространство совместного существования, основанного не на конфронтации полов, а на взаимной поддержке, эмпатии и ответственности.

В женской прозе наблюдаем широкий спектр выразительных мужских и женских образов, что позволяет проследить тесную связь данного литературного направления с проблематикой гендерной лингвистики. Для выражения индивидуальности персонажей и реализации важнейших тематических доминант писательницы нередко прибегают к различным формам так называемого гендерного языка — совокупности речевых стратегий и коммуникативных моделей, отражающих социокультурно обусловленные различия.

Язык в прозе Улицкой играет особую роль. В следующей главе проведем анализ речевого поведения персонажей, что позволит нам выявить определенные гендерно маркированные тенденции.

3. Гендерные языковые особенности с точки зрения вербальной коммуникации в прозе Людмилы Улицкой

Коммуникация представляет собой процесс обмена информацией между взаимодействующими субъектами посредством системы знаков и слов¹. С точки зрения языкового функционирования традиционно выделяют два основных типа коммуникации: вербальную и невербальную. Как отмечает Григорий Крейдлин, вербальные и невербальные знаковые коды являются неотъемлемыми частями коммуникативной интерактивной системы².

В настоящей главе основное внимание будет сосредоточено на проблемах вербальной коммуникации, рассматриваемых в русле гендерной лингвистики и отраженных в прозе Людмилы Улицкой.

3.1. Вербальная коммуникация

Вербальная, или речевая, коммуникация представляет собой форму общения, осуществляемую посредством слов. Ее специфика заключается в том, что по своей форме и содержанию она ориентирована на другого человека, вовлеченного в коммуникативный процесс. Адресатом вербальной коммуникации может быть как отдельный индивид, так и определенная социальная группа, а в ряде случаев — неопределенный или имплицитный адресат. Тем не менее в любом случае речевая коммуникация обладает диалогической природой и реализуется как непрерывный коммуникативный акт³.

Одним из компонентов коммуникативного процесса является речевой акт,

¹ А.П. Моисеева, *Основы теории коммуникации*, Томск 2004, с. 6.

² Г.Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*, Москва 2002, с. 69.

³ О.О. Айвазян, *Коммуникация и речь*, «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология», <https://cyberleninka.ru/article/v/kommunikatsiya-i-rech> (23.11.2024).

который рассматривается как основная единица вербальной коммуникации. Речевой акт представляет собой высказывание в его процессуальном аспекте и соответствует начальному уровню абстрагирования речевой деятельности человека⁴.

В 1920–1930-е годы термин «речевой акт» начинал использоваться в трудах ряда исследователей, занимавшихся проблемами речевого общения и коммуникативного поведения. К данной проблематике обращались, в частности, Михаил Бахтин, Лев Якубинский, Сергей Карцевский, Карл Людвиг Бюлер, Лев Щерба и другие ученые. Завершенную теоретическую форму теория речевого акта получила в рамках лингвистической философии под влиянием идей Людвиг Витгенштейна о множественности языковых функций и их связи с формами человеческой деятельности. Основателем классической теории речевого акта в современной философии языка считается английский философ Джон Лэнгшоу Остин. Его лекции, прочитанные в Гарвардском университете в 1955 году, были опубликованы в 1962 году под названием *How to Do Things with Words*⁵ (*Как совершать действия при помощи слов*⁶), где была сформулирована концепция речевого акта⁷.

Ученик Остина, Джон Роджерс Серль, развил и существенно модифицировал идеи своего учителя. В 1960–1970-е годы он предложил собственную классификацию речевых актов, оказавшую значительное влияние на дальнейшее развитие прагматической лингвистики. По мнению Серля, минимальной единицей речевой коммуникации является не слово и не предложение, а завершенный речевой акт. Вслед за Дж. Остином, в структуре речевого акта он выделяет три уровня:

- 1) локутивный акт, связанный с порождением осмысленного высказывания и выражением положения дел;
- 2) иллокутивный акт, выражающий коммуникативное намерение

⁴ З.И. Комарова, *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*, Москва 2013, с. 374.

⁵ J.L. Austin, *How to Do Things with Words*, Cambridge 1962.

⁶ Дж. Остин, *Как совершать действия при помощи слов*, пер. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева, в: Дж. Остин, *Избранное*, Москва 1999, с. 13–138, <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml> (10.12.2025).

⁷ Более подробно о теории речевых актов Остина см., напр., А. Czapiga, *Leksykalno-pragmatyczne wykładniki aprobaty jako aktu mowy: na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego*, Rzeszów 2017, с. 12–14.

говорящего;

- 3) перлокутивный акт, направленный на достижение определенного эффекта у адресата.

В свою очередь, иллокутивные акты Серль подразделяет на пять основных классов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы⁸.

Русский лингвист Нина Арутюнова подчеркивает тесную взаимосвязь между речью и поведением. Согласно ее определению, речевой акт «представляет собой элементарное (минимальное) звено языковой коммуникации, являющееся продуктом актуализации предложения в конкретной ситуации общения и направленное на достижение определенной иллокутивной цели»⁹.

Речевые акты реализуются в непосредственном контексте общения, однако они функционируют и в художественном дискурсе, где воспроизводят и моделируют типовые коммуникативные ситуации, характерные для реального социального взаимодействия.

В рамках вербальной коммуникации речевые акты включают такие элементы, как обращение, приветствие, комплимент, просьба, жалоба, извинение и прощание. Данные коммуникативные формулы могут служить маркерами гендерной принадлежности говорящего, отражая различия в речевых стратегиях, прагматических установках и нормах коммуникативного поведения представителей разных гендеров.

⁸ Дж. Серль, Д. Вандервекен, *Основные понятия исчисления речевых актов*, в: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 18, Москва 1986, с. 152; Дж. Серль, *Классификация иллокутивных актов*, в: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 17, Москва 1986, с. 170–194.

⁹ Н.Д. Арутюнова, *Речевой акт*, [в:] *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, с. 137.

3.2. Исследование вербальной коммуникации с точки зрения гендерной лингвистики

В рамках гендерной лингвистики различия в вербальной коммуникации мужчин и женщин рассматриваются как результат социально и культурно обусловленных ролей, коммуникативных ожиданий и моделей речевого поведения, а не как следствие биологических различий. Гендерная принадлежность влияет на выбор тем общения, коммуникативные намерения, способы аргументации и стилистические предпочтения говорящего.

Ряд исследований¹⁰ указывает на то, что в типовых коммуникативных ситуациях представители разных гендеров могут по-разному расставлять прагматические акценты: в одних случаях коммуникация ориентирована преимущественно на передачу информации, в других — на установление и поддержание межличностного контакта, выражение эмоций и оценок. Аналогичным образом различия могут проявляться и на стилистическом уровне — в степени прямоты высказывания, использовании эвфемистических форм, смягчающих стратегий или экспрессивных средств.

В художественном дискурсе данные особенности не воспроизводятся механически, а подвергаются авторской интерпретации. В прозе Людмилы Улицкой коммуникативные намерения персонажей и их отношение к действительности раскрываются через систему речевых актов, организованных в рамках диалогов и монологов. Анализ вербальной коммуникации позволяет выявить, каким образом гендерные различия проявляются в речевых стратегиях героев и служат средством характеристики персонажей.

3.2.1. Обращение

Обращение представляет собой слово или словосочетание, обозначающее адресата речи, то есть лицо или объект, к которому направлено высказывание.

¹⁰ См., напр., J. Szpyra-Kozłowska, *Marsjanie i Wenusjanki? O języku młodych Polaków i Polek*, Kraków 2024.

В русском литературном языке в функции обращения, как правило, используется имя существительное в форме именительного падежа либо иная функционально эквивалентная словоформа. Обращение сопровождается особой звательной интонацией и в ряде случаев может сочетаться с вокативной частицей «о»¹¹.

Согласно Наталье Формановской, обращение выполняет функцию обозначения адресата речи и служит средством привлечения внимания собеседника. В прагматическом аспекте обращение относится к сфере речевого этикета, поскольку с его помощью устанавливается, поддерживается и регулируется речевой контакт между участниками коммуникации¹².

К основным функциям обращения относятся указание на участников коммуникативного акта, привлечение внимания адресата, а также создание условий для включения адресата в процесс общения.

Обращение нередко сопровождается экспрессивной оценкой, позволяющей говорящему выразить субъективное отношение к собеседнику. Экспрессивность обращения может реализовываться различными способами: посредством интонации, повторов, использования междометий и частиц, а также за счет выбора лексических средств, обладающих оценочной, референтной или имплицитной семантикой¹³.

С точки зрения гендерной лингвистики формы обращения представляют собой важный маркер социальных ролей, коммуникативных стратегий и межличностных отношений между говорящими. Выбор формы обращения зависит не только от ситуации, но и от гендерной принадлежности участников коммуникации, а также от соотношения статуса, степени близости и эмоциональной вовлеченности. В ряде исследований подчеркивается, что персонажи разного пола могут по-разному использовать обращения как средство установления контакта, выражения заботы, дистанции либо доминирования.

В художественном дискурсе Людмилы Улицкой обращения выполняют не только номинативную и фатическую функции — они служат также инструментом

¹¹ М.Н. Зуев, *Краткий справочник школьника*, Москва 1997, с. 56.

¹² Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 86.

¹³ У.М. Федулова, *Стилистические функции обращения*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» 2014, № 1 (1), с. 239.

речевой характеристики персонажей. Анализ данных средств позволяет выявить особенности гендерно маркированных коммуникативных стратегий и их роль в формировании образов персонажей в прозе Улицкой.

1) Местоименное обращение

Одним из наиболее частотных средств реализации гендерно маркированных форм обращения в русском языке является выбор местоименной формы. Именно такая форма обращения позволяют проследить, каким образом в коммуникации создаются отношения близости и дистанции, солидарности и иерархии, а также как данные параметры соотносятся с гендерной принадлежностью участников общения. В художественном дискурсе выбор между местоимениями *ты* и *вы* приобретает дополнительное смысловое измерение, поскольку они служат не только средством организации диалога, но и важным инструментом речевой характеристики персонажей. В связи с этим целесообразно рассмотреть местоименные формы обращения в аспекте гендерной лингвистики.

Формы обращения могут отражать различные социальные отношения и подлежат влиянию множества факторов, таких как социальная структура, традиционная этика, родственные связи, религиозные установки, социальный статус, профессия, гендерная принадлежность, возраст, уровень образования и другие параметры. Указанные факторы определяют нормы речевого поведения, включая выбор конкретной формы обращения.

В прозе Улицкой используются различные типы обращений, среди которых особое место занимают местоимения *ты* и *вы*. Как мы уже сказали, в русском языке выбор между ними обусловлен контекстом общения и характером межличностных отношений, прежде всего разграничением между формальными и неформальными ситуациями. Использование местоимения второго лица множественного числа *вы*, как правило, характерно для официального общения, взаимодействия с незнакомыми лицами, а также для выражения уважения и социальной дистанции. Напротив, местоимение *ты* употребляется преимущественно в неформальной коммуникации — в дружеских, семейных

и интимных отношениях, где акцент делается на близость и доверие.

Как отмечает Данута Пытель-Пандей, в употреблении местоимения *ты* можно выделить несколько уровней:

– *ты* как показатель близких, доверительных отношений — используется в общении между близкими друзьями, супругами, любовными партнерами и членами семьи, подчеркивая эмоциональную вовлеченность и интимность общения;

– *ты* как маркер групповой принадлежности и солидарности — характерен для коммуникации внутри профессиональных, учебных или идеологических сообществ (например, среди коллег, студентов одного курса, представителей одной профессии или членов одного объединения);

– *ты* как средство выражения агрессии или неуважения — может использоваться в конфликтных ситуациях, в том числе при общении с незнакомыми людьми в условиях напряженного социального взаимодействия¹⁴.

Выделенные уровни употребления свидетельствуют о высокой прагматической гибкости местоимения *ты*, способного адаптироваться к различным коммуникативным и эмоциональным контекстам — от выражения близости до открытого конфликта.

В прозе Людмилы Улицкой многие главные персонажи находятся в отношениях высокой степени близости: это супруги, друзья, родственники, а также лица, связанные длительным совместным бытом. В связи с этим местоимение *ты* употребляется в художественном дискурсе достаточно часто, причем в ряде случаев оно особенно характерно для женской речи.

Рассмотрим следующий пример:

— Да куда же **ты**, Васенька? — Елена не ожидала от Василисы такой твердости.

— А откуда пришла, туда и уйду, — сурово ответила Василиса. — Бог с **тобой**, Елена. (*Казус Кукоцкого*, с. 48)

¹⁴ D. Pytel-Pandey, *System adresatywny współczesnego języka niemieckiego i rosyjskiego: konfrontacja socjolingwistyczna*, Wrocław 2003, с. 95.

Из контекста следует, что Василиса является служанкой Елены, а ее социальный статус формально ниже статуса хозяйки дома. Тем не менее обе героини обращаются друг к другу на *ты*, что объясняется длительностью и характером сложившихся между ними отношений. Василиса на протяжении многих лет живет в доме Елены, участвуя в заботе о семье и хозяйстве, вследствие чего между женщинами формируется связь, основанная на взаимном уважении и эмоциональной привязанности. В данном случае местоимение *ты* функционирует как средство выражения близости и доверия, нивелируя формальные социальные различия.

Особого внимания заслуживает употребление формы творительного падежа местоимения *ты* (*тобой*) в реплике Василисы, обращенной к Елене. Данная форма актуализирует личностное, эмоционально окрашенное отношение говорящей к собеседнице и подчеркивает неофициальный, доверительный характер их взаимодействия. Таким образом, языковой выбор персонажа свидетельствует о том, что статус Василисы в данной коммуникативной ситуации не сводится исключительно к роли подчиненной.

Рассмотренный пример показывает, что местоимение *ты* в прозе Улицкой выступает не только маркером социальных ролей, но и средством передачи тонких эмоциональных и психологических аспектов взаимоотношений между персонажами.

Подобный пример встречаем и в рассказе *Дочь Бухары*. Паша — это близкий для Бухары человек, находящийся с ней в доверительных, эмоционально насыщенных отношениях. Данный факт находит отражение в выборе формы обращения:

— **Ты** здоровая, больше меня проживешь, — тихо ответила Бухара, и Паша ей поверила. (*Дочь Бухары*, с. 69)

В повседневной коммуникации жены, как правило, обращаются к своим мужьям на *ты*, нередко используя также различные ласковые формы обращения. По данным неформального интернет-опроса, большинство жен не употребляет

при обращении к мужьям форму *вы*; некоторые прибегают к ней эпизодически — например, в шутовском контексте или в состоянии раздражения, — лишь незначительная часть опрошенных последовательно использует форму *вы* в супружеском общении¹⁵. Аналогичная тенденция наблюдается и в прозе Людмилы Улицкой: женские персонажи обращаются к своим мужьям преимущественно на *ты*:

— О чем **ты**? — с тревогой спросила Соня.

— Это не я. Это Марк Аврелий. Синие и зеленые — это цвета партий на ипподроме. Я хотел сказать, что меня никогда не интересовало, чья лошадь придет первой. Для нас это не важно. В любом случае гибнет человек, его частная жизнь. Спи, Соня.
(*Сонечка*, с. 11)

Хотя герои обсуждают серьезную тему, использование формы обращения *ты* не снижает значимости содержания высказывания, а, напротив, подчеркивает степень близости между супругами и вписывает диалог в рамки неофициального общения.

Мужской способ употребления формы обращения *ты* в целом сопоставим с женским:

(1) — Илюша, я думаю, **ты**, как всегда, преувеличиваешь. Не интересуется их космополитизм. Я думаю, все проще — наш Хозяин просто хочет скрутить голову евреям. (*Казус Кукоцкого*, с. 37)

(2) — Не знаю. Я только знаю, что убивать их нельзя, — впервые слова мужа вызвали в ней чувство несогласия, а сам он — протест и раздражение.

— **Ты** подумай о женщинах! — прикрикнул Павел Алексеевич. (*Казус Кукоцкого*, с. 45)

Приведенные примеры показывают, что форма *ты* может использоваться не

¹⁵ С мужем на ВВ))) много ли таких пар?, <https://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=1257601&start=75> (19.04.2024).

только в нейтральных, но и в конфликтных коммуникативных ситуациях, выступая маркером отсутствия формального дистанцирования и указывая на принадлежность участников диалога к сфере близких межличностных отношений. Как мы уже подчеркивали, с точки зрения коммуникативной нормы обращение с использованием местоимения *ты* характерно для неофициальных ситуаций общения — между друзьями, родственниками и лицами, находящимися в тесных межличностных связях. Напротив, употребление местоимения *вы* (в форме второго лица множественного числа) служит показателем вежливости и уважительного дистанцирования; оно адресуется незнакомым или малознакомым собеседникам, лицам старшего возраста либо занимающим более высокий социальный статус, а также является типичным для официальных и формальных коммуникативных контекстов¹⁶.

Ниже приведем примеры, иллюстрирующие употребление обращения *вы* в речи женских персонажей:

— Выпишите мне, пожалуйста, читательскую карточку, или как это у **вас** называется?

[...]

— Нет, не могу. **Вы** же областной... (*Сонечка*, с. 8)

В данном диалоге Роберт и Соня еще не знакомы, поэтому обращаются друг к другу на *вы*, что подчеркивает взаимную вежливость и формальность, характерные для начального этапа общения между незнакомыми людьми.

Следующий пример:

— Я уже больше не могу, благодарю **вас**, — обаятельно и почти жалобно говорила Яся, а Сонечка все не могла выпустить из своего сердца сочувствия: сирота, бедная девочка, детдом... Господи, ну как же так можно... (*Сонечка*, с. 25)

В этом фрагменте местоимение *вас*, употребленное в форме родительного

¹⁶ Н.В.Х. Ти, *Обращение как элемент русского речевого этикета на фоне вьетнамской лингвокультуры*, Москва 2010, с. 9.

падежа, реализует ту же вежливую модель обращения, что и форма *вы* в именительном падеже. Поскольку девушка впервые посещает дом подруги и обращается к людям старшего возраста, использование формы *вы* выражает уважение, а также осознание возрастной и социальной иерархии.

Анализ употребления формы обращения *вы* в приведенных примерах позволяет сделать вывод о том, что она функционирует как маркер не только формальности, но и уважительного дистанцирования. Это особенно значимо в коммуникации с малознакомыми людьми, а также в социальных контекстах, где необходимо соблюдение норм субординации. Следует отметить, что данным правилам в равной степени следуют как мужчины, так и женщины, что свидетельствует об относительной универсальности употребления местоимения *вы* в русской коммуникативной культуре.

Рассмотрим далее примеры употребления формы обращения *вы* в речи мужских персонажей:

— **Вы** шутите... — отшатнулся партийный деятель.

— Я мог бы привести **вам** таких луковиц килограмм, — вежливо ответил Павел Алексеевич побледневшему деятелю. — Официальная статистика, и я не могу этого скрывать, совершенно не соответствует истине.

Начальник напрягся:

— Что **вам** дает право... Как **вы** смеете... (*Казус Кукоцкого*, с. 23)

В этом фрагменте местоимение *вы* реализуется в разных падежных формах (*вы* — именительный, *вам* — дательный), что подчеркивает формально-официальный характер коммуникации. Партийный деятель и Павел Алексеевич не находятся в личных отношениях и взаимодействуют в рамках институциональной иерархии, что предопределяет выбор дистанцированной формы обращения. Даже на фоне нарастающего напряжения *вы* сохраняет функцию маркера социального уважения и официальности¹⁷.

¹⁷ D. Pytel-Pandey, *System adresatywny...*, с. 126.

Особого внимания заслуживает интонационное оформление реплик. Реплика *Вы шутите...* выражает недоверие и скрытое раздражение, однако при этом не нарушает формальной дистанции. Ответ Павла Алексеевича, напротив, показывает сдержанность и подчеркнутую вежливость: употребление формы *вам* свидетельствует об осознании иерархических отношений и профессиональной самодисциплине, несмотря на конфликтный характер ситуации. Таким образом, форма *вы* выполняет здесь не только этикетную функцию, но и служит средством поддержания официального регистра общения, типичного для публичных и служебных контекстов.

Следующий диалог представляет собой более сложный случай с точки зрения эмоциональной и прагматической интерпретации:

— Василиса, голубушка, что же **вы** кофе не выпили? Уж не отравы ли боитесь? — пошутил он.

— А хотя бы и так, — буркнула Василиса. (*Казус Кукоцкого*, с. 77)

Обращение Павла к Василисе на *вы* в условиях семейного общения выглядит нетипичным, однако становится понятным в свете предшествующего контекста. Василиса глубоко потрясена решением Павла, связанным с легализацией аборт, которое она воспринимает как нравственно неприемлемое и разрушительное. Это приводит к отчуждению и внутреннему разрыву в отношениях. Павел, осознавая изменение отношения со стороны членов семьи, в том числе Василисы, пытается восстановить утраченный контакт. Выбор формы *вы* в его реплике может интерпретироваться двояко. С одной стороны, она служит средством намеренного дистанцирования в условиях напряженности, позволяя избежать эскалации конфликта. С другой — такая форма обращения выражает скрытую вежливость и уважение, подчеркивая признание значимости Василисы в семейной иерархии, несмотря на возникшее отчуждение.

Ответ Василисы, оформленный в подчеркнуто неформальной и резкой манере (*буркнула*), служит средством выражения ее внутреннего протеста и отказа принять предложенную модель общения. Тем самым она символически отвергает

как авторитет Павла, так и его попытку восстановить прежнюю форму отношений.

2) Обращения с указанием профессии или звания

Развитие цивилизации и ускоренный научно-технический прогресс привели к существенному усложнению социальных структур и формированию разветвленной системы социальных ролей. Эти роли определяются, в частности, уровнем образования, сферой профессиональной деятельности и занимаемой должностью. В результате в современном обществе сложился широкий спектр профессий и званий, что обусловило необходимость учитывать профессиональный или социальный статус адресата в процессе коммуникации¹⁸.

Обращения по профессии или званию стали неотъемлемым элементом современного коммуникативного поведения, выполняя одновременно функции идентификации, формализации общения и выражения уважения. Они отражают иерархичность социальных отношений и служат средством упорядочивания взаимодействий в условиях многообразия социальных ролей и функций.

В русском языке профессиональные обращения, такие как *профессор*, *доктор*, *учитель* и др., традиционно используются как в отношении мужчин, так и женщин. При этом употребление существительных женского рода для обозначения профессиональной деятельности женщин, несмотря на их формальное соответствие грамматическим моделям русского языка, нередко воспринимается как стилистически сниженное или даже дискриминационное. Подобное восприятие обусловлено историческими и культурными факторами, повлиявшими на формирование системы профессиональных номинаций.

В большинстве случаев для обозначения профессии женщины используются те же лексические единицы, что и для мужчин. Лишь в отдельных ситуациях прибегают к словообразовательным средствам для формирования женских вариантов, например: *учитель* — *учительница*, *продавец* — *продащица* и др. Однако подобные формы часто ассоциируются с разговорной или быденной речью, что делает их не всегда уместными в официальном или профессиональном

¹⁸ Там же, с. 177.

контексте.

Обладая собственным академическим образованием и профессиональным опытом, Людмила Улицкая неоднократно обращается в своей прозе к образам представителей интеллектуальных профессий, в частности к фигурам врача и профессора, что позволяет проследить особенности функционирования профессиональных обращений в художественном дискурсе.

(1) — **Профессор**, я прошу вас не беспокоиться. И пока не задавать вопросов.

Положение, в котором вы оказались, в высшей степени неординарно, и вам придется провести здесь некоторое время. Потом все будет вам объяснено... (*Казус Кукоцкого*, с. 136)

(2) — Я осмелился побеспокоить вас, **доктор**, — заговорил мужчина, и пан Жувальский, с первых звуков голоса почуяв в нем принадлежность к своей касте, к попанной европейской интеллигенции, двинулся навстречу с улыбкой узнавания. (*Сонечка*, с. 14)

В обоих фрагментах обращения *профессор* и *доктор* используются в нейтральной, традиционной форме, без эксплицитного указания на гендерную принадлежность адресата. Выбор такой формы подчеркивает универсальный характер данных профессиональных титулов, ориентированных прежде всего на социальный статус и профессиональную компетентность, а не на пол.

Употребление профессиональных номинаций в художественном тексте тесно связано с категорией социальной иерархии. Вежливое обращение с указанием профессии выполняет функцию признания заслуг адресата и закрепляет его положение в системе социальных ролей. Вместе с тем чрезмерно официальные или усложненные формулы могут приобретать оттенок иронии или сарказма, тогда как излишне упрощенные формы способны интерпретироваться как проявление неуважения.

В первом примере обращение *профессор* акцентирует научный статус персонажа и способствует формированию атмосферы сдержанного уважения в ситуации неопределенности и напряжения.

Во втором случае обращение *доктор* актуализирует социальную идентичность героя и его принадлежность к интеллектуальной среде, что становится значимым элементом дальнейшего развития диалога и взаимодействия между персонажами.

Таким образом, можно прийти к выводу, что обращения с указанием профессии или звания в прозе Людмилы Улицкой служат средством репрезентации социального статуса персонажей, их профессиональной роли и места в иерархии. Отсутствие гендерной спецификации в подобных формах обращений отражает не только языковую норму, но и универсализацию профессиональной идентичности, выходящей за рамки гендерных различий¹⁹.

3) Обращения по имени

В русской коммуникативной культуре в официальной обстановке принято обращаться к собеседнику, используя форму имени и отчества (например, *Анна Сергеевна, Иван Львович*). Такое обращение воспринимается как выражение уважения и подчеркивает формальный характер взаимодействия. Отчество представляет собой компонент личного имени, образованный от имени отца и выполняющий функцию социально-идентификационного маркера.

Согласно социолингвистическим и социокультурным исследованиям, традиция смены фамилии женщинами после вступления в брак в России остается достаточно устойчивой, несмотря на постепенную трансформацию ценностных установок. Так, в 2008 году 49% женщин выражали готовность взять фамилию мужа, тогда как 27% предпочитали сохранить свою фамилию. К 2013 году доля женщин, ориентированных на смену фамилии, возросла до 54%, при одновременном увеличении числа тех, кто стремился сохранить девичью фамилию (до 33%). К 2020 году данные показатели стали сближаться: 48% респонденток высказывались в пользу смены фамилии, а 44% считали это необязательным. Исследование, проведенное в Санкт-Петербурге, показало, что 31,7% женщин предпочли сохранить девичью фамилию, 61,8% выбрали фамилию

¹⁹ Там же, с. 177.

супруга, а 6,5% остановились на двойной фамилии²⁰.

Несмотря на сохранение традиции принятия фамилии мужа, все больше женщин выражают стремление сохранить собственную фамилию либо использовать двойную фамилию. Подобная динамика свидетельствует о постепенной либерализации брачно-семейных норм и возрастании роли индивидуальной идентичности. Особенно отчетливо эта тенденция проявляется в крупных городах, таких как Санкт-Петербург, где влияние глобализационных процессов и индивидуалистических ценностей оказывается более заметным.

В соответствии с укорененными культурными практиками в официальных ситуациях представления супружеской пары нередко используется фамилия мужа (например, *супруги Медведевы*). Данная модель отражает традиционные патриархальные установки российской культуры, в рамках которых гендерные роли долгое время оставались асимметричными²¹.

Русские личные имена традиционно включают три компонента: имя, отчество и фамилию. В произведениях Людмилы Улицкой наиболее часто реализуются две основные формы обращения:

- 1) Имя + отчество — официальная форма, маркирующая уважительное и дистанцированное общение;
- 2) Уменьшительно-ласкательная форма имени — характерна для близких, доверительных и неформальных отношений.

Отчество как элемент личного имени закрепилось в русской антропонимической системе в XI веке и первоначально выполняло функцию социального маркера, указывающего на принадлежность к привилегированным слоям общества. В период правления Екатерины II право официального употребления отчества было связано с системой чинов и распространялось преимущественно на представителей высших сословий. Лишь в XIX веке использование отчества стало постепенно выходить за рамки дворянской среды и закрепляться как общенациональная норма, обязательная для официального

²⁰ Менять или не менять: сколько женщин и почему не берут фамилию мужа, <https://spb.mk.ru/social/2022/02/17/menyat-ili-ne-menyat-skolko-zhenshin-i-pochemu-ne-berut-familiyu-muzha.html> (19.04.2022).

²¹ 陈春红, *俄语称呼语中的性别歧视研究*, 《浙江外国语学院学报》2014 (1), 第 32–37 页.

общения независимо от социального происхождения²².

В русском языке форма обращения по имени и отчеству считается одной из наиболее вежливых и социально маркированных. Она преимущественно используется в официальных и профессиональных ситуациях, а также в институциональной коммуникации — в среде педагогов, врачей, работников администрации и других представителей социально значимых профессий (например, *Матвей Петрович, Анна Валерьевна*²³). Употребление имени и отчества не только выражает уважение к адресату, но и четко выстраивает коммуникативные границы, создавая необходимую формальную дистанцию, особенно важную в деловой и образовательной сферах. Формула *имя + отчество* во многом отражает патриархальную модель культуры, поскольку отчество символически подчеркивает связь с отцовской линией и семейную принадлежность.

В неофициальной обстановке, напротив, форма имени и отчества используется значительно реже и, как правило, не характерна для общения между близкими друзьями или членами семьи. В таких ситуациях преобладают уменьшительно-ласкательные формы имени, служащие средством выражения эмоциональной близости, доверия и теплоты (например, *Маша, Коля, Саша*²⁴).

Как мы видим, русские традиции именования и форм обращения глубоко укоренены в культурно-историческом контексте. Наблюдаемые изменения в отношении к фамилии в браке указывают на постепенный отход от жестко патриархального уклада в сторону более гибких и равноправных моделей социальной идентичности.

Рассмотрим примеры мужских обращений, которые встречаются в произведениях Л. Улицкой:

— Ну вот и хорошо, **Елена Георгиевна**.

Павел Алексеевич поразился: это был тот случай, когда частное оказывалось

²² Н.И. Формановская, *Нужно ли русскому человеку отчество*, «Русская речь» 2004, № 5, с. 72.

²³ В.И. Супрун, *Обращение как отражение русской коммуникативной культуры*, «Наука. Мысль: электронный периодический журнал» 2015, № 11, с. 90–93.

²⁴ 褚敏, 俄语称呼语的变迁, 外语学刊, 北京 2010(2), 第 93–96 页。

больше целого — настолько глаза ее были больше остального лица. (*Казус Кукоцкого*, с. 13)

Форма обращения *Елена Георгиевна* включает отчество, образованное от имени отца (*Георгий*), что соответствует нормам официального и уважительного общения. На данном этапе взаимодействие Павла и Елены ограничено профессиональным контекстом (врач — пациентка). Использование формулы *имя + отчество* выражает уважительное отношение врача к незнакомой женщине и подчеркивает формальный характер их общения.

Второй пример:

— **Марлена Сергеевна**, я привел вам дочь нашего уважаемого доктора Кукоцкого. Молодой биолог, — захекал профессор довольно противно, — к вам на выучку. Побеседуйте, пожалуйста, с девушкой, а я пока проведу Павла Алексеевича по лаборатории...

И они вышли, а Таня осталась. (*Казус Кукоцкого*, с. 94)

Обращение *Марлена Сергеевна*, оформленное по модели *имя + отчество*, актуализирует профессиональный статус данного лица и подчеркивает официальный, институциональный характер ситуации. В данном случае эта форма выполняет функцию символического повышения статуса собеседницы и маркирует уважительное дистанцирование. По своей прагматической функции она сопоставима с употреблением местоимения *вы*, поскольку также сигнализирует формальность и социальную дистанцию.

Рассмотрим следующий пример:

Дважды в месяц, в день зарплаты, после позднего обеда Павел Алексеевич провозглашал:

— **Леночка**, список!

И Елена приносила ему список тех, кому отправлялось денежное пособие... (*Казус Кукоцкого*, с. 24)

Уменьшительно-ласкательная форма имени *Леночка* указывает на близкие, доверительные отношения между Павлом и Еленой, которые на момент описываемых событий состоят в браке. Такое обращение не только привлекает внимание, но и передает теплый, неофициальный характер взаимодействия, отражая эмоциональную близость супругов.

В очередном фрагменте также появляются уменьшительно-ласкательные варианты имен (*Паша* от *Павел* и *Илюша* от *Илья*):

— **Паша**, мы переживаем теперь времена инквизиции. Это неизбежно пройдет, как прошли времена испанской. ...

— **Илюша**, я думаю, ты, как всегда, преувеличиваешь. Не интересует их космополитизм. Я думаю, все проще — наш Хозяин просто хочет скрутить голову евреям. (*Казус Кукоцкого*, с. 36–37)

Герои являются давними друзьями, что делает подобные формы обращения коммуникативно уместными и подчеркивает степень доверия и неформальности их общения. Несмотря на серьезность обсуждаемой темы (политическая ситуация, антисемитизм), выбор данных форм не снижает интеллектуального уровня диалога, а лишь отражает характер межличностных отношений между собеседниками.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что формальные формы обращения (*имя + отчество*) функционируют как маркеры уважения, социальной дистанции и статусности, особенно в профессиональных и официальных контекстах. Напротив, уменьшительно-ласкательные формы имен (*Леночка*, *Паша*, *Илюша*) выражают эмоциональную близость, доверие и приватность общения. В официальных ситуациях предпочтение отдается полному имени с отчеством, что соответствует российской традиции выражения уважения через подчеркивание социальной идентичности адресата. В личных и эмоционально насыщенных взаимодействиях преобладают уменьшительно-ласкательные формы, создающие атмосферу интимности и психологической близости.

Таким образом, сопоставление форм обращения выступает важным художественным и прагматическим средством, позволяющим автору раскрывать характеры персонажей и динамику их взаимоотношений, а также моделировать различные типы коммуникативных ситуаций в художественном тексте.

В предыдущих примерах было показано, что выбор формы обращения зависит от характера отношений между собеседниками, степени формальности ситуации и социальной дистанции. Однако не менее существенным фактором, влияющим на выбор соответствующей формы, оказывается пол говорящего, в частности различия в эмоциональной насыщенности речевых стратегий мужчин и женщин.

В отличие от мужчин, женщины, как правило, вкладывают в формы обращения больше эмоциональных оттенков, используя их не только для идентификации адресата, но и для выражения симпатии, радости, поддержки или иных чувств:

— **Эмилия Карловна**, как я рада вас видеть. Вы все красавица. Чувствуете-то ничего? А у Мартика моего тоже ведь инсульт, семь лет уже. Но он сейчас получше, ходит. Раньше тоже все в кресле сидел. А теперь ходит, и собачку я ему купила.
(*Цю-юрихь*, с. 18)

Отчество *Карловна*, образованное от имени *Карл*, выступает здесь в составе полной формулы обращения *имя + отчество*. Эмилия Карловна в прошлом была известна своей красотой и элегантностью, однако болезнь существенно изменила ее внешность и состояние. Лидия обращается к ней уважительно и одновременно сочувственно, используя официальную форму обращения для выражения почтения и поддержки. Таким образом, данное обращение выполняет двойную функцию: маркирует уважение и передает эмоциональное участие.

В следующем фрагменте также зафиксирована форма обращения, реализованная по модели *имя + отчество*:

— **Файна Ивановна!** Вот сюрприз! (*Искренне ваш Шурик*, с. 219)

Отчество *Ивановна* образовано от имени *Иван*. Несмотря на праздничную и неформальную атмосферу новогодней встречи, Вера обращается к своей начальнице полным именем и отчеством. Такой выбор формы обращения позволяет сохранить профессиональную дистанцию и подчеркнуть уважение, даже в условиях непринужденного общения.

В следующих примерах используется обращение, представленное исключительно именем:

— **Лидя! Лидочка!** Тебя просто Бог послал! — обрадовалась Лора. (*Цю-юрихь*, с. 17)

Имя *Лидя* является краткой формой имени *Лидия*, тогда как *Лидочка* представляет собой ее уменьшительно-ласкательный вариант. Лора, дочь Эмилии, ухаживающая за больной матерью, выражает искреннюю радость и эмоциональный подъем при встрече со старой знакомой. Повторение имени в разных формах усиливает экспрессивность высказывания и подчеркивает интенсивность положительных эмоций.

Ах, **Паша**, что ты говоришь! — обижалась Елена. — Ничего не простенько. Иногда очень даже сложно бывает. (*Казус Кукоцкого*, с. 31)

Обращаясь к мужу, Елена использует уменьшительно-ласкательную форму имени *Паша*, однако ее реплика окрашена недовольством и обидой. Междометие *ах* усиливает эмоциональную выразительность высказывания, показывая, что за внешне ласковой формой обращения скрывается разочарование и несогласие. Таким образом, уменьшительно-ласкательная форма не всегда совпадает с позитивной эмоциональной оценкой и может сопровождать негативные чувства.

Подводя итог, следует отметить, что в женской речи формы обращения выполняют не только идентификационную функцию, но и служат средством передачи эмоционального состояния. Разнообразие форм имени позволяет варьировать эмоциональные оттенки: полное имя и отчество подчеркивают

уважение и формальность, тогда как уменьшительно-ласкательные формы выражают теплоту, радость, удивление или даже обиду.

Женщины чаще модифицируют формы обращения в зависимости от коммуникативной ситуации, стремясь передать широкий спектр чувств. В мужской речи, напротив, больший акцент, как правило, делается на социальные роли и статус адресата. Таким образом, женские обращения в русской коммуникативной культуре выступают не только средством номинации, но и важным инструментом эмоциональной экспрессии, что придает им особую прагматическую значимость.

4) Обращения с указанием родственных отношений

Термины родства занимают важное место в каждой культуре и служат для обозначения связей между членами семьи. В речевой практике обращения с указанием родственных отношений функционируют преимущественно в неофициальном общении, тогда как в официальной коммуникации используются крайне редко. Несмотря на их разговорный характер, лексемы, обозначающие родственные отношения, носят универсальный характер и встречаются во всех социальных группах, поскольку отражают базовые структуры семейных и межличностных связей²⁵.

Данные термины позволяют точно определить степень родства и социальную роль адресата, что особенно значимо в контексте разветвленных семейных структур (ср.: *мама, дядя, бабушка*). В форме обращения они нередко выполняют дополнительную прагматическую функцию, выражая тепло, заботу и эмоциональную поддержку (*сестренка, папуля, тетушка*). Использование таких обращений способствует снижению формальности общения и формированию атмосферы доверительности и близости. Следует отметить, что обращения с указанием родственных отношений, как правило, направлены от представителей младшего поколения к старшим, что отражает традиционные иерархические модели семейного общения.

²⁵ A. Rudyk, *Zwroty adresatywne w języku polskim i rosyjskim*, Rzeszów 2021, с. 39.

В прозе Людмилы Улицкой чаще всего встречаются обращения *мама* и *мамочка*. Словарные источники предлагают следующие толкования: *мама* — ‘то же, что *мать* (в 1 знач.) (преимущественно в обращении к матери или в разговоре детей о матери)’²⁶; *мамочка* — ‘ласк. к *мама*; [...] 2. м. и ж. прост. устар. В ласково-фамильярном обращении к мужчине или женщине’²⁷.

Обращения *мама* и *papa* традиционно считаются нейтральными, поскольку не содержат эксплицитно выраженной эмоциональной оценки. В то же время их производные формы (*мамочка*, *папочка*) обладают ярко выраженной положительной экспрессивностью и служат средством передачи эмоциональной близости и аффективной вовлеченности говорящего²⁸.

Рассмотрим на конкретных примерах, как в одном диалоге представлены обе формы обращения *мама* и *мамочка*, используемые персонажами в зависимости от коммуникативной ситуации:

— Ну, знаешь ли, **мама**, — изумилась Вера, — ты уж слишком...

Елизавета Ивановна спохватилась:

— Ну, прости, прости, уж меньше всего хотела тебя обидеть.

Однако, несмотря на материнскую грубость, Вера как будто оправдывалась:

— **Мамочка**, ты же знаешь, он на гастролях... (*Искренне ваш Шурик*, с. 182)

В начале диалога Вера удивлена и раздражена резкостью матери. Елизавета Ивановна, представленная в тексте как образованный и сдержанный человек, в данном фрагменте нарушает привычную модель вежливого поведения, произнося неуместные и болезненные для дочери слова. Обращение *мама* в этом контексте утрачивает оттенок тепла и выступает как средство дистанцирования, маркируя недовольство и эмоциональное отчуждение. Дополнительным фактором напряжения становится то, что реплика матери затрагивает личную сферу Веры и ее партнера, отца ребенка. После того как Елизавета Ивановна осознает свою ошибку и приносит извинения, эмоциональное состояние Веры меняется.

²⁶ *Словарь русского языка в 4-х т.*, ред. А.П. Евгеньева, Москва 1999, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=мама (23.02.2024).

²⁷ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=мамочка (23.02.2024).

²⁸ A. Rudyk, *Zwroty adresatywne...*, с. 41.

Напряжение ослабевает, что находит отражение в смене формы обращения: нейтральное *мама* уступает место ласковому *мамочка*. Данная форма сигнализирует о прощении, восстановлении эмоциональной близости и возвращении к привычной модели доверительных отношений между матерью и дочерью.

Таким образом, в пределах одного диалога наблюдается переход от нейтрального обращения к экспрессивно окрашенному, что наглядно показывает зависимость выбора формы обращения от текущего эмоционального состояния и коммуникативной динамики. Формы с указанием родственных отношений выполняют не только идентификационную функцию, но и служат тонким индикатором межличностных отношений, позволяя передать процессы конфликта и его последующего сглаживания, характерные для семейного общения.

К подобным ситуациям можно отнести также следующие два примера:

(1) — Звуки, как на вокзале в очереди, а интеллигентные, кажется, девочки, — вздохнула Елизавета Ивановна. Потом помолчала, поиграла кончиками морщинистых пальцев и призналась как будто нехотя, — но какие все-таки прелестные... милые...

— Да что ты, **мамочка**, тебе показалось. Они ужасно вульгарные. Не знаю, чего ты там милого нашла, — возразила даже с некоторой горячностью Вера. (*Искренне ваш Шурик*, с. 190)

В данном фрагменте Вера не соглашается с оценкой матери, считая поведение девочек вульгарным. Однако расхождение во взглядах не перерастает в конфликт: реплика Веры носит характер эмоционального, но контролируемого возражения. Использование ласкового обращения *мамочка* подчеркивает сохранение позитивного эмоционального фона и уважительного отношения к матери. Данная форма обращения смягчает несогласие, снижает потенциальную конфликтность высказывания и поддерживает атмосферу доверительного общения, несмотря на различие мнений.

(2) — Скорее на роль Саломеи... Но знаешь, Верочка, она очень изящна, очень...

— Да ну тебя, **мама**, — рассердилась неожиданно Вера. — Она же просто маленькая нахалка... Наверное, бог знает из какой семьи... (*Искренне ваш Шурик*, с. 198)

Во втором примере эмоциональная реакция Веры значительно усиливается. Высказывание матери затрагивает более чувствительную и лично значимую для Веры тему, связанную с ее сыном. В результате несогласие приобретает резкий, аффективный характер. Обращение *мама* в данном контексте утрачивает экспрессивно-ласковый компонент и функционирует как нейтральная форма обращения, маркирующая раздражение и временное эмоциональное дистанцирование. Таким образом, выбор соответствующей формы отражает повышенное внутреннее напряжение и ослабление аффективной близости в конкретный момент общения.

Сопоставление приведенных фрагментов показывает, что смена обращения от *мамочка* к *мама* совпадает с изменением эмоционального состояния говорящего и степенью напряженности коммуникативной ситуации. Ласковая форма сигнализирует о близости и доброжелательности, тогда как нейтральная — о конфликтности и временном охлаждении отношений. Подобная динамика обращения позволяет глубже раскрыть особенности семейного взаимодействия и эмоциональной регуляции в диалогах персонажей.

В этом контексте нам представляется уместным обратиться к исследованиям гендерной коммуникации, согласно которым в языковом сознании носителей культуры закреплены представления о различиях в эмоциональной экспрессивности мужчин и женщин. Так, «типичный мужчина» чаще воспринимается как эмоционально сдержанный и психически устойчивый субъект, склонный к самоконтролю, тогда как «типичная женщина» ассоциируется с большей эмоциональной чувствительностью, лабильностью, эмпатичностью и склонностью к вариативности эмоциональных реакций²⁹.

Приведенные примеры подтверждают, что поведение Веры соотносимо

²⁹ М.А. Кузнецов, *Гендерные особенности эмоциональной и автобиографической памяти*, «Право і безпека» 2015, № 1 (56), с. 102. См. также раздел *Język kobiet jest bardziej emocjonalny niż język mężczyzn*, в: J. Szpyra-Kozłowska, *Marsjanie i Wenusjanki? O języku młodych Polaków i Polek*, Kraków 2024, с. 175–181.

с данной моделью: выбор форм обращения варьируется в зависимости от ее текущего эмоционального состояния и коммуникативного контекста. Тем самым формы обращений выступают не только средством номинации адресата, но и индикатором аффективной динамики и субъективной оценки ситуации.

В романе *Искренне ваш Шурик* Шурик обращается к своей матери иначе, чем Вера, что отражает различия в их эмоциональной организации и типе семейной привязанности. В его речи преобладают уменьшительно-ласкательные формы обращения, такие как *Веруся* и *мамочка*:

— Ну, **Веруся**, ну, **мамочка**...

И Вера вторила ему:

— **Мамочка, мамочка**... Мы с тобой одни на свете... (*Искренне ваш Шурик*, с. 227)

Шурик глубоко привязан к матери и испытывает к ней искренние, теплые чувства. В ситуации эмоционального напряжения, когда он замечает ее подавленное состояние, обращение *мамочка* становится способом выражения заботы, любви и стремления к эмоциональной поддержке. Уменьшительно-ласкательная форма подчеркивает его нежное, почти инфантильно-зависимое отношение к матери. Повторение обращения усиливает аффективный эффект высказывания, создавая атмосферу утешения и интимной близости. В данном контексте обращение функционирует не только как средство номинации адресата, но и как прагматический инструмент эмоциональной регуляции и укрепления семейной связи.

Использование имени в уменьшительно-ласкательной форме (*Веруся*) дополнительно усиливает интимность общения, подчеркивая особый характер отношений, лишенных формальной дистанции. В целом можно отметить, что чем более близкими и устойчивыми являются отношения между коммуникантами, тем более разнообразными и экспрессивно насыщенными оказываются формы обращения³⁰.

³⁰ М.М. Бурас, М.А. Кронгауз, *Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика*, «Вопросы языкознания» 2013, № 2, с. 123.

Для сопоставления обратимся к примеру из другого произведения Улицкой:

— **Мама**, почему дети плачут? Идите к ним! (*Чужие дети*, с. 111)

Серго давно не видел свою тещу, и его отношение к ней осложнено внутренними сомнениями, связанными с верностью жены и собственным отцовством. Выбор нейтрального обращения *мама*, а не имени или ласковой формы, отражает двойственность его позиции: с одной стороны, он ощущает отчуждение и эмоциональную дистанцию, с другой — стремится сохранить хотя бы формальные признаки семейной связи. В данном случае обращение *мама* лишено экспрессивной окраски и не несет признаков аффективной близости, что подчеркивает напряженность и неопределенность межличностных отношений.

Подводя итог анализу приведенных фрагментов, можно отметить, что Шурик последовательно использует эмоционально теплые формы обращения (*мамочка*, *Веруся*), отражающие его глубокую привязанность к матери. Вера, вторя этим обращениям, усиливает эффект эмоционального единения и взаимной поддержки. В случае Серго, напротив, нейтральное обращение *мама* маркирует внутренний конфликт и дистанцированность, не перерастающую, однако, в открытый разрыв семейных связей.

Таким образом, вариативность форм обращения в произведениях Людмилы Улицкой выступает значимым средством художественной репрезентации семейных отношений, позволяя передать их эмоциональную сложность, динамику и глубину.

В романе *Казус Кукоцкого* находим еще один показательный пример нестандартного использования обращения *мамочка*:

Павел Алексеевич поднял вязанье, положил на кровать. Налил себе и Тане:

— За твоё здоровье, **мамочка**.

Елена слегка водила рюмкой перед собой, Таня прислонила рюмку к ее рту, и она выпила. Они просидели вместе почти час, молча и улыбаясь... (*Казус Кукоцкого*, с. 191)

В данном эпизоде Павел обращается к своей жене Елене словом *мамочка*. На первый взгляд такое обращение может показаться нетипичным, поскольку оно не соотносится с прямым, денотативным значением термина родства. Однако контекст позволяет раскрыть его прагматическую и символическую нагрузку. Обращение *мамочка*, адресованное жене и матери их дочери Тани, выполняет здесь не только функцию ласкового номинирования, но и выступает средством символического объединения семьи. В момент, изображенный в тексте, герои переживают тяжелый кризис: Таня ранее ушла из дома, Елена тяжело больна, Павел страдает от алкогольной зависимости. Их совместное пребывание за столом оказывается редким эпизодом единения, в котором временно преодолеваются накопившиеся отчуждение и внутренние конфликты. Использование обращения *мамочка* подчеркивает стремление Павла восстановить утраченное тепло семейных отношений и вернуть ощущение целостности семьи. Этот речевой жест может интерпретироваться как попытка не только выразить заботу и сочувствие, но и актуализировать общую для всех участников сцены семейную идентичность, основанную на памяти о прежней близости. В более широком плане данный эпизод позволяет также проследить особенности выражения эмоций в семейном общении. Если в речи женских персонажей формы обращения часто динамично варьируются в зависимости от эмоционального состояния, то в случае Павла мы наблюдаем единичное, но семантически насыщенное использование ласковой формы. Это свидетельствует о том, что даже при внешне сдержанной или фрагментарной эмоциональной экспрессии мужская речь может содержать глубокий аффективный подтекст.

Можно сказать, что обращение *мамочка* в речи Павла раскрывает его внутреннюю потребность в сближении и одновременно отражает процесс попытки восстановления эмоциональных связей внутри семьи, что является одной из главных тем романа.

5) Экспрессивные обращения

Экспрессивные обращения играют важную роль в коммуникации, однако их

значение в полной мере раскрывается лишь в конкретном контексте. Оценка и эмоциональное состояние говорящего, выражаемые посредством экспрессивных лексем, не всегда очевидны на первый взгляд: одни и те же формы могут передавать различные эмоциональные оттенки и даже выражать противоположные чувства в зависимости от коммуникативной ситуации. Таким образом, именно контекстуальный анализ позволяет адекватно интерпретировать прагматический смысл экспрессивного обращения.

Прагматическая природа экспрессивности непосредственно связана с интенцией говорящего — стремлением оказать эмоциональное или оценочное воздействие на адресата³¹. Экспрессивные обращения отражают личное отношение говорящего к собеседнику, а также его психоэмоциональное состояние в момент высказывания, что делает их особенно значимыми в ситуациях эмоционально насыщенного общения.

В широком смысле любой языковой факт, связанный с выражением эмоций, может быть отнесен к сфере экспрессивности³². Следовательно, экспрессивное (выразительное) обращение должно обладать ярко выраженной эмоциональной окраской и не может рассматриваться как стилистически нейтральное.

В прозе Л. Улицкой экспрессивные обращения наиболее часто функционируют в сфере близких межличностных отношений — между супругами, возлюбленными, родителями и детьми, а также друзьями. Выразительность эмотивных высказываний достигается за счет использования разнообразных языковых средств, выполняющих экспрессивную функцию в тексте³³. К ним относятся, в частности, прилагательные, подчеркивающие характерные черты адресата или его действий; прозвища, передающие как ласковую, так и ироническую оценку; а также иные формы обращения, включающие метафорические номинации, уменьшительно-ласкательные суффиксы и другие способы усиления эмоционального воздействия.

Очевидно, что употребление экспрессивных обращений может различаться

³¹ A. Rudyk, *Zwroty adresatywne...*, с. 155–156.

³² T. Skubalanka, *O ekspresywności języka*, «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Nauki Filozoficzne i Humanistyczne» 1972, т. 27, № 8, с. 125.

³³ Z. Czapiга, *O ekspresywności wypowiedzeń emotywnych (na materiale języka rosyjskiego i polskiego)*, «Folia Linguistica Rossica» 2015, № 11, с. 20.

в речи мужских и женских персонажей. Женская речь, как правило, характеризуется большей вариативностью и эмоциональной насыщенностью форм обращения, что позволяет более гибко передавать изменения настроения и отношения к собеседнику. Мужские обращения чаще отличаются лаконичностью и прямотой, однако это не исключает их эмоциональной значимости и глубины, особенно в контексте близких семейных отношений.

Можно сказать, экспрессивные обращения в прозе Улицкой выполняют важную текстообразующую и характерологическую функцию: они способствуют раскрытию внутреннего мира персонажей, их эмоциональных состояний и межличностных связей, формируя многогранную и динамичную эмоциональную палитру художественного текста.

Сначала проанализируем, как женщины обращаются к мужчинам:

Елена обняла его за шею:

— Тише, **миленький**... (*Казус Кукоцкого*, с. 38)

Лексема *миленький* в словарях имеет несколько значений: 1. ‘возлюбленный’; 2. ‘разг. употр. как фамильярно-ласковое обращение к мужчине’; 3. ‘прил. разг. имеющий привлекательную внешность; хорошенький’ // ‘такой, который нравится (о предметах)’; ‘близкий сердцу, дорогой, любимый’³⁴.

В данном контексте обращение *миленький* актуализирует прежде всего значение ласкового и интимного обращения к близкому человеку. Оно отражает эмоциональную близость между Еленой и ее мужем и функционирует как маркер доверительных супружеских отношений. Существенную роль в интерпретации играет и сопровождающий вербальное обращение невербальный компонент — физический контакт (объятие за шею), который усиливает экспрессивность высказывания и подчеркивает нежность и заботу со стороны героини.

Таким образом, обращение *миленький* в данном фрагменте выполняет одновременно несколько функций: эмоциональную, выражая любовь, мягкость

³⁴ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва 2000, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=миленький (09.03.2024).

и сочувствие; интимную, указывая на высокий уровень близости между супругами; а также прагматическую, направленную на смягчение ситуации и эмоциональное воздействие на адресата.

Как показывает проза Людмилы Улицкой, в речи женских персонажей ласковые обращения нередко используются как средство усиления аффективного воздействия на партнера. Они часто сопровождаются невербальными жестами, что способствует созданию особой атмосферы тепла, заботы и психологической поддержки. Подобные формы обращения передают не только отношение говорящего к адресату, но и отражают эмоциональное состояние персонажа.

Выразительные обращения, используемые женщинами в близких отношениях, играют существенную роль в передаче эмоций и формировании особой атмосферы взаимодействия. Примеры из романа *Казус Кукоцкого* показывают богатство языковых средств, с помощью которых героини выражают сочувствие, заботу и глубокую эмоциональную привязанность.

— **Бедные, бедные мои мальчики,** — бормотала Таня, отогревая руки у Гены на груди. Температура у него была под тридцать девять, и Тане казалось, что руки ее лежат на сковородке. (*Казус Кукоцкого*, с. 201)

Лексема *бедный* в словарях фиксируется в нескольких значениях, среди которых для данного контекста релевантным является переносное: ‘вызывающий сострадание, сочувствие, достойный сожаления; несчастный’³⁵. В анализируемом фрагменте слово *бедные* выражает сильное сочувствие и тревогу Тани по отношению к больному Гене. Двойное повторение данной лексемы усиливает экспрессивность высказывания и подчеркивает эмоциональную напряженность сцены, передавая заботу и внутреннее волнение героини.

Слово *мальчик* в своем прямом значении обозначает ребенка или подростка мужского пола, однако в переносном употреблении может характеризовать взрослого человека как слабого, беспомощного или нуждающегося в опеке³⁶.

³⁵ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=бедный (09.03.2024).

³⁶ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=мальчик

Обращаясь к Гене как к «мальчику», Таня символически переводит его в позицию нуждающегося в защите, что актуализирует ее материнское отношение. Болезненное состояние Гены вызывает у нее стремление заботиться о нем как о ребенке, а само обращение выполняет функцию эмоционального утешения.

Данный пример показывает, каким образом в интимных ситуациях женщины выражают заботу и сострадание посредством экспрессивных обращений, сочетающих ласковую номинацию и метафорическое переосмысление адресата.

Рассмотрим еще один фрагмент:

— Какой еще Флотов, какой еще Пароходов... Ты с ума сошел... Ты мой самый настоящий, самый любимый **слон, папка, дурак старый**... Мы с тобой похожи ужасно, ты мое самое во мне лучшее... Прости, что я вас бросила... я люблю тебя ужасно и маму люблю. Я только жить с вами не могу... **Папка**, я беременна, я рожу скоро тебе внука... Здорово, да? (*Казус Кукоцкого*, с. 207–208)

Словосочетание *старый дурак* в нейтральной коммуникативной ситуации может восприниматься как грубое или уничижительное. Однако в данном контексте оно приобретает иронично-ласкательный характер и функционирует как средство эмоционального сближения. Таня использует его не для оскорбления, а как форму доверительного, почти игрового обращения, позволяющую снизить напряжение и выразить нежную привязанность к приемному отцу.

Ласковые прозвища *слон* и *папка* подчеркивают исключительную близость их отношений. Они акцентируют признание отцовской роли Павла в жизни Тани и ее искреннюю эмоциональную зависимость от него. В данном фрагменте героиня открыто выражает свои чувства, сообщая о беременности и будущем рождении внука. Ее речь представляет собой эмоционально насыщенный поток, в котором переплетаются признание, раскаяние, радость и надежда.

Таким образом, в анализируемых фрагментах экспрессивные обращения выступают важным средством вербализации сложных эмоциональных состояний. В речи женских персонажей они позволяют соединить ласку, иронию и признание

в едином коммуникативном акте, что характерно для близких семейных отношений и подчеркивает их психологическую глубину и эмоциональную многослойность.

Женские обращения в произведениях Л. Улицкой отличаются высокой эмоциональной насыщенностью и разнообразием. Они отражают не только степень близости между персонажами, но и тонкие оттенки их чувств, а также специфику межличностных отношений.

— **Дружочек мой**, и говорить об этом нечего! (*Искренне ваш Шурик*, с. 224)

Лексема *дружочек* представляет собой уменьшительно-ласкательную форму от слова *друг*, восходящего, в свою очередь, к существительному *друг*. В словарях слово *друг* фиксируется в нескольких значениях, среди которых для данного контекста релевантными являются: ‘тот, кто тесно связан с кем-либо дружбой’; ‘близкий, любимый человек’; а также разговорное употребление в функции дружеского обращения³⁷.

В анализируемом фрагменте Матильда, любовница Шурика, использует обращение *дружочек* как средство выражения нежности и эмоциональной близости. Их отношения, оставаясь тайными и неоформленными социально, характеризуются особой интимностью и одновременно отсутствием жестких обязательств. Именно эта двойственность находит отражение в выбранной форме обращения: *дружочек* передает ласковое отношение героини, не навязывая при этом статуса или требований, связанных с традиционными моделями партнерских отношений. Используя данное ласковое обращение, Матильда проявляет заботу и эмоциональную деликатность. Лексема *дружочек* функционирует как прагматически нейтральный, но экспрессивно насыщенный инструмент, позволяющий выразить привязанность без давления или упреков. Можно сказать, что это обращение отражает тонкую эмоциональную организацию героини и ее способность удерживать баланс между близостью и дистанцией в отношениях.

³⁷ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=друг (09.06.2024).

В следующем примере находим лексему *голубчик*³⁸, представляющую собой ласково-фамильярное обращение к мужчине. В речевой практике она может выражать нежность, доброжелательность, мягкое уважение или заботу, в зависимости от коммуникативной ситуации:

— А вы, Медея Георгиевна, говорят, всю зиму купаетесь?

— Нет, **голубчик**, уж лет двадцать, как не купаюсь. (*Медея и ее дети*, с. 42)

Медея обращается к гостю своего сына, с которым ее связывает лишь поверхностное, эпизодическое знакомство. Использование обращения *голубчик* в данном контексте не предполагает интимной близости, однако выполняет важную прагматическую функцию: оно смягчает общение, снижает социальную дистанцию и создает атмосферу доброжелательности. В речи Медеи это обращение выступает маркером мягкого, ненавязчивого участия и внимательного отношения к собеседнику.

Таким образом, *голубчик* функционирует как средство установления комфортного эмоционального контакта, позволяя выразить расположение и уважение без перехода к фамильярности. Данный пример подтверждает, что женские персонажи в прозе Улицкой склонны использовать экспрессивные, но умеренные по интенсивности формы обращения для поддержания гармоничного и доверительного общения даже в ситуациях ограниченного знакомства.

Приведенные примеры подчеркивают тонкую эмоциональную чувствительность и коммуникативную гибкость женских персонажей Улицкой, а также их умение использовать языковые средства для установления, регулирования и поддержания межличностных отношений.

В следующей реплике персонажа встречается обращение *солнышко мое*:

— Тетя! **Солнышко мое**! Как я соскучилась! Какая ты красавица! И пахнешь шалфеем! — целовала ее высокая рыжая Ника, [...] (*Медея и ее дети*, с. 23)

³⁸ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=голубчик (09.06.2024).

Лексема *солнышко* представляет собой уменьшительно-ласкательную форму от слова *солнце* и в словарях определяется как ‘ласковое обращение к дорогому, любимому человеку, обычно в сочетании со словом *мое*’³⁹. В анализируемом фрагменте обращение *солнышко мое* подчеркивает искреннюю любовь, восхищение и глубокую привязанность Ники к тете Медее. Для героини Медея выступает символом тепла, света и жизненной опоры, что актуализируется через метафорическое сопоставление с солнцем. Выразительность обращения усиливается сопутствующими комплиментами и телесным контактом (поцелуи), что придает данной сцене особую эмоциональную насыщенность. Ника открыто выражает свои чувства, не скрывая их даже в присутствии других людей, что свидетельствует о высокой степени доверия и значимости Медеи в ее жизни. Таким образом, обращение *солнышко мое* выполняет не только экспрессивную, но и оценочную функцию, закрепляя образ адресата как источника вдохновения и эмоциональной поддержки.

Рассмотрим еще один фрагмент:

— Ничка, **солнышко мое**, но как же мне быть? Я должна к этому привыкнуть, что ли? Я сама не понимаю, почему так больно. Когда я эту косынку вытащила, я чуть не умерла. — И снова встрепенулась: — Нет-нет, невозможно!

— **Ангел мой**, — остановила ее Ника. — А тебе не кажется? Каждый случай единственный, поверь моему слову. Бутонов отличный любовник, и это измеряется сантиметрами, минутами, часами, количеством гормонов в крови. Это же просто параметры! У него хорошие данные — и все! Алик твой замечательный человек, умный, талантливый, Бутонов ему в подметки не годится, но Алик тебя просто недо... (*Медея и ее дети*, с. 131)

Слово *ангел* в словарях определяется как ‘сверхъестественное существо, посланник Бога’, а в переносном значении — как ‘воплощение доброты, чистоты, нравственного идеала’; кроме того, оно фиксируется как устаревшее ласковое обращение к близкому человеку⁴⁰. В форме обращения *ангел мой* Ника

³⁹ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=Солнышко (12.06.2024).

⁴⁰ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=ангел (16.03.2024).

подчеркивает ранимость, эмоциональную незащищенность Маши и одновременно выражает поддержку и сочувствие⁴¹. Данная номинация выполняет функцию утешения и моральной опоры, актуализируя доверительный характер их общения.

Уменьшительно-ласкательная форма имени *Ничка*, а также повторяющееся обращение *солнышко мое* усиливают интимность диалога и подчеркивают эмоциональную близость между героинями. В этом фрагменте Ника выступает в роли утешителя и советчика, а экспрессивные обращения помогают создать атмосферу безопасности, принятия и искреннего участия.

Подытоживая, можно сказать, что женские обращения в прозе Л. Улицкой служат важным средством выражения эмоциональной близости и поддержки. Они насыщены теплотой, искренностью и образностью, часто сочетаются с комплиментами и невербальными элементами и позволяют тонко передать глубину межличностных связей между персонажами.

Рассмотрим еще пример из романа *Медея и ее дети*:

Она остановилась, сняла с плеч Лизу и сказала ей тихо:

— Лизик, иди сама, мне как-то нехорошо стало...

Лиза посмотрела на нее умными глазами:

— Хочешь, я сумку твою возьму?

— Ах ты, **лапка моя хорошая!** — обрадовалась Маша такой неожиданной доброте в избалованной девочке. — Я, когда устану, тебя попрошу, хорошо? (*Медея и ее дети*, с. 38)

Лексема *лапка* в русском языке является многозначной. В толковых словарях она фиксируется, в частности, как уменьшительно-ласкательное обозначение лапы животного, а также как наименование отдельных объектов в ботанике⁴². Однако в разговорной речи слово *лапка* нередко функционирует и как ласковое обращение к человеку, прежде всего к ребенку.

⁴¹ А.И. Федоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Москва 2008, <https://udarenieru.ru/index.php?idiom=ангел мой> (16.03.2024).

⁴² *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=лапка (15.03.2024).

В данном контексте обращение *лапка моя хорошая* утрачивает предметное значение и реализуется в прагматической функции эмоционально окрашенного обращения. Оно выражает положительную оценку и передает нежное, заботливое отношение матери к дочери. Реплика Маши представляет собой реакцию на неожиданное проявление внимания со стороны Лизы: несмотря на детский возраст и подчеркнутую в тексте избалованность, девочка предлагает помощь, что воспринимается матерью как трогательный жест.

Таким образом, данное обращение выполняет сразу несколько коммуникативных функций: оценочную, поскольку содержит одобрение и похвалу; экспрессивную, передавая эмоциональную реакцию Маши; контактоустанавливающую, усиливая близость между матерью и дочерью.

Анализируемый здесь пример показывает также особенность женских речевых взаимодействий в прозе Л. Улицкой: открытое выражение нежности и положительной оценки в адрес близких. Ласковые обращения и похвала выступают здесь важным средством конструирования теплых, доверительных отношений между персонажами и подчеркивают эмоциональную насыщенность внутрисемейного общения. В индивидуальном лексиконе женских персонажей нередко преобладают лексемы с семантикой положительной оценки, ориентированные на выражение межличностных отношений и эмоциональной близости. В текстах женской прозы, в том числе у Л. Улицкой, особое место занимают номинации и обращения, связанные с чувствами, которые репрезентируются как значимые, интенсивные и вовлекающие субъекта в переживание. Это находит отражение прежде всего в речевом поведении персонажей, а не в их психологической характеристике как таковой⁴³.

В отличие от этого, мужские персонажи в произведениях Л. Улицкой, как правило, используют обращения к женщинам в более сдержанной и устойчивой форме. Такие обращения сохраняют вежливость и уважительную дистанцию, хотя в определенных контекстах также могут передавать эмоциональную близость.

Рассмотрим следующий пример из романа *Казус Кукоцкого*:

⁴³ З.Р. Хачмафова, *Индивидуальная лексическая система женского персонажа как средство экспликации женской языковой личности в художественном тексте*, «Научная мысль Кавказа» 2010, № 2 (62), с. 111–116.

— Собирайся-ка, **душа моя**, съездим на дачу... (Казус Кукоцкого, с. 39)

Согласно данным толковых словарей русского языка, выражение *душа моя* относится к числу традиционных ласковых и вежливых обращений, восходящих к разговорной речи и сохраняющих оттенок теплоты и уважения⁴⁴. В данном случае Павел использует устойчивую формулу обращения по отношению к своей жене Елене. Это подчеркивает близость супругов, однако форма выражения эмоций остается сдержанной.

Таким образом, обращение *душа моя* выполняет функцию поддержания гармоничного и доверительного общения, не выходя за рамки привычных речевых клише. Оно отражает стабильность коммуникативной модели и умеренность в проявлении чувств со стороны мужского персонажа.

Сходную функцию выполняет обращение в следующем примере:

Как-то, допив в процессе двухчасового монолога бутылку водки, Павел Алексеевич заметил, что Василиса не притронулась к сваренному им собственноручно кофе.

— Василиса, **голубушка**, что же вы кофе не выпили? Уж не отравы ли боитесь? — пошутил он.

— А хотя бы и так, — буркнула Василиса. (Казус Кукоцкого, с. 77)

Лексема *голубушка* представляет собой разговорное ласковое обращение, образованное от существительного *голубка*, и традиционно используется для выражения доброжелательности и расположения к собеседнице⁴⁵. В данном контексте Павел Алексеевич обращается к Василисе в ситуации напряженного общения, обусловленного их мировоззренческим конфликтом.

Сочетание формы обращения на *вы* с ласковым словом *голубушка* свидетельствует о попытке говорящего смягчить коммуникативное напряжение и сохранить уважительный тон. Однако реакция Василисы показывает, что данная стратегия оказывается неэффективной: обращение не приводит к восстановлению

⁴⁴ А.И. Федоров, *Фразеологический словарь...*, <https://udarenieru.ru/index.php?idiom=душа%20моя> (15.06.2024).

⁴⁵ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=голубушка (15.03.2024).

эмоционального контакта и подчеркивает существующую дистанцию между персонажами.

Таким образом, мужские обращения в прозе Л. Улицкой часто выполняют функцию регулирования межличностной дистанции и сглаживания конфликтных ситуаций. Использование устойчивых ласковых формул, таких как *душа моя* и *голубушка*, способствует созданию внешне доброжелательной атмосферы, однако не всегда гарантирует реальную эмоциональную близость между участниками общения. Мужчины в прозе Л. Улицкой используют обращения данного типа как инструмент поддержания и выстраивания отношений с женщинами. Подобные обращения сочетают в себе уважение, сдержанность и стремление проявить заботу, особенно в рамках семейных и родительских взаимодействий.

Проанализируем следующие примеры:

(1) Он притянул ее голову, погладил:

— Ты что, **малыш**, хочешь мир изменить? Это уже было...

— Папа, ты ничего не понимаешь! — выкрикнула она ему в грудь.

И убежала, оставив Павла Алексеевича в огорчении: девочке двадцать лет, а поведение подростковое... (*Казус Кукоцкого*, с. 166)

(2) Он гладил стриженую головку, плечи, рука удивлялась ее худобе и пальцы наслаждались от прикосновения к острым лопаточкам...

— **Малышка моя дорогая, глупая**, — шептал он. (*Казус Кукоцкого*, с. 226)

В приведенных примерах лексема *малыш* и ее производные играют важную роль в раскрытии отношений между Павлом Алексеевичем и его дочерью Таней, а также позволяют проследить эмоциональную динамику их общения.

Согласно данным толковых словарей русского языка, слово *малыш* имеет следующие значения: 1. ‘ребенок (обычно о маленьком мальчике)’; 2. ‘детеныш животного’; в переносном употреблении — ‘человек маленького роста’⁴⁶.

⁴⁶ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=малыш (18.06.2024).

Лексема *малышка* определяется как разговорная форма со значением ‘то же, что *малыш*’, чаще употребляемая по отношению к девочке⁴⁷.

Использование лексемы *малыш* в первом примере имеет символическое значение. Это слово, традиционно связанное с детством, подчеркнуто универсально: оно не привязано к гендеру, что позволяет Павлу Алексеевичу выразить свою любовь и защиту к дочери на уровне, где пол не имеет значения. Это усиливает ощущение глубокой родительской привязанности и безусловного одобрения.

В первом примере обращение *малыш* используется по отношению к взрослой дочери, что свидетельствует о переносе номинации из детской сферы во взрослый контекст. Такое употребление не связано с указанием на возраст или социальный статус адресата, а выполняет прежде всего эмоционально-оценочную функцию, выражая заботу и родительскую привязанность. Универсальность данной лексемы, не маркированной по гендеру, позволяет говорящему сохранить образ дочери в пространстве родительского восприятия, независимо от ее фактической взрослости.

Во втором примере обращение *малышка моя дорогая, глупая* усиливает интимность ситуации и эмоциональную насыщенность высказывания. Ласковая номинация сочетается с оценочными прилагательными, что передает сложное эмоциональное состояние персонажа — одновременно нежность, тревогу и беспокойство. Здесь обращение функционирует как средство эмоционального контакта и невербального сопровождения заботы, подкрепленной тактильным взаимодействием.

Таким образом, использование лексем *малыш* и *малышка* в речи Павла Алексеевича позволяет автору передать специфику родительской коммуникации, в которой возрастные и социальные границы отступают перед устойчивым эмоциональным сценарием. Через подобные обращения в тексте конструируется образ родительской любви как постоянной и не зависящей от изменений жизненного статуса ребенка, что становится одной из ключевых характеристик отношений между персонажами.

⁴⁷ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=малышка (18.06.2024).

Следующий пример раскрывает особенности мужской эмоциональной реакции, связанные с сочувствием и заботой. Использование обращения *бедняжка* в данном контексте подчеркивает эмпатическое отношение персонажа и его готовность поддержать женщину, оказавшуюся в трудной ситуации:

Он погладил ее по волосам. Они уже не были скелоты на макушке грубой красной заколкой, рассыпались густо и мягко. Он поцеловал ее в макушку:

— **Бедняжка...** (*Искренне ваш Шурик*, с. 255)

Лексема *бедняжка* в русском языке представляет собой разговорное оценочное обращение, выражающее сочувствие, жалость и участие⁴⁸. В словарях она фиксируется как форма, используемая для обозначения человека, вызывающего сострадание, при этом семантика слова включает мягкость и утешительный оттенок. В данном эпизоде обращение *бедняжка* функционирует как вербальное средство выражения эмпатии и эмоциональной поддержки. Оно не содержит фамильярности или иронии, а, напротив, усиливает интонацию сочувствия и заботы. Употребляя это слово, Шурик показывает свое участие в переживаниях женщины и стремление установить с ней эмоциональный контакт.

Особое значение в данном контексте имеют и невербальные компоненты коммуникации: поглаживание волос и поцелуй в макушку. Эти действия выступают как маркеры утешения и поддержки, дополняя вербальное обращение и усиливая его прагматический эффект. Совмещение вербальных и невербальных средств позволяет говорить о комплексной стратегии утешения, направленной на снижение эмоционального напряжения адресата.

Важно отметить, что обращение *бедняжка* не является гендерно маркированным и может употребляться по отношению к лицам любого пола. Однако в данном контексте оно используется в отношении женщины, что акцентирует внимание на ее уязвимом положении и на реакции героя, основанной

⁴⁸ 'Разг. ласк. к бедняга': *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=бедняжка (15.03.2024); *бедняга* — 'разг. несчастный, вызывающий сожаление и сочувствие человек': там же, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=бедняга (15.03.2024).

на сочувствии и внимании к чужому переживанию. Этот пример показывает, что мужская речь в прозе Л. Улицкой может включать мягкие, эмпатические формы обращения, направленные не на доминирование, а на эмоциональную поддержку и установление доверительного контакта.

Как вытекает из анализа материала, в прозе Людмила Улицкая представлены различные типы обращений, которые выполняют важную текстообразующую и характерологическую функцию. Обращения используются не только для организации диалога, но и для раскрытия эмоционального состояния персонажей, динамики их взаимоотношений и коммуникативных стратегий.

Местоименные обращения, а также формы с указанием профессии, социального статуса или звания употребимы как в мужской, так и в женской речи. Эти единицы носят преимущественно нейтральный характер и служат поддержанию социального и коммуникативного контекста. Они позволяют обозначить статус адресата, его роль или функциональную принадлежность в конкретной ситуации, при этом не являясь гендерно специфичными.

В то же время анализ художественных диалогов показывает различия в прагматике использования обращений. Для женских персонажей чаще характерна вариативность адресных форм. Они адаптируются ими по ходу изменения эмоционального состояния и развития отношений. Переход от официальных или нейтральных форм к уменьшительно-ласкательным или фамильярным обращениям отражает динамику чувств и способствует более тонкой передаче внутреннего мира героинь.

Мужские персонажи, напротив, чаще сохраняют стабильность в выборе форм обращения. Такая устойчивость проявляется в использовании ограниченного набора обращений и свидетельствует о предпочтении более сдержанных и предсказуемых коммуникативных моделей. Вместе с тем и в мужской речи обращения могут выполнять важную эмоционально-прагматическую функцию, особенно в ситуациях заботы, утешения или поддержки.

Таким образом, обращения в прозе Л. Улицкой выступают как эффективное литературное средство моделирования межличностных отношений

и эмоциональных связей между персонажами. Различия в их использовании не носят абсолютного характера, однако позволяют выявить устойчивые коммуникативные тенденции, формирующие многослойную и убедительную картину человеческого взаимодействия в художественном тексте.

3.2.2. Приветствие

Приветствие представляет собой коммуникативный акт, реализуемый при встрече участников общения и служащий выражению расположения, признания и готовности к взаимодействию. Формы приветствия варьируются в зависимости от культурных норм, социальной ситуации и характера отношений между собеседниками и могут включать вербальные средства, жесты, а также элементы физического контакта (например, рукопожатие или объятие).

В русском языке приветствие реализуется посредством таких языковых форм, как *здравствуйте, добрый день, привет* и др. Выполняя важную прагматическую функцию, приветствие способствует установлению и поддержанию межличностных отношений, задает рамки общения и актуализирует модель вежливости, принятую в конкретном социокультурном контексте. Отсутствие приветствия может восприниматься участником коммуникации как проявление недоброжелательного или неуважительного отношения.

Как отмечает Виктор Леонтьев,

приветствие не только снимает потенциальную враждебность в ситуациях, где предполагается вербальная коммуникация. Приветствие служит сигналом социальной солидарности коммуникантов и показывает им, какую социальную роль они отводят друг другу⁴⁹.

Приветствие является одним из наиболее распространенных речевых актов в межличностной коммуникации. Оно может отражать уровень коммуникативной

⁴⁹ В.В. Леонтьев, *Комплименты как компоненты формул приветствия и благодарности (на материале английского языка)*, «Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание» 2006, № 5, с.132–137.

компетенции говорящего, особенности его личности, социальный статус, а также характер и степень социальной дистанции между участниками общения. В рамках русского речевого этикета нормативным считается ответ на приветствие ответным приветствием, что подтверждает его ритуализованный и взаимный характер⁵⁰.

Исследования, посвященные речевому этикету в различных языках и культурах, показывают, что способы выражения приветствий во многом обнаруживают структурное сходство. Так, в англоязычной коммуникативной традиции в структуре приветствия нередко выделяются три компонента: собственно приветствие (*Hi, Good morning* и др.), обращение (*Mr. Potter, dear, Larry* и т.п., в зависимости от характера отношений между коммуникантами) и элемент *small talk* (например, разговоры о погоде). Использование всех этих трех компонентов является опциональным, при этом наиболее типичным считается употребление базовой формулы приветствия⁵¹.

Сопоставительный анализ позволяет утверждать, что приветствия в русском языке также могут включать сходные структурные элементы, однако их реализация определяется нормами национального речевого этикета и конкретной коммуникативной ситуацией.

В соответствии с функцией и семантикой приветствия Инна Пахомова предлагает классификацию, включающую семь типов: 1) общее приветствие, 2) приветствие с разговорными оттенками, 3) косвенное приветствие, 4) приветствие с оттенками возвышенности, 5) специальное приветствие, 6) отзывчивое приветствие, 7) приветствие с выражением счастья или удивления⁵². Данная типология служит теоретической основой для анализа приветственных форм в эмпирическом материале настоящего исследования.

Предметом нашего анализа являются приветственные формулы, зафиксированные в прозе Людмилы Улицкой. В соответствии с принятой в работе классификацией приветствий, опирающейся на типологию И. Пахомовой, в исследуемом материале выделяются следующие типы приветствий.

⁵⁰ О. Anchimiuk, *Речевой этикет в произведениях русской литературы XIX века*, Białystok 2020, с. 82.

⁵¹ И.В. Кожухова, *Речевой акт «приветствие» в английском языке*, «Политическая лингвистика» 2017, № 6, с. 171–175.

⁵² И.Н. Пахомова, *Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации)*, Москва 2008, с. 132–133.

Общее приветствие представляет собой нейтральную приветственную формулу, не предполагающую прямого указания на конкретного адресата и допустимую в широком спектре коммуникативных ситуаций. Данный тип приветствия характеризуется универсальностью употребления и функциональной нейтральностью, что делает его приемлемым как в формальном, так и в неформальном общении.

К общим приветственным формулам в русском языке относятся, в частности, *здравствуйте!*, *привет!*, *добрый день!* и др. Эти формы не требуют предварительного знакомства с адресатом и не предполагают уточнения коммуникативного контекста.

В анализируемом художественном материале общие приветствия используются в ситуациях повседневного общения, при обращении к незнакомым лицам, в институциональных и официальных контекстах, а также в неформальном взаимодействии между персонажами. Их функция заключается в инициации контакта и актуализации нормативной модели вежливого речевого поведения без дополнительной маркировки социальной дистанции.

В прозе Людмилы Улицкой наиболее частотной в функции общего приветствия используется форма *здравствуй(те)*. В анализируемом материале она зафиксирована восемь раз, при этом мужчины употребляют данную форму дважды, тогда как женщины — шесть раз.

Проиллюстрируем это следующими примерами:

- Павел Алексеевич, я заждаюсь вас. Сижу, сижу, а вы все не идете, — обрадовалась Василиса. Они уже поравнялись, и он обнял ее:
- **Здравствуй**, Василиса, голубушка. (*Казус Кукоцкого*, с. 157)

В приведенном фрагменте форма общего приветствия употребляется в ситуации близкого знакомства между персонажами при наличии статусной асимметрии. На это указывает обращение женщины к мужчине с использованием имени и отчества, что соответствует нормативной модели вежливого речевого поведения. В ответной реплике мужчина использует форму *здравствуй*, за которой

следует имя без отчества и ласкательное обращение *голубушка*. Данная лексема относится к разговорным и фамильярным формам обращения и маркирует как эмоциональную близость, так и несимметричность коммуникативных ролей участников диалога.

Ниже рассмотрим пример употребления формы *здравствуйте*, реализуемой в речи женского персонажа:

Женина внутренняя улыбка чуть отразилась на губах:

— **Здравствуйте**, Михаил Федорович.

Пока служил в армии, он приветствовал первым старших по чину. Теперь, на гражданке, когда подполковников вокруг не было, он сам прихотливо выбирал, с кем ему положено здороваться первым: с директором, заместителем по хозяйственной части (по научной — тот сам первый здоровался), с заведующим поликлиникой, к которой был прикреплен...

Михаил Федорович кивнул с достоинством:

— Здрсс...

Без имени. [...] (*Казус Кукоцкого*, с. 260)

В данном фрагменте форма общего приветствия *здравствуйте* употребляется в ситуации официально-нейтрального общения между знакомыми, но социально и коммуникативно дистанцированными собеседниками⁵³. Женский персонаж использует нормативную вежливую формулу в сочетании с именем и отчеством, что указывает на признание институционального и социального авторитета адресата. Ответная реплика мужского персонажа характеризуется редуцированной разговорной формой *здрсс*, лишенной обращения по имени. Такая форма приветствия носит неофициальный и бытовой характер, одновременно отражает также асимметрию коммуникативных ролей: в речевом поведении мужского персонажа проявляется большая вариативность в реализации вежливости, тогда как женщина придерживается нормативной модели речевого этикета. Данный контраст подчеркивает различия в статусе, возрасте

⁵³ И.В. Кожухова, *Речевой акт «приветствие»...*, с. 171–175.

и социальном опыте персонажей.

В прозе Людмилы Улицкой зафиксированы также приветствия с разговорными оттенками, отличающиеся более неформальным характером и употребляемые преимущественно в повседневном общении между знакомыми, друзьями или коллегами. Подобные формы актуализируют модель непринужденного взаимодействия и маркируют близость собеседников.

Типичным примером разговорного приветствия является форма *привет*. В романе *Искренне ваш Шурик* данная лексема встречается шесть раз, при этом ее употребление распределяется равномерно между мужскими и женскими персонажами (по три случая).

Приведем пример приветственной реплики, произнесенной персонажем мужского пола:

Шурик открыл дверь именно в этот момент, и ему показалось, что Валерия ему что-то говорит.

— **Привет**, Лерик! — бодро произнес Шурик, но Валерия ему ничего не ответила. Она смотрела в его сторону расширенными глазами, а малиново-розовые губы сложены были небольшой буквой «О». (*Искренне ваш Шурик*, с. 373)

В данном фрагменте разговорная форма приветствия *привет* сочетается с диминутивной формой имени собственного (*Лерик*), что указывает на близкие и неофициальные отношения между персонажами. Наречие *бодро*⁵⁴ выполняет функцию дополнительного прагматического маркера, усиливающего экспрессивную окраску высказывания. При этом эмоциональное состояние говорящего выражается не посредством развернутых вербальных средств, а за счет минималистичной, но экспрессивно насыщенной комбинации приветственной формулы, интонации и формы имени адресата.

Рассмотрим следующий пример употребления разговорной формы приветствия *привет* в речи женского персонажа:

⁵⁴ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=бодрый (19.04.2024).

— Шурик! **Привет!**

Он сразу узнал этот голос. Уши узнали еще до головы, и сердце узнало, и он вспыхнул от радости:

— Лилька! Ты? Ты помнишь? Ты меня помнишь? (*Искренне ваш Шурик*, с. 387)

В приведенном фрагменте *привет* используется в ситуации тесного межличностного общения и сопровождается употреблением диминутивных форм имен собственных (*Шурик, Лилька*). Эти языковые средства выступают маркерами эмоциональной близости и неофициального характера коммуникации⁵⁵. В отличие от предыдущего примера, где разговорная форма приветствия сочеталась с ограниченной вербальной экспрессией, здесь приветственная реплика является началом развернутого эмоционального взаимодействия. В связи с этим форму *привет* можно охарактеризовать как прагматически вариативную, причем ее реализация определяется конкретной коммуникативной ситуацией и характером межличностных отношений.

Следующим типом приветствия является косвенное приветствие, которое реализуется в ситуации, когда говорящий не обращается непосредственно к адресату, а передает привет третьему лицу, знакомому обоим участникам коммуникации. К числу типичных форм косвенного приветствия относятся выражения *мой привет, привет (тебе) от (кого-л.)* и др.

В анализируемом корпусе прозы Людмилы Улицкой косвенное приветствие зафиксировано три раза: один раз в речи мужского персонажа и дважды — в речи женских персонажей. Во всех случаях данная форма употребляется в неформальной и непринужденной коммуникативной обстановке, ср.:

— Ладно, ладно, — простил его Михаил Абрамович. — Если в следующий раз ты зайдешь и меня не застанешь, одно из двух: или я уже умер, или я пошел сдаваться в больницу. Решил, что пойду в районную, как все советские люди ходят... **И Вере Александровне мой сердечный привет.** Я, честно скажу, очень по ней скучаю... (*Искренне ваш Шурик*, с. 295)

⁵⁵ И.В. Кожухова, *Речевой акт «приветствие»...*, с. 171–175.

В этом контексте Михаил Абрамович передает привет через посредника (Шурика), что свидетельствует о непрямом выражении эмоций. Сочетание слов *сердечный привет* усиливает эмоциональность, но при этом сохраняет вежливую и сдержанную форму. Далее фраза *Я... очень по ней скучаю* усиливает значение приветствия. Таким образом, косвенное приветствие служит выражением скрытой эмоциональности, поддержанием личной связи и демонстрацией сдержанной мужской речевой стратегии.

— Вот об этом и поговорим, когда я приеду. Билетов у меня пока еще нет. Как приеду, сразу позвоню. Ну, пока. **И маме привет, если она меня помнит.** — И Стомба неопределенно хмыкнула. (*Искренне ваш Шурик*, с. 300)

В данном примере косвенное приветствие функционирует как элемент завершения диалога и одновременно как средство поддержания опосредованной социальной связи через третье лицо.

Через несколько дней трубку поднял Шурик, и она сказала легким и веселым голосом, как будто это была не она, а совсем другая девушка:

— Здравствуйте, Шурик! **Вам привет от мамонта**, зуб которого причинил вам неприятность!

И Шурик сразу же вспомнил злополучного мамонта — ноготь на большом пальце сходил больше трех месяцев, и забыть это было трудно. ... (*Искренне ваш Шурик*, с. 310)

Здесь косвенное приветствие приобретает игровую и ироническую окраску, сочетаясь с развернутым пояснением и выступая средством актуализации общего коммуникативного опыта собеседников.

Анализ материала показывает, что такие типы приветствий, как общее приветствие, приветствие с разговорным оттенком и косвенное приветствие, характеризуются функциональной универсальностью и употребляются как мужскими, так и женскими персонажами. Их реализация, однако, не является единственным показателем характера межличностных отношений.

Существенную роль в маркировании степени близости и социальной дистанции играют формы, сопровождающие приветствие, в частности формы собственных имен, а также уменьшительно-ласкательные и экспрессивные модификации лексем.

В нашем корпусе не зафиксированы приветствия с оттенками возвышенности, специальные и отзывчивые приветствия. Это, как нам кажется, свидетельствует о жанрово-стилистических особенностях художественного мира Л. Улицкой и преобладании нейтральных и разговорных моделей речевого этикета. В связи с этим дальнейшее рассмотрение сосредоточено на приветствиях с выражением счастья или удивления, которые, согласно результатам количественного анализа, встречаются в материале наиболее часто. Данный тип приветствий представляет особый интерес для исследования, поскольку характеризуется повышенной экспрессивностью и позволяет выявить особенности прагматической организации приветственного акта в зависимости от коммуникативной ситуации и речевого поведения персонажей.

Приветствия с выражением счастья или удивления выходят за рамки стандартных формул речевого этикета. Они могут включать восклицательные конструкции, оценочную лексику, а также элементы паралингвистического описания, что усиливает их эмоционально-прагматический потенциал.

В анализируемых произведениях Улицкой данный тип приветствий преимущественно встречается в речи женских персонажей, что подтверждается количественными наблюдениями материала.

Вера Александровна ахнула:

— Фаина Ивановна! **Вот сюрприз!**

Фаина Ивановна уже сбрасывала на Шуриковы руки тяжеленную шубу, выпрастывала из распертых сапог огромные ступни и поправляла липкие от лака волосы:

— Вот такой вам сюрприз! Принимайте гостя! (*Искренне ваш Шурик*, с. 219)

В данном фрагменте приветственный акт реализуется с помощью экспрессивной реплики *Вот сюрприз!*, которая функционирует как маркер

спонтанной эмоциональной реакции. Одновременное использование имени и отчества адресата указывает на сохранение нормативной формы обращения, тогда как экспрессивная конструкция вносит разговорно-оценочный оттенок. Таким образом, в высказывании сочетаются элементы этикетной регуляции и индивидуально окрашенной эмоциональной реакции.

Лексема *сюрприз* в данном контексте обладает прагматической амбивалентностью: ее интерпретация определяется не только формой высказывания, но и более широким коммуникативным контекстом.

Дополнительным маркером экспрессии выступает глагол *ахнуть*⁵⁶, который обозначает реакцию на неожиданное событие и не относится к определенному типу испытываемой эмоции. Использование этого глагола в структуре приветственного акта усиливает его экспрессивный характер.

Таким образом, эмоциональность приветствия реализуется посредством языковых средств и их контекстуального окружения, а не через однозначное обозначение или оценку эмоционального состояния говорящего.

Подобные примеры приветствий с выражением радости и эмоциональной вовлеченности встречаются также в рассказе *Цю-юрихь*:

— Эмилия Карловна, **как я рада вас видеть...** Вы все красавица... **Чувствуете-то ничего?** А у Мартика моего тоже ведь инсульт, семь лет уже. Но он сейчас получше, ходит. Раньше тоже все в кресле сидел. А теперь ходит, и собачку я ему купила...
(*Цю-юрихь*, с. 18)

В приведенном фрагменте средством выражения приветствия служит экспрессивная формула *Как я рада вас видеть*, которая выполняет функцию установления эмоционального контакта и актуализации положительной коммуникативной тональности. Использование имени и отчества (*Эмилия Карловна*) соответствует нормативной модели вежливого обращения и маркирует уважительное отношение говорящего к адресату.

Дополнительным прагматическим элементом приветствия выступает

⁵⁶ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=ахнуть (10.04.2024).

вопросительное предложение *Чувствуете-то ничего?*, которое расширяет структуру приветственного акта и выполняет фатическую и эмпатийную функцию, направленную на поддержание контакта и выражение участия. Таким образом, приветствие в данном примере не ограничивается стандартной формулой, а разворачивается в комплексное коммуникативное действие, сочетающее элементы приветствия, обращения и заботливо-оценочного комментария.

В отличие от ранее рассмотренных примеров, нижеследующий фрагмент характеризуется высокой степенью экспрессивной насыщенности приветственного акта, которая достигается с помощью различных вербальных и контекстуально описанных невербальных средств:

Маша постучала в хозяйскую дверь, вошла. Ада в позе мадам Рекамье с вываливающимися розовыми грудями полулежала у телевизора.

— Ой, Маш, ты, что ли? Заходи. **Тебя что-то не видно.** Ника заходила, а ты гордая... **Ой, а тощая какая!** — неодобрительно заметила Ада.

— Да я всегда такая, сорок восемь килограммов...

— ...костей, — фыркнула Ада. (*Медея и ее дети*, с. 109)

В данном фрагменте приветственный акт представлен в форме развернутого разговорного высказывания, включающего модальную частицу *ой*, уменьшительную форму имени (*Маш*), а также серию оценочных и восклицательных реплик.

Частица *ой* функционирует как прагматический маркер неожиданности и эмоциональной реакции на появление адресата, усиливая экспрессивный характер приветствия. Уменьшительная форма имени собственного (*Маш*) указывает на неофициальный характер общения и высокий уровень межличностной близости между персонажами. В свою очередь, реплика *Тебя что-то не видно* выполняет фатическую функцию и служит средством инициации контакта без использования стандартной формулы приветствия. Экспрессивность приветственного акта дополнительно усиливается восклицательной конструкцией *Ой, а тощая какая!*, а также авторскими ремарками (*неодобрительно, фыркнула*), которые описывают паралингвистические компоненты речевого поведения.

Лексемы *неодобрительно*⁵⁷ и *фыркнуть*⁵⁸, согласно словарным данным, маркируют оценочное и эмоционально окрашенное отношение говорящего, что позволяет трактовать данное приветствие как экспрессивно-оценочное и конфликтно-потенциальное.

Таким образом, в данном примере приветственный акт выходит за рамки нейтрального установления контакта и трансформируется в сложное коммуникативное действие, сочетающее элементы приветствия, оценки и эмоциональной реакции, интерпретация которых определяется контекстом межличностных отношений персонажей.

В следующем примере приветственный акт характеризуется экспрессивной насыщенностью и реализуется с привлечением как вербальных, так и описанных в тексте паралингвистических (тактильных) средств:

Они вцепились друг в друга — никакого места для обиды не оказалось.

— Папка, это **гениально**, что ты приехал... Какой ты все-таки... Вели, чтобы тебе девочку показали. Как там мама? Что Томка?

Он гладил стриженую головку, плечи, рука удивлялась ее худобе и пальцы наслаждались от прикосновения к острым лопаточкам...

— Малышка моя дорогая, глупая, — шептал он. (*Казус Кукоцкого*, с. 226)

В этом фрагменте обращение *папка*, предшествующее собственно приветственной реплике, выступает как маркер интимно-семейного типа общения. Оно указывает также на высокий уровень эмоциональной и социальной близости между собеседниками. Использование данной формы обращения в речи взрослой женщины подчеркивает неформальный характер взаимодействия и отсутствие статусной дистанции.

Экспрессивность приветственного акта усиливается за счет оценочной лексемы *гениально*⁵⁹, обладающей в разговорном употреблении значением

⁵⁷ Толковый словарь Ефремовой, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/195464/Неодобрительно> (10.04.2024).

⁵⁸ Толковый словарь Ушакова, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1079742> (10.04.2024).

⁵⁹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=гениальный (16.04.2024).

высокой положительной оценки. Высказывание *это гениально, что ты приехал* функционирует как средство актуализации значимости события встречи и выражения интенсивной эмоциональной реакции говорящего.

Существенную роль в структуре приветственного акта играют также описанные автором тактильные действия (*вцепились друг в друга, гладил*), которые выполняют паралингвистическую функцию и усиливают эмоционально-прагматический эффект приветствия. Таким образом, приветствие реализуется как комплексное коммуникативное действие, в котором вербальные и невербальные средства взаимно дополняют друг друга.

Сопоставление реплик персонажей показывает различие в способах выражения экспрессии в рамках одной коммуникативной ситуации: развернутая и оценочно насыщенная реплика дочери сопоставлена с более сдержанной формой ответного высказывания отца. Данное различие обусловлено индивидуальными коммуникативными стратегиями персонажей и спецификой художественного контекста.

Подобный тип экспрессивного приветствия представлен также в романе *Медея и ее дети*:

— Тетя! Солнышко мое! **Как я соскучилась!** Какая ты красавица! И пахнешь шалфеем! — целовала ее высокая рыжая Ника, [...] (*Медея и ее дети*, с. 23.)

Здесь приветственный акт реализуется посредством цепочки экспрессивных высказываний, включающих эмоционально окрашенное обращение (*Солнышко мое*), восклицательные конструкции (*Как я соскучилась!*, *Какая ты красавица!*), а также сенсорную характеристику (*И пахнешь шалфеем!*). Совокупность этих средств формирует развернутую и нестандартную структуру приветствия, выходящую за рамки устойчивых формул речевого этикета.

Метафорическое обращение *Солнышко мое* выполняет функцию усиления эмоциональной близости и актуализации интимно-семейного типа общения. Восклицательное предложение *Как я соскучилась!* служит эксплицитным показателем интенсивной эмоциональной реакции и указывает на значимость

момента встречи для говорящего.

В сопоставлении с другими фрагментами произведений данный пример показывает, что приветствия с выражением радости или удивления в прозе Улицкой характеризуются структурной вариативностью, а также отсутствием жестко закрепленных синтаксических моделей и использованием экспрессивных лексико-стилистических средств.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что приветствия в анализируемом художественном материале характеризуются значительной формальной и функциональной вариативностью, а способы их реализации тесно связаны с коммуникативной ситуацией, типом межличностных отношений и степенью эмоциональной вовлеченности персонажей. Наряду с нейтральными и разговорными формами особое место занимают приветствия с повышенной экспрессивностью, которые выходят за рамки устойчивых этикетных формул и разворачиваются в сложные, многоэлементные акты общения.

Проведенный анализ показывает, что экспрессивность приветственного акта формируется за счет взаимодействия лексических, синтаксических и паралингвистических средств, включая оценочную лексику, уменьшительно-ласкательные формы, восклицательные конструкции и описания невербального поведения. При этом сама по себе формула приветствия не является достаточным показателем характера межличностных отношений, которые проявляются лишь в более широком контексте высказывания и сопровождающих его элементов.

3.2.3. Compliment

По мнению Наталии Формановской, комплимент представляет собой выражение одобрения, адресованное внешности, интеллектуальным качествам, поступкам или деятельности человека ⁶⁰. В вербальной коммуникации он функционирует как оценочное высказывание, посредством которого говорящий актуализирует положительные характеристики адресата, выражая тем самым свое

⁶⁰ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 140.

расположение и создавая благоприятный коммуникативный фон. Речевой акт комплимента способствует установлению и поддержанию контакта между собеседниками.

В этом смысле комплимент можно рассматривать как позитивный речевой акт, который в большинстве случаев имеет оценочный характер, поскольку прямо или косвенно выражает похвалу в адрес адресата. В коммуникативной практике комплименты используются для выражения поддержки, смягчения напряженных ситуаций, а также для укрепления и гармонизации межличностных отношений.

В научной литературе выделяется ряд функций комплимента, среди которых наиболее значимыми являются:

- укрепление и гармонизация социальных отношений;
- эмоциональная поддержка адресата в неблагоприятных или напряженных коммуникативных ситуациях;
- суггестивное воздействие, предполагающее приписывание адресату положительных качеств или мягкую коррекцию воспринимаемых недостатков⁶¹;
- доставление адресату коммуникативного удовольствия и поддержание его позитивного самовосприятия⁶²;

⁶¹ J. Manes, *Compliments: A Mirror of Cultural Values*, в: *Sociolinguistics and Language Acquisition*, ред. N. Wolfson, E. Judd, Rowley 1983, с. 96–102. В этой статье анализируется функция комплиментов как отражения культурных ценностей общества. Автор рассматривает комплимент не только как акт вежливости, но и как социокультурный индикатор, показывающий доминирующие нормы, ожидания и идеалы, присущие определенной культуре. На материале американского варианта английского языка Мэйнс выявляет устойчивые формулы комплиментов и подчеркивает, что они преимущественно фокусируются на внешности, одежде и материальных объектах. Автор обращает также внимание на ритуализованный характер комплиментов и их зависимость от гендера, статуса и степени близости между коммуникантами. Таким образом, комплименты выступают не только как элемент речевого этикета, но и как отражение глубинных ценностей и социальных структур. См. также J. Holmes, *Compliments and Compliment Responses in New Zealand English*, «*Anthropological Linguistics*» 1986, т. 28, № 4, с. 485–508. В этой статье, в свою очередь, исследуются прагматические и социолингвистические особенности комплиментов и реакций на них в повседневной коммуникации носителей новозеландского варианта английского языка. Автор выявляет типовые структуры комплиментов, среди которых преобладают высказывания, касающиеся внешнего вида, одежды и достижений собеседника. Особое внимание уделяется стратегиям реагирования на комплименты: от прямого принятия (например, выражение благодарности) до отказа, преуменьшения или перенаправления похвалы. Холмс подчеркивает, что выбор реакций обусловлен культурными и гендерными факторами: женщины чаще склонны к снижению значимости комплимента, тогда как мужчины — к его принятию. Таким образом, комплименты рассматриваются как важный инструмент поддержания социального взаимодействия и выражения вежливости, чутко отражающий нормы и ожидания, присущие конкретному языковому сообществу.

⁶² N. Wolfson, *Compliments in Cross-Cultural Perspective*, «*TESOL Quarterly*» 1981, т. 15, № 2, с. 117–124. В статье Н. Вульфсон рассматриваются комплименты как форма речевого поведения, зависящая от культурных норм и коммуникативных ожиданий. Автор проводит сопоставительный анализ использования

- возможность реконструкции социально-культурных характеристик говорящего (уровня речевой культуры, вкуса, образования) на основании содержания и формы комплимента⁶³.

Следует отметить, что отдельные функции комплимента выходят за рамки его традиционного понимания как акта прямой похвалы. В частности, его суггестивный потенциал и возможное использование в стратегиях межличностного воздействия требуют более подробного прагматического анализа.

С когнитивной точки зрения, по мнению Елены Беляевой-Станден, структура комплимента включает три основных компонента: субъект комплимента (говорящий), объект комплимента (адресат) и предмет комплимента — характеристику или качество, подвергаемое положительной оценке⁶⁴.

Выбор языковых средств реализации комплимента, как подчеркивает исследовательница, определяется прагматическим контекстом, «включающим социальную и психологическую дистанцию между коммуникантами, а также время и место реализации комплимента»⁶⁵. Такой подход позволяет рассматривать комплимент не только как лингвистический, но и как социально и культурно обусловленный коммуникативный феномен⁶⁶.

Говорящий, то есть субъект, реализующий речевой акт комплимента, в большинстве случаев занимает доминирующую позицию в коммуникативном взаимодействии, так как именно он инициирует оценочное высказывание. Его

комплиментов в англоязычных культурах, подчеркивая, что в разных языковых сообществах одни и те же формы могут выполнять разные функции или восприниматься по-разному. Особое внимание уделяется **интерпретации и реакциям на комплименты в межкультурной коммуникации**: то, что в одной культуре воспринимается как искренняя похвала, в другой может расцениваться как ирония, сарказм или даже нарушение дистанции. Вольфсон также указывает на **универсальные формулы комплиментов** в американском английском и отмечает, что они, как правило, фокусируются на внешности, одежде или собственности. Наблюдения автора подчеркивают важность **контекстуальных факторов** (социального статуса, близости, ситуации общения) в интерпретации комплиментов и указывают на необходимость учитывать культурные различия при обучении межкультурной коммуникации.

⁶³ К.О. Цахилова, *Социально-психологические функции комплимента в межличностном общении*, «Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология» 2021, № 4 (1), с. 36–50.

⁶⁴ Е.И. Беляева-Станден, *Гендерные особенности комплимента россиян*, «Вопросы психолингвистики» 2006, № 4, с. 156–157.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См., напр., J. Holmes, M. Stubbe, *Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work*, London 2003. В этой монографии авторы исследуют, как категории власти и вежливости реализуются в профессиональной коммуникации. На основе анализа аутентичных диалогов в учреждениях различного типа (офисы, больницы, государственные организации) показывается, как языковое поведение участников отражает иерархические отношения, социальные роли и институциональные нормы.

коммуникативная цель, как правило, связана с установлением или поддержанием доброжелательных отношений с адресатом. В связи с этим к характерным признакам комплимента относятся эксплицитность, открытость и легко распознаваемая интенция, направленная на выражение положительной оценки.

Говорящий, как правило, стремится сделать данную интенцию максимально очевидной, акцентируя свою доброжелательность и расположение к адресату. В этом смысле комплимент может рассматриваться как одно из средств реализации принципа вежливости в речевом взаимодействии, способствующее поддержанию гармоничных межличностных отношений и благоприятного коммуникативного климата⁶⁷.

Адресат комплимента, в большинстве коммуникативных ситуаций, реагирует на него ответным речевым актом, чаще всего выражением благодарности, что подтверждает кооперативный характер данного типа высказываний⁶⁸.

Объектом комплимента в речевой практике могут выступать различные характеристики адресата, в частности его внешность, элементы внешнего облика (одежда, манера поведения), интеллектуальные способности, личностные и моральные качества, семейная сфера, культурные достижения, уровень образования и иные социально значимые признаки⁶⁹.

В художественном дискурсе Людмилы Улицкой высказывания, содержащие комплименты, целесообразно классифицировать по тематическому признаку. Одним из наиболее репрезентативных типов в анализируемом материале являются комплименты, направленные на оценку внешности персонажей.

1) Комплименты, относящиеся к внешности

Комплименты, относящиеся к внешности, преимущественно адресуются

⁶⁷ См. об этом: Н.И. Формановская, *Речевой этикет...*, с. 140–145.

⁶⁸ См. главу: N. Wolfson, *Rules of Speaking*, в: *Language and Communication*, ред. J. Richards, R. Schmidt, London 1983, с. 61–87. Вульфсон исследует нормы речевого поведения, в том числе правила употребления комплиментов и реакции на них в межкультурной коммуникации.

⁶⁹ J. Holmes, *Compliments and Compliment Responses...*, с. 485–508. Холмс описывает типичные темы комплиментов, включая внешность, интеллект, достижения и пр.

женщинам, особенно женщинам старшего возраста. Похвала, связанная с тем, что внешность женщины остается неизменной, а также акцент на ее молодости или красоте, является распространенным и эффективным способом выражения одобрения. Игнорирование возраста или намек на его «отсутствие» выступает одним из наиболее действенных и социально желательных типов комплимента, поскольку затрагивает чувствительную для адресата сферу самовосприятия и телесной идентичности⁷⁰.

Проиллюстрируем данное наблюдение следующими примерами:

[...] Повязала тюрбаном полотенце и, протерев рукой запотевшее зеркало, велела бабушке посмотреть на себя:

— Видишь, **какая ты красивая**. (*Казус Кукоцкого*, с. 263)

— Тетя! Солнышко мое! Как я соскучилась! **Какая ты красавица!** И пахнешь шалфеем! [...] (*Медея и ее дети*, с. 23)

— Эмилия Карловна, как я рада вас видеть... **Вы все красавица...** Чувствуете-то ничего? А у Мартика моего тоже ведь инсульт, семь лет уже. Но он сейчас получше, ходит. Раньше тоже все в кресле сидел. А теперь ходит, и собачку я ему купила... (*Цю-юрихь*, с. 18)

Все приведенные примеры представляют собой положительные оценочные суждения, адресованные женщинам. С точки зрения языковой реализации, женская речь в подобных ситуациях характеризуется использованием разнообразных экспрессивных средств, в частности восклицательных предложений (ср.: *Какая ты красавица!*), эмоционально окрашенных

⁷⁰ J. Holmes, *Women, Men and Politeness*, London 1995, с. 115–153. В главе *What a Lovely Tie! Compliments and Positive Politeness Strategies* Холмс подробно анализирует гендерные различия в использовании комплиментов, включая их тематику, частотность и функции. Она отмечает, что женщины чаще получают комплименты, особенно касающиеся внешности. Например, в исследовании, проведенном в Новой Зеландии, выяснилось, что 61% комплиментов между женщинами касаются внешности, тогда как между мужчинами этот показатель составляет лишь 36%. Холмс также обсуждает, что женщины чаще используют комплименты как средство установления и поддержания социальных связей, тогда как мужчины склонны воспринимать комплименты, особенно касающиеся внешности, как потенциально угрожающие их «лицу» или статусу.

прилагательных (*красивая, красавица*), а также элементов гиперболизации, к которым можно отнести кванторы усиления (ср.: *вы все красавица*).

Указанные особенности соотносятся с выводами исследований в области гендерной прагматики, согласно которым женские комплименты чаще сопровождаются экспрессивной лексикой и эмоционально насыщенными синтаксическими структурами, усиливающими перлокутивный эффект высказывания⁷¹.

В отличие от женских комплиментов, которые чаще акцентируют внимание на эмоциональной сфере и эстетической оценке, мужские комплименты, как правило, более тесно связаны с конкретной коммуникативной ситуацией. Даже в тех случаях, когда содержание комплимента не вполне соответствует действительности, мужчины, как правило, стремятся подкрепить его различными оговорками или контекстуальными ограничениями, придающими высказыванию правдоподобие и обеспечивающими его приемлемость в рамках действующих гендерных и социальных норм⁷².

Проиллюстрируем это следующим примером:

...Я просто вне себя, что такая молодая и красивая, извините, конечно, женщина, вот так совершенно никак себя не проявляет в общественном смысле. — И он заторопился и отказался от чая, который Вера ему любезно предложила. (*Искренне ваш Шурик*, с. 272)

Фраза — *вот так совершенно никак себя не проявляет в общественном смысле* позволяет предположить, что Вера, с точки зрения говорящего, не соответствует стереотипному образу «красавицы», реализуемому в публичном или социально активном контексте. Тем не менее положительная оценка ее внешности функционирует как акт вежливости, направленный на установление или поддержание благожелательных межличностных отношений.

Следует учитывать, что внешность традиционно рассматривается как

⁷¹ N. Wolfson, *Rules of Speaking...*, с. 61–87.

⁷² См. о гендерных различиях в использовании комплиментов и тактике «смягчения» в мужской речи: J. Holmes, *Women, Men...*, с. 115–153.

значимая сфера женской самоидентификации, вследствие чего комплимент, адресованный этой области, воспринимается как социально допустимый и во многом ожидаемый⁷³.

Подобные примеры комплиментов, показывающие условность и ситуативную обусловленность мужской похвалы, встречаются и в романе *Медея и ее дети*:

Одной невероятно толстой особе, несомненно, страдающей ожирением, он сказал с восхищением, пока она втискивала мягкий зад в сидалище зубоврачебного кресла: — **Если бы мы жили в Стамбуле, вы бы считались самой красивой женщиной в городе!** (*Медея и ее дети*, с. 29)

Комплименты, касающиеся внешности, представляют собой наиболее типичный тип похвалы, которую мужчины адресуют женщинам. В приведенном эпизоде речь идет о заведомо гиперболизированном комплименте, адресованном женщине с ожирением. Его функция заключается не столько в искреннем выражении восхищения, сколько в реализации определенной коммуникативной и психологической установки говорящего. Комплимент подкреплен условной конструкцией (*если бы мы жили в Стамбуле*), что снижает степень его прямоты и одновременно придает реплике ироничный, а в определенной мере и амбивалентный характер.

Это явление соотносится с описанной Дж. Холмс стратегией «ограниченного комплимента», при которой говорящий намеренно вводит условие или дистанцирующую оговорку с целью сделать комплимент менее обязывающим и более правдоподобным в коммуникативном и социальном плане⁷⁴:

— Вообще я люблю женщин небольших, плотных, на таких, знаете, основательных ножках и в русском духе. Нет, вы не думайте, что я так уж прост. Я понимаю, что **вы в некотором роде королева.** ... (*Медея и ее дети*, с. 32.)

⁷³ См. о стереотипах, связанных с женской речью и восприятием внешности: R. Lakoff, *Language and Woman's Place*, New York–Hagerstown–San Francisco–London 1975, с. 53–57.

⁷⁴ J. Holmes, *Women, Men...*, с. 128–132.

В данном фрагменте Самуил адресует Медее комплимент, в котором отчетливо проявляется субъективная оценка, основанная на его личных предпочтениях. Формула *в некотором роде королева* выполняет функцию прагматического смягчения похвалы, позволяя избежать избыточного пафоса и одновременно сохранить положительную оценку адресата. Подобное сочетание оценки с элементами дистанцирования и легкой самоиронии характерно для мужской речевой манеры в условиях интимного либо полуофициального общения.

Таким образом, приведенные примеры иллюстрируют типичную для мужской речи прагматическую стратегию «оговоренного комплимента», которая позволяет сбалансировать положительную оценку и поддержать коммуникативное равновесие, избегая потенциально неловкого или чрезмерного восприятия высказывания со стороны адресата.

Подобная стратегия показывает, что мужской комплимент нередко функционирует не как автономный акт похвалы, а как элемент более широкой стратегии управления межличностной дистанцией.

2) Комплименты, касающиеся способностей и качеств

В русской коммуникативной среде высоко ценятся комплименты, акцентирующие внимание на интеллектуальных и личностных качествах человека, таких как логическое мышление, мудрость, аналитический склад ума, эрудиция и другие характеристики когнитивного и профессионального потенциала. Особенно значимыми подобные комплименты оказываются в адрес женщин, поскольку они выходят за рамки традиционной похвалы внешности и затрагивают сферу профессиональной самореализации и личностной компетентности адресата.

В прозе Л. Улицкой комплименты данного типа также широко представлены. Они нередко выполняют не только оценочную, но и побудительную функцию, выступая своеобразной формой речевой поддержки, направленной на укрепление уверенности женщины в собственных возможностях и способностях.

Приведем несколько примеров:

— Знаешь, Веруся, а занятия с детьми могли бы тебе очень подойти. **Ты так всегда интересно рассказываешь о театре, о музыке.** Не знаю, не знаю, может, это было бы и хорошо...

— Нет, я совсем не это думаю. Другое. Не работу, а занятие. Я уверен, что ты могла бы писать рецензии — **ты всегда так интересно говоришь о театре, о музыке.** Ты столько всего знаешь... Могла бы преподавать... Не знаю чего, но многое могла бы. Бабушка всегда это говорила, что ты свой талант загубила, но ведь не поздно что-то еще делать... (*Искренне ваш Шурик, с. 272*)

— **Вы так хорошо начали свою работу.** Признаться, я уже решил взять вас к себе, дать тему. Это очень важно, когда человек рано начинает научную карьеру. В будущем году вы могли бы уже первую научную статью опубликовать... (*Казус Кукоцкого, с. 169*)

В обоих случаях комплимент реализуется по модели *так + наречие + глагол* (*так интересно рассказываешь, так хорошо начали*), что позволяет подчеркнуть конкретное достоинство адресата и придать высказыванию персонализированный характер. Подобная структурная организация усиливает прагматический эффект комплимента и одновременно выполняет мотивационную функцию. В отличие от эстетической похвалы, комплименты данного типа часто функционируют как имплицитный совет или предложение, способствуя формированию доверия к говорящему и легитимизации его оценки в глазах адресата.

Подобные речевые стратегии относятся к категории вежливости и могут рассматриваться как реализация так называемого «поддерживающего акта», направленного на укрепление самооценки и уверенности адресата.

Рассмотрим следующие примеры:

— Я на них и внимания не обратила. **У тебя, Тань, потрясающая зрительная память. Как ты запомнила?** — удивилась Коза. (*Казус Кукоцкого, с. 216*)

Лидия восторженно сказала: вы не любите овощи? Очень люблю. Особенно картофель. Знаете, я рос в деревне, и была война. [...] **Вы потрясающе готовите. Вы не**

работали в ресторане? Могли бы быть шефом. (Цю-юрихь, с. 8)

Оба приведенных примера иллюстрируют типичную для устной спонтанной речи структуру комплимента, реализуемую по модели *оценочное высказывание + вопросительное предложение*. Такая композиция позволяет не только выразить положительную оценку, но и инициировать диалог, в рамках которого комплимент сопровождается интересом к источнику или основанию отмечаемой способности адресата. Подобная форма усиливает правдоподобие похвалы и снижает риск ее восприятия как формальной или стереотипной⁷⁵.

Структура *комплимент + вопрос* может рассматриваться как элемент стратегии вежливости, реализующей когнитивную последовательность «наблюдение — удивление — интерес — положительная оценка». В контексте гендерной прагматики данный механизм приобретает особую значимость: мужчины, адресующие женщинам комплименты, касающиеся способностей или компетенций, нередко стремятся дополнительно обосновать свою оценку, чтобы избежать интерпретации похвалы как пустой лести⁷⁶.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что мужские комплименты в прозе Людмилы Улицкой характеризуются относительной структурной устойчивостью: для них важны не только содержательная составляющая похвалы, но и ее логическая опора на наблюдаемое действие или результат. С целью повышения коммуникативной достоверности комплимента говорящие часто обозначают его основание либо посредством краткого пояснения, либо через риторический вопрос.

В то же время комплименты оказываются коммуникативно значимыми и для мужчин. В русской речевой культуре для женщин, как правило, наибольшую ценность имеют комплименты, связанные с внешностью, тогда как для мужчин более значимыми являются высказывания, подчеркивающие их личностные и моральные качества, такие как надежность, сила характера, интеллект, верность, эмоциональная устойчивость и другие социально одобряемые характеристики.

⁷⁵ J. Holmes, *Compliments and Compliment Responses...*, с. 485–508.

⁷⁶ D. Tannen, *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*, New York 1990, с. 142–146.

Проиллюстрируем это примерами:

(1) — Ура! Шурик, **ты настоящий друг!** (*Искренне ваш Шурик*, с. 246)

(2) — Какой еще Флотов, какой еще Пароходов... Ты с ума сошел... **Ты мой самый настоящий, самый любимый слон**, папка, дурак старый... Мы с тобой похожи ужасно, **ты мое самое во мне лучшее...** (*Казус Кукоцкого*, с. 207–208)

(3) — Алька, **ты лучший на земле... лучший из людей... ты моя крепость...** Если хочешь, поедem куда хочешь... (*Медя и ее дети*, с. 115)

В первом примере междометие *ура*⁷⁷ выражает эмоциональный подъем и экспрессивную реакцию говорящего: реплика *Шурик, ты настоящий друг!* функционирует как непосредственная положительная оценка личности, апеллирующая к качествам надежности и преданности. Подобная форма высказывания характерна для спонтанной устной речи и маркирует высокую степень эмоциональной вовлеченности.

Во втором примере внимание привлекает многократное использование конструкции *самый + прилагательное (настоящий, любимый)*, что усиливает экспрессивность и эмоциональную насыщенность высказывания. Хотя лексема *слон* в нейтральном употреблении может иметь сниженно-оценочный оттенок (ср.: ‘крупный, неуклюжий человек’⁷⁸), в данном контексте она реализуется в иронично-ласковой функции и, в сочетании с положительными эпитетами, выступает как маркер близости и эмоциональной привязанности.

Третий пример структурно близок ко второму: повтор форм превосходной степени (*лучший, лучший из людей*) усиливает экспрессивность высказывания, а метафора *ты моя крепость* формирует образ мужчины как источника защиты, устойчивости и надежности. Подобная характеристика соотносится с традиционными представлениями о мужской роли в системе межличностных

⁷⁷ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=ура (30.06.2024).

⁷⁸ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=слон (30.06.2024).

и семейных отношений.

Несмотря на то что комплименты используются как мужчинами, так и женщинами для выражения положительного отношения к адресату, прагматические акценты их употребления различаются. В мужской речи комплимент чаще выполняет функцию оценки личностных качеств и символического признания значимости адресата, тогда как в женской речи он в большей степени ориентирован на поддержание межличностных связей и эмоциональной гармонии общения. Женские комплименты, как правило, характеризуются более высокой степенью эмоциональной выраженности, лексического разнообразия и интонационной экспрессии.

3) **Комплименты, связанные с принадлежностью к личной сфере адресата**

Отдельную группу составляют косвенные комплименты, т.е. комплименты, направленные не непосредственно на собеседника, а на объекты, связанные с ним ассоциативно, — родственников, детей, дом, предметы быта и другие элементы его личной сферы. Такие комплименты воспринимаются как особенно деликатные и высоко ценятся в рамках вежливой и уважительной коммуникации, так как затрагивают значимые для адресата аспекты частной жизни и личной идентичности⁷⁹.

— Ой, ради Бога! Я вас умоляю! Пачками будут липнуть, **какой красавец!** Ваша задача, Вера Александровна, с десятков годков его попридержать, рано не дать жениться. ... (*Искренне ваш Шурик*, с. 220)

Данный пример иллюстрирует типичную коммуникативную ситуацию, в которой объектом восхищения становится ребенок — в данном случае сын Веры. В рамках русской речевой культуры такая похвала может рассматриваться как

⁷⁹ J. Manes, N. Wolfson, *The Compliment Formula*, в: *Conversational Routine*, ред. F. Coulmas, The Hague 1981, с. 115–132.

косвенный комплимент в адрес матери, поскольку дети нередко воспринимаются как продолжение личности родителя, предмет их гордости и заботы.

Можно тогда сказать, что в подобных речевых актах происходит расширение комплиментарного объекта на элементы, ассоциативно связанные с адресатом.

Для родителей, независимо от гендерной принадлежности, комплимент, адресованный ребенку, как правило, воспринимается как высокая форма одобрения.

Так, в следующем примере женщина косвенно выражает признание сыну Наума:

— Я больна. Скоро умру. Я хочу выдать дочку замуж за **хорошего человека**. (*Дочь Бухары*, с. 70)

Сочетание *хорошего человека*, несмотря на внешнюю обобщенность и формальную нейтральность, содержит положительную оценку потенциального жениха и, опосредованно, его семьи и воспитания. Тем самым реализуется важная функция косвенного комплимента — укрепление социальных связей через одобрение значимых социальных ролей и семейных ценностей.

Кроме того, нередко объектами комплиментов в женской речи выступают члены семьи и родственники:

— **Ваша бабушка была исключительно порядочным человеком. И прекрасным специалистом...** (*Искренне ваши Шурик*, с. 242)

Данное высказывание представляет собой комплимент, адресованный не самому собеседнику, а члену его семьи — в данном случае бабушке Шурика. Однако в соответствии с коммуникативной логикой подобная похвала косвенно распространяется и на адресата: через положительную оценку значимой фигуры его окружения формируется позитивный образ самого собеседника.

В отличие от женских комплиментов, мужские речевые акты похвалы часто характеризуются большей сдержанностью, эмоциональной нейтральностью

и элементами официальности, особенно в ситуациях, связанных с принадлежностью и социальным статусом. Это проявляется, в частности, в комплиментах, адресованных не непосредственно собеседнику, а лицам, с ним связанным (например, членам семьи), а также в сдержанном, институционально маркированном стиле речевой подачи:

— Марлена Сергеевна, я привел вам дочь **нашего уважаемого доктора Кукоцкого. Молодой биолог**, — захекал профессор довольно противно, — к вам на выгучку. Побеседуйте, пожалуйста, с девушкой, а я пока проведу Павла Алексеевича по лаборатории... (*Казус Кукоцкого*, с. 197)

В данном примере говорящий формально обращается к Марлене Сергеевне, однако в коммуникативном пространстве реплики присутствуют также доктор Кукоцкий и его дочь Таня. Высказывание содержит две косвенные формы похвалы, реализованные посредством описательных номинаций: *уважаемый доктор* (в адрес Павла Алексеевича) и *молодой биолог* (в адрес Тани). Эти характеристики подчеркивают профессиональный статус, социальную роль и научную перспективность, тем самым выполняя функцию комплимента. При этом говорящий сохраняет определенную коммуникативную дистанцию и использует язык, близкий к институциональному регистру, что придает высказыванию сдержанный, но вежливый характер.

Подобный тип комплиментов характерен для мужской речевой манеры, в рамках которой приоритет отдается признанию навыков, достижений и потенциала адресата, а не эксплицитному выражению эмоций.

В прозе Улицкой также представлены примеры сдержанных мужских комплиментов, касающихся способностей и результатов деятельности, в частности в репликах Алика:

— Я думаю. Маша, **это очень хорошие стихи**. — Алик был искренне восхищен, в отличие от тех случаев, когда выражение одобрения считал семейной обязанностью.

— Но, Маша, я должен сказать тебе, что у тебя все получается. Отлично получается. (*Медея и ее дети*, с.138)

Высказывание *это очень хорошие стихи* представляет собой не только оценку литературного качества, но и форму поддерживающего речевого акта, направленного на подтверждение значимости усилий адресата. При этом комплимент сохраняет рационально структурированную форму и лишен экспрессивной избыточности. Подобный способ реализации похвалы отражает типичную для мужской коммуникации установку: положительная оценка выражается опосредованно, через констатацию результата или качества деятельности, а не через прямую эмоциональную экспликацию.

4) **Комплименты, направленные на предметы личной сферы**

Помимо родных и близких, объектом оценки могут становиться и другие элементы личного пространства адресата, такие как пища, интерьер, предметы быта или результаты творческой деятельности. На поверхностном уровне подобные комплименты формально адресуются предметам, однако в прагматическом плане они направлены на оценку навыков, вкуса или усилий человека, с которым данный объект связан:

— Ой, тетя Соня! **Так вкусно было... Опять я объелась...** (*Сонечка*, с.28)

Высказывание *так вкусно было... Опять я объелась* на первом уровне интерпретации представляет собой похвалу блюду, однако на более глубоком уровне функционирует как комплимент кулинарным способностям Сони. Использование эмоционально окрашенных элементов (*ой, опять*) усиливает экспрессивность реплики и придает комплименту характер теплой, неформальной похвалы.

— **Как красиво!** — воскликнула она, и в искренности ее нельзя было усомниться. (*Цю-юрихь*, с. 5)

В данном эпизоде Лидия реагирует кратким, но экспрессивным высказыванием на увиденный ею стенд Мартина. Реплика *как красиво!* адресована результату профессиональной или художественной деятельности мужчины и тем самым выступает косвенным комплиментом его умениям и эстетическому вкусу. Подобный тип похвалы соотносится с устойчивой коммуникативной тенденцией: в официальном или полуофициальном контексте женщины чаще адресуют мужчинам комплименты, касающиеся достижений⁸⁰ и результатов деятельности, а не внешности. Это позволяет сохранить уважительную дистанцию и избежать возможной двусмысленности интерпретации⁸¹.

Фокусирование комплимента на предмете как результате деятельности адресата представляет собой характерную стратегию зрелой женской речи, в рамках которой похвала выполняет функцию тонкого коммуникативного инструмента, способствующего формированию благоприятного впечатления и поддержанию социального равновесия в общении.

5) Непрямые комплименты, опосредованные результатом деятельности

Непрямые комплименты, опосредованные результатом деятельности, занимают особое место в системе комплиментарных стратегий, поскольку позволяют реализовать положительную оценку в социально чувствительных контекстах, избегая прямой персонализации похвалы.

— О, кошечка вон та серая прелесть какая, точно как наша, — восхищенно указала Светлана Багатурия на портрет кошки в неправильно-горизонтальную полосу. — Наша Маркиза у бабушки в Сухуми осталась. Я так скучаю без нее! (*Дар нерукотворный*, с. 102)

⁸⁰ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 188 页。

⁸¹ J. Holmes, *Women, Men...*, с. 127–130.

В данном фрагменте комплимент, формально адресованный изображению кошки, фактически выступает признанием художественного таланта Тамары. Объектом положительной оценки становится результат ее творческой деятельности, что позволяет реализовать похвалу в социально деликатной форме. В контексте произведения прямые комплименты, касающиеся внешности или физического состояния героини, могли бы восприниматься как неуместные или потенциально чувствительные, тогда как восхищение ее работой — особенно выраженное с помощью эмоционально насыщенных средств (*прелесть какая, точно как наша*) — подчеркивает ее профессиональные способности и одновременно выполняет поддерживающую коммуникативную функцию.

Подобный тип высказываний может быть классифицирован как непрямой комплимент, опосредованный результатом деятельности. Он способствует формированию у адресата ощущения значимости и признания, особенно в тех случаях, когда прямая похвала затруднена или социально ограничена. Как отмечает Дж. Холмс, комплимент, адресованный продукту труда, нередко интерпретируется как комплимент самому человеку, особенно если речь идет о лично значимой для него сфере⁸².

На основании приведенных примеров можно прийти к нескольким обобщающим выводам о функционировании комплиментов в прозе Людмилы Улицкой с точки зрения объекта похвалы и гендерной специфики.

Во-первых, комплименты, касающиеся внешности, преобладают в адрес женщин. Подобные высказывания особенно характерны для межгендерной коммуникации с участием малознакомых мужчин, для которых похвала внешнего вида выступает универсальной и социально приемлемой формой выражения внимания и расположения. Это соответствует наблюдениям в лингвистике, согласно которым внешность является одним из наиболее частотных объектов комплимента в адрес женщин⁸³.

Во-вторых, женская речь характеризуется более высокой степенью эмоциональной насыщенности и выразительности: в ней часто используются

⁸² Об эмоциональной и прагматической функции комплиментов, связанных с результатами труда см.: J. Holmes, *Women, Men...*, с. 130–133.

⁸³ N. Wolfson, *Rules of Speaking...*, с. 61–87.

восклицания, метафоры, повторы и элементы гиперболизации. Комплимент в таком случае функционирует не только как оценочное высказывание, но и как средство установления эмоционального контакта. Мужская речь, напротив, тяготеет к более рационализированным и прагматически структурированным формам похвалы: комплименты нередко сопровождаются аргументацией, контекстуальными уточнениями и элементами, повышающими их коммуникативную достоверность.

В-третьих, комплименты, подчеркивающие способности и достижения женщин, способствуют признанию их профессионального и личностного потенциала. В то же время комплименты, адресованные мужчинам, чаще фокусируются на моральных и личностных качествах — таких как надежность, преданность, сила характера, — что способствует формированию образа социально значимого и уважаемого субъекта.

Наконец, комплименты принадлежности — то есть похвала, направленная не непосредственно на адресата, а на близких ему людей или элементы его личной сферы, — выполняют функцию опосредованного одобрения самого собеседника. Подобные комплименты особенно эффективны в ситуациях, требующих коммуникативной деликатности, и используются как в женской, так и в мужской речи в различных прагматических контекстах.

Таким образом, система комплиментов в художественном дискурсе Людмилы Улицкой показывает сочетание универсальных и гендерно специфических характеристик речевого этикета, подтверждая значимость комплимента как социального, прагматического и когнитивного инструмента межличностного взаимодействия.

3.2.4. Просьба

По мнению Эвы Коморовской, прагматическая классификация директивных речевых актов может быть представлена на основе двух основных критериев. Первый из них связан с условиями реализации директивного действия и позволяет разграничить необязывающие (некатегорические) и обязывающие

(категорические) речевые акты⁸⁴. К необязывающим относятся такие действия, неисполнение которых не влечет за собой санкций, в частности просьбы, предложения, советы (рекомендации) и инструкции. Обязывающие директивы же предполагают возможность санкций в случае невыполнения и включают такие типы речевых актов, как приказ, требование, запрет и распоряжение. Вторым критерием классификации является характер выгоды, возникающей в результате выполнения директивного действия. С этой точки зрения различаются действия, совершаемые в интересах говорящего (просьба, приказ, требование, заказ, запрет, ордер, команда), в интересах адресата (совет, рекомендация, объяснение), а также в интересах обеих сторон коммуникации (предложение)⁸⁵.

Речевой акт просьбы играет значимую роль как в профессиональной, так и в повседневной межличностной и межкультурной коммуникации. В классификации Джона Серля просьба, наряду с запретом, советом и призывом, относится к директивам, целью которых является побуждение адресата к совершению определенного действия⁸⁶. Просьба представляет собой побудительный речевой акт, посредством которого говорящий обращается к адресату с намерением получить действие, услугу, информацию либо предмет, находящиеся в интересах самого говорящего.

В силу этого просьба предполагает учет возможной реакции адресата — принятия либо отклонения соответствующего побуждения⁸⁷. Как отмечается в исследованиях, речевой акт просьбы тесно связан со стратегиями вежливости, поскольку в процессе его реализации адресант стремится минимизировать угрозу как «лицу» адресата, так и собственному «лицу», добиваясь согласия на выполнение требуемого действия⁸⁸.

При построении речевого акта просьбы необходимо учитывать не только лингвистические параметры (структуру высказывания, использование модальных

⁸⁴ Е. Коморовска, *Pragmatyka dyrektywnych aktów mowy w języku polskim*, Szczecin 2008, с. 28; см. также И.П. Лысакова, Т.М. Веселовская, *Прагматика побудительных речевых актов в русском языке*, Щецин-Росток 2008, с. 30.

⁸⁵ Е. Коморовска, *Pragmatyka dyrektywnych aktów...*, с. 28–29.

⁸⁶ См. Дж. Серля, *Классификация иллокутивных актов...*, с. 194.

⁸⁷ Е.Г. Которова, *Модель речевого поведения «Просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование*, «Жанры речи» 2016, № 1, с. 66.

⁸⁸ Н.Н. Апухтина, *Речевые акты просьбы и ответа в различных лингвокультурах*, «Записки Горного института» 2010, т. 187, с. 305.

средств), но и экстралингвистические факторы, такие как интонация, коммуникативная ситуация, прагмалингвистический потенциал высказывания и социальные отношения между участниками общения. Тем самым просьба реализует прагматическую установку на речевое воздействие, направленное на вербальное и невербальное побуждение адресата к практическому действию⁸⁹.

Значимость просьбы определяется, в частности, характером межличностных отношений между говорящим и слушающим, а также степенью важности требуемого действия. Чем выше значимость ожидаемого результата и чем больше социально-статусная дистанция между коммуникантами, тем выше коммуникативная «весомость» просьбы. Незначительной считается просьба, выполнение которой не связано с существенными затратами времени, усилий или риском, тогда как значительная просьба предполагает наличие одного или нескольких из указанных факторов⁹⁰.

Семантическую структуру акта просьбы в рамках естественно-языкового описания детально анализирует Анна Вежбицка, предлагая следующий набор универсальных компонентов:

- говорящий хочет, чтобы адресат совершил для него нечто положительное (X);
- говорящий выражает это намерение вербально;
- говорящий осознает, что адресат не обязан выполнять требуемое действие⁹¹.

В русском языке одну из наиболее развернутых классификаций речевого акта просьбы предлагает Наталья Формановская. Исследовательница, в частности, выделяет просьбы, оформленные в виде вопросительных высказываний, подчеркивая, что вопросительная форма снижает степень давления на адресата, маскируя побуждение под запрос информации и тем самым повышая уровень вежливости⁹². Среди таких конструкций различаются я-ориентированные выражения, адресатно-ориентированные «осведомления» о возможностях партнера, а также адресатно-ориентированные высказывания, указывающие на

⁸⁹ Т.А. Пошерстник, *Прагмалингвистика англоязычного речевого акта просьбы*, https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/52913/1/posherstnik_Sbornik9_tom1.pdf (25.07.2024).

⁹⁰ Е.Г. Которова, *Модель речевого поведения «Просьба»...*, с. 67.

⁹¹ А. Вежбицкая, *Речевые жанры*, в: *Жанры речи*, вып. 1, Саратов 1997, с. 104.

⁹² Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 153.

предполагаемые трудности адресата⁹³.

Формановская отмечает также высокую вариативность синтаксических средств реализации просьбы — соответствующее значение может выражаться в повествовательных, побудительных и вопросительных предложениях, как простых, так и сложных, распространенных и нераспространенных. Независимо от формальной структуры, подобные высказывания обладают иллокутивной силой побуждения и ориентированы на получение реакции адресата в виде действия и/или речевого ответа. При этом императивные конструкции типа *Сделайте...* могут утрачивать однозначную интенциональную интерпретацию и реализовываться в контексте как просьба, совет или иное директивное действие⁹⁴.

Модель «Я прошу вас + инфинитив» рассматривается исследовательницей как типизированное семантико-прагматическое средство экспликации общего значения просьбы, характерное для перформативных высказываний⁹⁵. В более широком плане Формановская подчеркивает, что способность говорящего корректно оформлять просьбу предполагает осознание необходимости вежливого речевого поведения, поскольку нарушение данного принципа может привести к ослаблению иллокутивной силы высказывания и, как следствие, к коммуникативной неудаче⁹⁶.

Реализация речевого акта просьбы включает ряд коммуникативных ходов, к которым относятся: инициация общения, обращение к адресату, предваряющее обозначение намерения (так называемая «просьба о просьбе»), мотивировка и собственно формулировка просьбы⁹⁷. В зависимости от способов языкового оформления и степени прямоты побуждения исследователи выделяют различные стратегии реализации просьбы, в частности: прямую просьбу без смягчающих средств, прямую просьбу со смягчающим действием, соотносимым с негативной вежливостью (конвенционально косвенную просьбу), а также косвенную

⁹³ Там же, с. 153.

⁹⁴ Там же, с. 151.

⁹⁵ Там же, с. 152.

⁹⁶ Н.И. Формановская, *Прагматика побуждения и логика языка*, «Русский язык за рубежом» 1994, № 5, с. 34–40.

⁹⁷ О. Anchimiuk, *Речевой этикет...*, с. 116–117.

просьбу⁹⁸.

Прямая просьба характеризуется эксплицитностью и однозначностью иллокутивного намерения: говорящий прямо формулирует ожидаемое от адресата действие, не прибегая к намекам или имплицитным средствам выражения. Такая форма просьбы ориентирована на точное понимание коммуникативного намерения и предполагает наличие единственной, недвусмысленной интерпретации высказывания.

В ряде работ отмечается, что структурно просьба может состоять из ядра, выражающего собственно побуждение, и периферийных компонентов (предупредительных сигналов и вспомогательных речевых действий). Ядро реализует иллокутивную силу просьбы, тогда как периферийные элементы выполняют функцию прагматической модификации высказывания, смягчая либо усиливая воздействие на адресата. При этом просьба может быть реализована как исключительно за счет ядерного компонента, так и с включением периферийных элементов, предшествующих или следующих за ним⁹⁹.

Косвенная просьба, в отличие от прямой, оформляется посредством имплицитных средств — вопросительных, повествовательных или модально осложненных конструкций, — что позволяет снизить степень давления на адресата и сохранить возможность отказа без коммуникативных потерь. Подобные просьбы, как правило, требуют более широкого контекста интерпретации и допускают вариативность понимания коммуникативного намерения.

Особый тип косвенных директив представляет собой конвенционально косвенная просьба, характеризующаяся наличием смягчающего действия, соотносимого со стратегиями негативной вежливости. Такие просьбы часто реализуются в форме вопроса о способности или возможности адресата выполнить определенное действие и отличаются отсутствием единственного, жестко заданного иллокутивного прочтения. Использование подобной стратегии позволяет адресанту частично снять с себя ответственность за осуществление потенциально лицоугрожающего акта, предоставляя адресату пространство для

⁹⁸ Н.Н. Апухтина, *Речевые акты просьбы...*, с. 305.

⁹⁹ Там же.

интерпретации и выбора реакции¹⁰⁰.

Стратегии реакции на косвенную просьбу могут быть условно классифицированы по характеру ответного действия адресата. В научной литературе выделяются, в частности, следующие типы: 1. адресат предвосхищает просьбу адресанта, выполняя предполагаемое действие без его эксплицитной формулировки; 2. адресат предлагает альтернативное действие вместо ожидаемого выполнения просьбы; 3. адресат отказывается от выполнения просьбы¹⁰¹.

При анализе речевого жанра просьбы в разных языках и культурах исследователи отмечают наличие определенных тенденций, соотносимых с гендерными параметрами речевого поведения. Следует при этом подчеркнуть, что данные различия не носят универсального или нормативного характера. Они проявляются в зависимости от коммуникативного контекста, социальных ролей участников общения и степени их взаимной близости¹⁰². Так, в ряде работ указывается, что в женской речи просьбы чаще реализуются посредством косвенных и смягченных стратегий, включающих модальные и эвфемистические средства, а также развернутую мотивировку. Мужская речь, напротив, в ряде контекстов характеризуется большей склонностью к прямому и эксплицитному оформлению побуждения¹⁰³. Следует, однако, подчеркнуть, что данные тенденции имеют вероятностный характер и не могут рассматриваться как жестко закрепленные за тем или иным полом.

Отмечается также, что при формулировании просьбы как мужчины, так и женщины учитывают пол адресата. В частности, в ряде коммуникативных ситуаций просьбы, адресованные представителям своего пола, оформляются более прямо, тогда как в обращении к адресатам противоположного пола чаще используются смягчающие и косвенные средства выражения побуждения.

Важным фактором реализации речевого акта просьбы является характер отношений между собеседниками. В условиях близких, неформальных

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² 周民权, 俄汉社会性别语言的语用对比研究, 北京 2014, 第 210 页。

¹⁰³ Там же, с. 205–206.

отношений (родственные, дружеские связи) различия в стратегиях просьбы могут проявляться более отчетливо на уровне степени вежливости и языковых средств ее выражения. В формальном же общении с незнакомыми или малознакомыми адресатами различия чаще затрагивают выбор вспомогательных элементов и модификаторов просьбы. Это позволяет говорить о том, что учет социальной дистанции может играть существенную роль в стратегиях реализации данного речевого акта.

Наконец, существенное влияние на форму просьбы оказывает соотношение социальных статусов адресанта и адресата. В повседневной коммуникативной практике лица с более высоким статусом могут прибегать не только к директивным актам типа приказа, но и к просьбам, оформленным в разной степени вежливости. Исследования показывают, что в подобных ситуациях способы языковой реализации просьбы могут варьироваться в зависимости как от профессиональной иерархии, так и от гендерных характеристик участников общения. Тем не менее данные параметры всегда взаимодействуют с конкретным коммуникативным контекстом и не функционируют изолированно¹⁰⁴.

Классификация речевого акта просьбы может проводиться по различным основаниям. В настоящей работе, как уже было отмечено, в качестве основного критерия разграничения используется оппозиция прямых и косвенных просьб. В дальнейшей части нашей диссертации анализ собранного материала будет осуществляться с учетом данного критерия.

1) Прямые просьбы

Прямые просьбы реализуются преимущественно в двух основных моделях: в модели с императивными конструкциями и в эксплицитно перформативных моделях — с модализацией и без нее.

В русском языке императив обозначает действие, выполнение которого представляется желательным для говорящего. В функции просьбы императивные формы могут использоваться как в ситуациях незначительного, так

¹⁰⁴ Там же.

и значительного побуждения¹⁰⁵. Подобные высказывания отличаются высокой степенью прямоты и потенциальной настойчивости, однако их иллокутивная сила может модифицироваться за счет включения смягчающих средств, в частности вежливых слов и форм обращения.

Рассмотрим реализацию прямых просьб в женской речи на следующих примерах:

— Да вы **стойте, стойте**, мамочка, поменять надо мокрое... Вы же мне мешаете... Потом она подмывала и вытирала бедную Елену, делала все это ловко и грубовато, как делают дешевые няньки в больницах. ... (*Казус Кукоцкого*, с. 192)

— **Садись**, дорогая, **садись**, – подталкивает Женя бабушку легонько в спину. Бабушка опасливо присаживается. Женя направляет на нее струю душа. Бабушка стонет от удовольствия. Сейчас произойдет то, ради чего Женя приезжает сюда уже десять лет. С тех самых пор, как умер дедушка и она переехала к отцу.

— Спасибо, деточка, — говорит Елена Георгиевна. (*Казус Кукоцкого*, с. 262)

В обоих фрагментах реализуется модель прямой просьбы, основанная на использовании императивных форм с повтором глагола (*стойте, стойте; садись, садись*). Повтор императива усиливает прагматическую выраженность побуждения и актуализирует действие, к которому адресуется просьба. Как отмечает Александр Сковородников, повторы выполняют важную текстообразующую и акцентирующую функцию, способствуя интенсификации действия и выделению коммуникативно значимых элементов высказывания¹⁰⁶.

Дополнительную прагматическую модификацию данных просьб обеспечивают формы ласкового обращения (*мамочка, дорогая*), которые снижают степень категоричности императива и соотносятся с близким, неформальным характером отношений между коммуникантами. В приведенных примерах сочетание повторяющихся императивных форм и экспрессивных обращений

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ А.П. Сковородников, *Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление*, «Филологические науки» 1984, № 5, с. 71–76.

позволяет квалифицировать высказывания как прямые просьбы, реализованные в условиях тесного межличностного контакта.

Ответная реплика адресата во втором примере (*Спасибо, деточка*) указывает на принятие побуждения и завершает коммуникативную цепочку, что подтверждает успешную реализацию речевого акта просьбы в данной ситуации.

Мотивировка просьбы, т.е. вербальное пояснение причины побуждения, является одним из распространенных способов модификации прямой просьбы и может сопровождать императивные конструкции. Реализацию данной стратегии наблюдаем в следующих примерах:

— Вчера весь дом перерыла, часа три паспорт искала. Не могла вспомнить, куда положила. **Вставай, пожалуйста.** Из душа тебя окачу, и все... (*Казус Кукоцкого*, с. 263)

— **Да посиди**, скоро Женя придет, — искренне просила Лора, но Лидия страстно хотела поскорее унести отсюда ноги, быстро переночевать и уехать навсегда-навсегда. (*Цю-юрихь*, с. 18)

В приведенных фрагментах реализуется модель императивного побуждения, дополненного мотивировкой, в которой предварительное или сопутствующее объяснение причины служит прагматическим фоном для формулировки просьбы. Такие пояснения конкретизируют коммуникативную ситуацию и позволяют адресату интерпретировать побуждение в контексте актуальных обстоятельств.

Мотивировка просьбы в данном случае выполняет функцию прагматического смягчения императива, снижая степень его категоричности и обеспечивая более развернутое обоснование побуждения в рамках межличностного взаимодействия.

В отличие от рассмотренных выше случаев, в ситуациях, где инициатором просьбы выступает лицо старше по возрасту или обладающее более высоким социальным статусом по отношению к адресату, прямая форма побуждения может реализовываться без дополнительной мотивировки. Проиллюстрируем это следующим примером:

— Шурик, **подай, пожалуйста, большие тапочки**, — попросила Вера Александровна.

— Какие, Веруся? (*Искренне ваш Шурик*, с. 219)

В данном фрагменте просьба оформлена посредством императивной конструкции (*подай*) с включением показателя вежливости (*пожалуйста*) и деминутивной формы имени адресата (*Шурик*), что указывает на неформальный и доверительный характер общения. Коммуникативная ситуация определяется сочетанием асимметрии ролей (мать — сын) и высокой степени межличностной близости, что позволяет реализовать просьбу в прямой форме без развернутой мотивировки.

Ответная реплика адресата (*Какие, Веруся?*) свидетельствует о принятии побуждения и одновременно воспроизводит симметричную стратегию фамильярного обращения, что подтверждает устойчивость близких отношений между участниками коммуникации и успешную реализацию речевого акта просьбы в данных условиях.

На форму реализации просьбы существенное влияние оказывают статусные различия между участниками коммуникации. Рассмотрим это на следующем примере:

— **Ты разденься на минутку, сделай одолжение**. — Она проворно сняла шубу и, пока он топтался, набрала номер и сунула ему в руку телефонную трубку. (*Искренне ваш Шурик*, с. 223)

Разговорная формула *сделай (сделайте) одолжение* функционирует как средство прагматической модификации императивного побуждения. В словарных источниках она трактуется, с одной стороны, как форма усиленной вежливой просьбы, а с другой — как формула вежливого позволения¹⁰⁷. В данном контексте просьба оформлена в прямой форме и соотносится с асимметрией статусных ролей между коммуникантами. Персонаж Фаина, хотя и не состоит с адресатом

¹⁰⁷ Толковый словарь русского языка, ред. Д.Н. Ушаков, <https://kartaslov.ru/значение-слова/сделай+%28сделайте%29+одолжение> (17.07.2024).

в близких отношениях, занимает по отношению к нему более высокую социальную позицию (старшее поколение, профессиональная иерархия), что позволяет ей использовать императивную конструкцию без развернутой мотивировки, смягчая ее за счет разговорной формулы вежливости.

Далее обратимся к анализу прямых просьб в мужской речи, реализуемых в модели с императивными конструкциями:

— Нора, **налейте, пожалуйста**, — протянул Георгий пустую Медеину миску Норе. Она растерянно склонилась над котелком. (*Медея и ее дети*, с. 41)

В данном фрагменте собеседники знакомы, однако между ними отсутствуют близкие межличностные отношения. Просьба оформлена посредством императива во множественном числе (*налейте*), сопровождаемого показателем вежливости (*пожалуйста*), а также обращением по имени. Такое сочетание языковых средств указывает на формальный характер взаимодействия и одновременно маркирует уважительную дистанцию между адресантом и адресатом. Реакция адресата, выраженная невербально, свидетельствует о принятии побуждения и завершает коммуникативный акт просьбы.

Во втором примере персонажи связаны родственными отношениями. Реализуемая здесь просьба исходит от лица младшего по возрасту и адресована старшему:

Алик расцеловался с Медеей и тут же сунул ей картонную коробку, его обычное профессиональное подношение:

— **Примите от нашего Красного Креста вашему Красному Кресту**. (*Медея и ее дети*, с. 115)

В данном фрагменте просьба оформлена в виде императивной конструкции (*примите*), что позволяет квалифицировать ее как прямую. Несмотря на асимметрию возрастных и статусных ролей, побуждение реализуется без дополнительных смягчающих средств, что обусловлено высокой степенью межличностной близости и ритуализованным характером коммуникативной

ситуации (жест подношения, устойчивая формула высказывания).

В ситуациях обращения к близкому адресату просьбы в мужской речи могут сопровождаться более развернутыми речевыми структурами, включающими элементы предваряющей экспликации эмоционального состояния:

— Ужасный день, **поверьте мне**, это ужасный день. **Не оставляйте меня одного**,

— попросил он, и глаза его были светло-карие, просительные и совершенно женские.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Медея, и они вышли вдвоем из белых ворот санатория, миновали автовокзал и свернули в тихую улицу, заселенную железнодорожниками с тех самых пор, как к городу подвели железную дорогу. (*Медея и ее дети*, с. 30)

В приведенном фрагменте просьба реализуется в форме прямого императивного побуждения (*Не оставляйте меня одного*), которому предшествует повторяющееся оценочное высказывание (*ужасный день*), выполняющее функцию коммуникативной подготовки адресата. Наличие эксплицитного глагола речи (*попросил*) однозначно маркирует иллокутивный статус высказывания как речевого акта просьбы. Реакция адресата (*Хорошо*) свидетельствует о принятии побуждения и завершает соответствующую коммуникативную последовательность.

В следующем фрагменте представлена ситуация, в которой мужчина обращается с просьбой к близкому адресату:

— **Не уезжай**, Ласочка, — бормотал он, — мы поженимся, ты останешься. Зачем уезжать...

Ему не хватало до восемнадцати лет трех месяцев, ей — полугодя.

— Ах, господи, надо было раньше, уже все поздно, — плакала Лиля, вжимаясь ему в грудь, в живот всем своим маленьким телом. (*Искренне ваши Шурик*, с. 202)

Просьба оформлена посредством императивной формы глагола во втором лице единственного числа (*Не уезжай*), дополненной экспрессивным обращением

(Ласочка). Такое поведение характерно для неформального, эмоционально насыщенного общения между близкими коммуникантами.

Императивное побуждение сопровождается развернутой мотивировкой (*мы поженимся, ты останешься. Зачем уезжать...*), которая выполняет функцию аргументации просьбы и расширяет ее прагматический контекст. Использование глагола речи *бормотал*, а также неполные синтаксические конструкции и графическое оформление высказывания (многоточие) отражают особенности речевой организации высказывания в условиях высокой эмоциональной напряженности коммуникативной ситуации, не нарушая при этом его иллокутивной определенности как речевого акта просьбы.

Ответная реплика адресата, содержащая экспрессивные средства (*Ах, господи*), показывает реакцию на просьбу и одновременно выполняет функцию ее интерпретации и оценки. Этот факт позволяет рассматривать данный фрагмент как завершенную коммуникативную последовательность, включающую побуждение и ответ на него.

В следующих примерах рассмотрим реализацию прямых просьб в речи детей:

— **Дай руку**, — попросила Маша.

Александра взяла Машу за руку, и девочка быстро уснула. Но когда Александра пыталась осторожно высвободить руку. Маша открыла глаза:

— **Дай руку...** (*Медея и ее дети*, с. 77)

— **Не уезжай, не уезжай!** Я не хочу! — заплакала Милочка.

[...]

— **Завтра не уезжай**, — попросила Мила.

— Завтра не уеду, — пообещала Бухара и закрыла глаза. (*Дочь Бухары*, с. 71)

В приведенных фрагментах просьбы оформлены с помощью императивных конструкций, реализованных в форме глагола во втором лице единственного числа (*дай, не уезжай*). Повтор императивных форм выполняет функцию интенсификации побуждения и актуализирует требуемое действие в рамках непосредственного межличностного взаимодействия.

Иллокутивный статус высказываний как речевых актов просьбы дополнительно маркируется использованием глагола речи *попросить*. Существенным является и наличие ответной реакции адресата, выраженной как невербально (взятие за руку), так и вербально (*Завтра не уеду*). Это позволяет нам рассматривать данные фрагменты как завершенные коммуникативные последовательности, включающие побуждение и ответ на него¹⁰⁸.

Как можно заметить, императивная форма является одним из наиболее распространенных средств реализации просьбы. В случаях, когда императив не сопровождается показателями вежливости (например, словом *пожалуйста*), подобное побуждение может интерпретироваться адресатом как требование. Если при этом социальная роль говорящего не предполагает права на требование, высказывание может восприниматься как выход за рамки коммуникативных ожиданий и вызвать коммуникативное напряжение¹⁰⁹.

Рассмотрим данный механизм на следующем примере:

Он звонил Маше с утра, но сначала телефон не отвечал, был отключен, потом два раза подходил Алик, и Бутонов вешал трубку, и только под вечер дозвонился.

— **Пожалуйста, не звони больше**, — попросила Маша.

— Когда? Когда приедешь? **Не тяни**, — не расслышал Бутонов. (*Медея и ее дети*, с. 134)

Высказывание *Пожалуйста, не звони больше* представляет собой прямую просьбу, оформленную посредством императива с включением показателя вежливости. Ответная реплика адресата (*Не тяни*) реализована в форме императивного побуждения без смягчающих средств и по своей иллокутивной силе приближается к требованию.

В условиях равного социального статуса собеседников подобная форма ответного высказывания может рассматриваться как коммуникативно маркированная. Ее использование в данном контексте подчеркивает асимметрию интерпретаций речевых действий участниками диалога и иллюстрирует

¹⁰⁸ См., напр., Н.Н. Апухтина, *Речевые акты просьбы...*, с. 305.

¹⁰⁹ Н.И. Формановская, *Речевой этикет...*, с. 64.

потенциальную конфликтность императивных форм при отсутствии дополнительных средств вежливости.

Далее обратимся к анализу другой модели прямой просьбы — эксплицитно перформативных конструкций.

Прототипически в перформативной модели речевого акта просьбы используется иллокутивный глагол *просить*. В случаях необходимости усиления иллокутивной силы побуждения может употребляться глагол *умолять*¹¹⁰, маркирующий более высокую степень прагматической интенсивности высказывания.

Реализацию эксплицитно перформативной модели просьбы наблюдаем в следующих примерах:

(1) — Леночка, так мы с тобой говорили о Флотове...

— Да, большое спасибо... Мне ничего не надо... Да, все в полном порядке, **прошу вас, не беспокойтесь**... — лепетала Елена, обращаясь не то к Мурке, не то к кому-то еще, кто мнимо присутствовал в ее пыльной, неопрятной комнате. (*Казус Кукоцкого*, с. 204)

(2) — Мы сделаем так: я возьму на свой формуляр, а вы перед отъездом принесете мне книги, — извиняющимся голосом сказала Сонечка.

И он понял, что все в порядке.

— **Я только прошу вас, очень аккуратно**, — ласково попросила она и завернула в лохматящуюся газету три малоформатных томика. (*Сонечка*, с. 9)

В обоих фрагментах просьба реализуется посредством эксплицитно перформативной формулы «прошу вас + содержание просьбы», в которой иллокутивный глагол служит прямым показателем коммуникативного намерения говорящего. Использование данной модели обеспечивает однозначную интерпретацию высказывания как речевого акта просьбы и минимизирует возможную иллокутивную неопределенность.

В первом примере перформативная формула функционирует в контексте

¹¹⁰ Е.Г. Которова, *Модель речевого поведения «Просьба»...*, с. 68.

нарушенной коммуникативной ориентированности говорящего, что, однако, не влияет на формально выраженный иллокутивный статус высказывания. Во втором примере данная модель используется в ситуации формального межличностного контакта и выступает средством вежливой экспликации побуждения в условиях отсутствия предварительной коммуникативной близости между участниками взаимодействия.

В ряде контекстов для эксплицитного усиления иллокутивной силы просьбы используется, как мы уже указывали, глагол *умолять*. В словарных источниках он определяется как ‘настоятельно просить’¹¹¹ либо ‘просьбами, мольбами склонять кого-либо к милости’. Применение данного глагола указывает на высокую степень прагматической интенсивности побуждения, а также на его интерпретацию как речевого акта просьбы.

Рассмотрим следующие примеры:

- Ника, ты что, с ума сошла? **Я тебя первый раз в жизни прошу!** У тебя романы раз в квартал, а у меня такого никогда не было!
- Черт с тобой! Завтра поеду, — согласилась Ника.
- **Ника, умоляю! Сегодня! Сегодня вечером!** — взмолилась Маша. (*Медея и ее дети*, с. 123)

В данном фрагменте иллокутивная сила побуждения усиливается за счет перехода от перформативной формулы *прошу* к использованию глагола *умолять*. Повтор и временная конкретизация (*Сегодня! Сегодня вечером!*) выполняют функцию прагматической интенсификации просьбы и актуализируют срочность требуемого действия. Использование эксплицитного глагола речи (*взмолилась*) дополнительно характеризует высказывание как просьбу повышенной интенсивности.

Сходная прагматическая функция глагола *умолять* наблюдается и в следующем фрагменте:

¹¹¹ *Толковый словарь русского языка...*, <https://kartaslov.ru/значение-слова/умолять> (дата обращения 17.07.2024).

— Ой, ради Бога! **Я вас умоляю!** Пачками будут липнуть, какой красавец! Ваша задача, Вера Александровна, с десяток годков его попридержать, рано не дать жениться. Мой тоже, тринадцать лет, а рост метр семьдесят. К восемнадцати до двух дорастет. И девчонки уже звонят. А я думаю так, пусть гуляют, пока молодые...
(*Искренне ваш Шурик, с. 220*)

Формула *Я вас умоляю!* в данном контексте сопровождается развернутое высказывание рекомендательного характера. Несмотря на наличие императивной лексемы, коммуникативная установка данного фрагмента не сводится к прямой просьбе о конкретном действии, а реализует стратегию настоятельного совета. Тем не менее использование глагола *умолять* придает высказыванию повышенную экспрессивность и подчеркивает значимость озвучиваемой позиции для говорящего.

Семантически перформативная формула *я вас умоляю* включает следующие обязательные компоненты: говорящего как инициатора побуждения; адресата, к которому направлено воздействие; глагол, указывающий на высокую степень интенсивности речевого действия.

Таким образом, употребление глагола *умолять* может сопровождать как собственно просьбу, так и другие директивные речевые действия (в частности, совет), выступая средством прагматического усиления высказывания в целом.

В анализируемом нами материале обнаруживаются также примеры, в которых конструкции с глаголом *умолять* реализуются в речи мужчин в ситуациях общения с близкими адресатами. В подобных контекстах данный глагол функционирует как средство прагматического усиления просьбы, указывая на высокую степень интенсивности побуждения.

— Мамочка моя! Ты умеешь играть в теннис? А на коньках кататься? Есть что-то на свете, чего ты не умеешь? Может быть, ты чего-то не знаешь? Какой-нибудь малости? **Помолчи, умоляю тебя.** Никто тебя не бросает, мы едем вместе, а Фиру твою мы будем содержать из Америки. Я буду там зарабатывать много денег...
(*Медея и ее дети, с. 136*)

В приведенном фрагменте просьба оформлена посредством императивной конструкции (*Помолчи*), усиленной эксплицитным перформативом (*умоляю тебя*). Развернутое обращение и серия риторических вопросов предшествуют формулировке побуждения и выполняют функцию коммуникативной подготовки адресата. Использование данных средств позволяет квалифицировать высказывание как прямую просьбу повышенной прагматической интенсивности, реализованную в условиях высокой межличностной близости.

В официальных или институциональных контекстах для привлечения внимания адресата используются иные эксплицитно перформативные формулы, в частности конструкция *Прошу обратить внимание*, обладающая формальным и нейтрально-вежливым характером. Грамматически данная формула оформляется как просьба, однако в прагматическом плане она направлена на фокусирование внимания адресата на значимой информации:

(1) — **Прошу обратить внимание.** Это беременная матка с проросшим луком. Луковица вводится в шейку матки, прорастает. Корневая система пронизывает плод, после чего извлекается вместе с плодом. В удачном случае, разумеется. Неудачные попадают ко мне на стол или прямо на Ваганьково... Вторых больше...

— Вы шутите... — отшатнулся партийный деятель. (*Казус Кукоцкого*, с. 23)

(2) К тому же он проявил необыкновенную выдержку, отвечал четыре часа, и когда наконец ему был задан вопрос, на который он не смог ответить, он засмеялся и сказал комиссии, состоявшей из пяти человек:

— Вопрос поставлен некорректно, но все-таки **я прошу обратить ваше внимание на то, что ни один из заданных мне вопросов не входит в школьную программу.**

— Он понимал, что терять ему нечего, и пошел ва-банк: — Я чувствую, что следующим вопросом будет теорема Ферма. (*Медя и ее дети*, с. 116–117)

В обоих случаях перформативная формула *прошу обратить внимание* включает глагол просьбы и инфинитивную конструкцию, обозначающую цель речевого действия, т.е. актуализацию определенного фрагмента информации в поле внимания адресата. Использование данной модели соответствует условиям

формального общения и взаимодействия с адресатом более высокого или значимого статуса.

На основе вышесказанного, можно прийти к выводу, что эксплицитно перформативные конструкции с глаголами *просить* и *умолять* варьируются в зависимости от коммуникативного контекста и типа социального взаимодействия, выступая средствами точной маркировки иллокутивной силы просьбы.

2) Косвенные просьбы

В повседневной речевой коммуникации просьбы не всегда реализуются в прямой форме. Одним из распространенных способов их выражения являются косвенные средства побуждения, которые в ряде прагматических работ рассматриваются как менее угрожающие по сравнению с прямыми директивами. В русском языке в таких случаях часто используются вопросительные конструкции, что соотносится с принципом вежливости и формально предоставляет адресату возможность отказа от выполнения действия¹¹².

Косвенные просьбы, как правило, требуют опоры на коммуникативный контекст — они не обладают однозначной иллокутивной интерпретацией вне конкретной ситуации общения. В художественной прозе Людмилы Улицкой подобные конструкции нередко реализуются посредством вопросительных высказываний, которые выполняют функцию имплицитного побуждения, не нарушая при этом рамок неформального межличностного взаимодействия.

Рассмотрим следующий пример:

— Елена, я уезжаю от вас.

— **Что же ты со мной делаешь?** — ахнула Елена. — **Как же ты меня оставишь?**

(Казус Кукоцкого, с. 46)

¹¹² Д.Х. Можде, *Просьба в современной русской речи в не прямой форме*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика» 2014, № 3, с. 175–183.

Представленная здесь коммуникативная ситуация характеризуется высокой степенью межличностной близости между участниками диалога, что обуславливает отсутствие формализованных средств обращения и вежливых маркеров. В приведенном фрагменте вопросительные конструкции (*Что же ты со мной делаешь?*, *Как же ты меня оставишь?*) не направлены на получение информации в собственном смысле, а функционируют как косвенные формы выражения просьбы. Их иллокутивная интерпретация становится возможной только в контексте данной ситуации и основывается на общих знаниях собеседников о характере их отношений.

Иногда реализация просьбы может затрагивать такие коммуникативные параметры, как право адресата на автономию, свободу выбора и непоотревоженность. В подобных случаях говорящий прибегает к стратегиям смягчения, направленным на минимизацию потенциальной лицоугрожающей силы побуждения¹¹³. Рассмотрим следующий пример:

— Шурик! Я возле института. Представляешь, девочки уехали, ключи от комнаты увезли, а коменданта нет. Я домой попасть не могу. **Ничего, если я зайду?** — хихикнула она не вполне уверенно.

— Ну конечно, Аль, о чем ты говоришь? Тебя встретить? (*Искренне ваши Шурик*, с. 220)

В данном фрагменте просьба оформляется посредством косвенной стратегии, включающей последовательность коммуникативных ходов: обращение к адресату, развернутую экспликацию ситуации и вопросительную конструкцию *Ничего, если я зайду?*, выражающую просьбу о разрешении. Использование уменьшительной формы имени (*Шурик*) и предварительное описание обстоятельств создают прагматический контекст, в рамках которого побуждение интерпретируется как минимально навязчивое.

Вопросительная конструкция *Ничего, если я зайду?* грамматически представляет собой запрос о допустимости действия, а в прагматическом плане

¹¹³ Е.Г. Которова, *Модель речевого поведения «Просьба»...*, с. 69.

функционирует как косвенная просьба. Компонент *ничего* в данном контексте соотносится с идеей отсутствия возражений со стороны адресата и выступает эквивалентом формул *не против, не возражаете*. Условное придаточное предложение *если я зайду* конкретизирует предполагаемое действие, на выполнение которого запрашивается согласие.

Ответная реплика адресата (*Ну конечно, Аль, о чем ты говоришь? Тебя встретить?*) указывает на принятие побуждения. Она содержит дополнительные элементы поддерживающего характера, что позволяет рассматривать данный диалог как завершенную коммуникативную последовательность, включающую просьбу и ее успешную интерпретацию адресатом.

Косвенные просьбы реализуются также в ситуациях общения с адресатами, с которыми говорящего не связывают близкие отношения. В подобных контекстах просьба нередко оформляется посредством вопросительной конструкции с последующей конкретизацией и мотивировкой, что позволяет минимизировать степень коммуникативного давления. Проиллюстрируем это следующим примером:

— **Картошки нам купите? Два кило, пожалуйста.** Мне Таню оставить не с кем, а она туда не дойдет, устанет. И укропу пучок. Только у меня денег с собой нет. — Она говорила очень быстро, чуть-чуть пришепетывая, и розовела на глазах. (*Медя и ее дети*, с. 22)

В данном фрагменте просьба начинается вопросительным высказыванием (*Картошки нам купите?*), которое выполняет функцию имплицитного побуждения. Далее следует конкретизация требуемого действия (*Два кило, пожалуйста*), а также развернутая мотивировка, поясняющая коммуникативную ситуацию. Подобная последовательность речевых ходов формирует контекст, в рамках которого просьба интерпретируется как ненавязчивая и ориентированная на учет возможных ограничений адресата.

Такая форма просьбы часто помогает также избежать отказа. Подробное объяснение причины просьбы можно считать вежливым оправданием человека,

который нуждается в помощи, но который стесняется того, что вынужден о ней просить. Это также проявляется в поведении (также речевом) женщины — *говорила очень быстро, чуть-чуть пришепетывая и розовела на глаза.*

Подытоживая, можно сказать, что сопоставление различных реализаций речевого акта просьбы показывает, что выбор прямых или косвенных стратегий определяется совокупностью факторов, включая характер межличностных отношений, социальный статус и возраст участников коммуникации, а также конкретные условия речевой ситуации. Гендерный параметр в данном случае не функционирует изолированно и проявляется лишь во взаимодействии с указанными коммуникативными переменными.

Проведенный анализ показал также, что речевой акт просьбы как разновидность директивных актов отличается высокой прагматической вариативностью и реализуется как в прямой, так и в косвенной форме. Прямые просьбы преимущественно оформляются посредством императивных конструкций и эксплицитно перформативных формул, иллокутивная сила которых может модифицироваться за счет различных прагматических средств, включая формы обращения, повтор и элементы мотивировки. Косвенные просьбы, напротив, реализуются через вопросительные и контекстно обусловленные конструкции, требующие интерпретации в рамках конкретной коммуникативной ситуации и позволяющие снизить степень давления на адресата.

3.2.5. Жалоба

Мы часто сталкиваемся с жалобами как с вербальными реакциями на неблагоприятные ситуации, возникающие в повседневном общении. В лингвистическом плане жалоба может быть определена как способ речевого выражения недовольства или неудовлетворенности, реализуемый в различных формах — от кратких высказываний типа *мне холодно* до развернутых текстов, включающих описание обстоятельств, послуживших поводом для высказывания. Исследования показывают, что формы реализации жалобы варьируются в зависимости от коммуникативной ситуации и прагматической интенции

говорящего¹¹⁴.

Жалоба относится к речевым актам, посредством которых говорящий выражает отрицательную оценку определенного положения дел. По мнению Натальи Формановской, обращение к жалобе служит средством вербализации субъективно значимого дискомфорта и, как правило, реализуется в коммуникации с адресатами, связанными с говорящим близкими или доверительными отношениями¹¹⁵.

Алина Поспелова рассматривает жалобу как речевой акт, отражающий оценочное восприятие действительности и направленный на информирование адресата о неудовлетворительном положении вещей. При этом жалоба выполняет не только экспрессивную, но и интерактивную функцию, поскольку предполагает определенную реакцию со стороны адресата и может быть ориентирована на побуждение его к отклику или действию¹¹⁶. Содержательно объектом жалобы могут выступать конкретные лица, события, предметы или явления окружающей действительности.

В структурном отношении речевой акт жалобы, как правило, включает два взаимосвязанных компонента: (1) экспликацию негативной оценки и (2) указание на причину, обусловившую данную оценку¹¹⁷. В ряде случаев для реализации жалобы используются элементы повествования, позволяющие представить ситуацию в развернутом виде и тем самым обосновать высказанное недовольство. Можно тогда сказать, что в устной коммуникации жалоба нередко приобретает черты смешанного речевого образования, сочетающего характеристики оценочного высказывания и нарративного фрагмента. Преобладание того или иного компонента определяется коммуникативной задачей говорящего и условиями конкретной ситуации общения¹¹⁸.

Жалоба как речевой акт, как правило, реализует двойную коммуникативную направленность: с одной стороны, она служит средством экспликации

¹¹⁴ К. Wyrwas, *Skarga potoczna w strukturze narracyjnej*, «Stylistyka» 2005, т. 14, с. 399.

¹¹⁵ Н.И. Формановская, *Этикет русского письма*, Москва 1989, с. 93–94.

¹¹⁶ А.Г. Поспелова, *Функциональный аспект изучения речевых актов: Иллокутивно-интерактивная характеристика*, в: *Трехаспектность грамматики (на материале английского языка)*, ред. В.В. Бурлакова, Санкт-Петербург 1992, с. 68–85

¹¹⁷ К. Wyrwas, *Skarga jako gatunek mowy*, Katowice 2002, с. 34.

¹¹⁸ К. Wyrwas, *Skarga potoczna w strukturze...*, с. 394.

отрицательной оценки определенного положения дел, с другой — ориентирована на воздействие на адресата с целью изменения или коррекции ситуации, воспринимаемой говорящим как неудовлетворительная. С прагматической точки зрения речевой акт жалобы можно считать коммуникативно успешным в том случае, если реакция адресата соответствует предполагаемой интенции говорящего — выражается в форме сочувственного отклика, поддерживающего комментария, совета либо практического действия, направленного на разрешение обозначенной проблемы.

Следует учитывать, что в ряде коммуникативных ситуаций жалоба может приобретать стратегический характер. В таких случаях она используется как средство речевого воздействия и реализуется путем выбора определенных прагматических и языковых средств, адаптированных к конкретному коммуникативному контексту.

Стратегически организованная жалоба нередко выполняет функцию косвенного речевого акта, ориентированного на достижение имплицитной коммуникативной цели, не выраженной эксплицитно в высказывании. В подобных случаях жалоба может служить инструментом опосредованного влияния на адресата — например, с целью изменения его поведения, актуализации желаемой реакции или перераспределения коммуникативных ролей в ситуации общения¹¹⁹.

Выражение жалобы в устной коммуникации осуществляется с использованием различных языковых и паралингвистических средств, которые могут функционировать как на уровне формальной организации высказывания, так и на уровне прагматических стратегий. Ниже мы рассмотрим наиболее типичные средства реализации данного речевого акта¹²⁰:

1) Повтор

В условиях общей осведомленности участников коммуникативной ситуации повтор отдельных слов, конструкций или элементов высказывания может выполнять прагматическую функцию усиления оценочного компонента. Намеренное дублирование позволяет акцентировать внимание адресата на

¹¹⁹ Ю.Г. Липко, *Стратегическое использование жалобы*, «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» 2006, № 2, с. 241–244.

¹²⁰ 徐晓丹, *俄语抱怨言语行为研究*, 东北师范大学 2006, 第 14–15 页。

источнике недовольства и повышает экспрессивную насыщенность высказывания.

2) Интонация

Интонация играет существенную роль в формировании прагматического значения высказывания. При одинаковом синтаксическом оформлении различия в интонационном контуре способны существенно изменить коммуникативный эффект реплики. В частности, использование восклицательной или подчеркнуто экспрессивной интонации может служить маркером жалобы, сигнализируя о негативной оценке ситуации.

3) Вопросительные предложения

Хотя вопросительные конструкции в своей базовой функции предназначены для запроса информации, в реальной речевой практике они нередко реализуют вторичные коммуникативные значения, включая выражение упрека или жалобы. Подобные конструкции приобретают соответствующую интерпретацию лишь при наличии определенных прагматических условий — контекста, интонации и лексического наполнения. В отсутствие этих факторов вопросительное предложение не реализует функцию выражения недовольства.

4) Императивное предложение

Императивные конструкции традиционно используются для выражения побуждения, однако их функциональный потенциал значительно шире. В зависимости от контекста и интонации императив может приобретать значение упрека или жалобы, реализуя оценочную функцию при формально директивном оформлении высказывания.

5) Косвенные речевые акты

Особое место в реализации жалобы занимают косвенные речевые акты, позволяющие выразить недовольство без его прямой вербализации. Использование косвенной жалобы представляет собой прагматическую стратегию, направленную на снижение коммуникативного напряжения, предотвращение конфликта и сохранение вежливости в межличностном взаимодействии.

Таким образом, жалоба в устной речи реализуется посредством совокупности разноуровневых средств — от формально-интонационных до прагматико-стратегических. Эти средства, как правило, функционируют не

изолированно, а в комбинации, формируя комплексные коммуникативные стратегии, направленные на выражение оценочного отношения и достижение определенного прагматического эффекта в конкретной ситуации общения.

Использование жалоб в речевом поведении может указывать на гендерно обусловленные различия, связанные с выбором прагматических стратегий и способов речевой организации высказывания. Подобные различия являются предметом анализа в социолингвистике и гендерной лингвистике и рассматриваются как результат социокультурных факторов, а не как универсальные или биологически детерминированные характеристики¹²¹.

Во-первых, различия могут проявляться на уровне частотности использования жалоб. В ряде исследований отмечается, что в повседневной коммуникации женщины чаще прибегают к вербализации недовольства в ситуациях бытового и межличностного взаимодействия, тогда как мужская речь нередко характеризуется большей сдержанностью в аналогичных контекстах. Данные тенденции соотносятся с различиями в социальных ролях и коммуникативных ожиданиях, закрепленных в культуре¹²².

Во-вторых, различия наблюдаются в способах языковой реализации жалобы. В анализируемом нами материале мужские реплики чаще оформляются как прямые и эксплицитные речевые акты, тогда как женская речь характеризуется большей склонностью к использованию косвенных форм, эвфемистических средств и маркеров вежливости, что может интерпретироваться как прагматическая стратегия снижения конфликтоопасности высказывания¹²³.

В-третьих, гендерные различия затрагивают и тематическую направленность жалоб. Женские жалобы в художественном дискурсе Л. Улицкой преимущественно связаны с семейной, бытовой и межличностной сферой, тогда как мужские жалобы чаще ориентированы на общественные, профессиональные

¹²¹ См. об этом, напр., D. Tannen, *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*, New York 1990; J. Coates, *Women, Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language*, London–New York 2013.

¹²² R. Lakoff, *Language and Woman's Place...*

¹²³ *Politeness markers* — маркеры вежливости — это языковые элементы, которые явно указывают на вежливость, учет «лица» собеседника, стремление говорить так, чтобы не задеть адресата. Они могут быть выражены словами, интонацией, формулами вежливости и конструкциями смягчения: J. Holmes, *Women, Men and Politeness*, London 1995, с. 72–86.

и идеологические вопросы. Подобное распределение тем обусловлено социокультурным контекстом и ролевой дифференциацией персонажей, а не универсальными особенностями гендерной коммуникации¹²⁴.

Наконец, различия проявляются и в типах реакций на жалобу собеседника. Женские ответные реплики, как правило, реализуют кооперативные стратегии и включают средства поддерживающего отклика — междометия, уточняющие вопросы, советы или смягченные формы несогласия. Мужские реакции чаще ориентированы на редукцию коммуникативного эпизода и могут выражаться в форме кратких комментариев, рационализирующих оценок либо смены темы. В обоих случаях речь идет о различных прагматических моделях реагирования, соотносимых с коммуникативными ролями и контекстом взаимодействия.

С прагматической точки зрения жалобы могут подразделяться на прямые и косвенные в зависимости от соотношения между адресатом высказывания и объектом выраженного недовольства, а также степени эксплицитности упрека. Основное различие между ними заключается в том, что в случае прямой жалобы адресат выступает непосредственным объектом негативной оценки, тогда как при косвенной жалобе недовольство выражается по поводу действий или ситуаций, связанных с третьим лицом либо с обобщенным источником проблемы, без прямого обращения к ответственному субъекту.

1) Прямые жалобы

Прямая жалоба представляет собой речевой акт, посредством которого говорящий открыто и эксплицитно выражает недовольство или претензию по отношению к лицу, организации или учреждению, рассматриваемым как источник возникшей проблемы. Для такой формы жалобы характерны высокая степень

¹²⁴ J. Coates, *Women, Men and Language...* Данные вопросы обсуждаются автором, в частности, в главах: «Gender Differences in Conversational Practice», «Same-sex Talk». Этим проблемам уделяет внимание также Д. Кэмерон, которая показывает, как мужчины используют речевые стратегии для построения и подтверждения маскулинной идентичности. Анализируя предпочтительные тематики мужской речи (политика, секс, спорт, власть), она подчеркивает, что мужчины сознательно избегают так называемых «женских» тем, таких как личные переживания или семейные отношения, поскольку последние воспринимаются как угроза гендерной идентичности: D. Cameron, *Performing Gender Identity: Young Men's Talk and the Construction of Heterosexual Masculinity*, в: *Language and Masculinity*, ред. S. Johnson, U.H. Meinhof, Oxford 1997, с. 47–64.

адресности, ясная аргументация и ограниченное использование смягчающих средств¹²⁵.

С прагматической точки зрения реализация прямой жалобы предполагает наличие ряда условий, обеспечивающих ее интерпретируемость как соответствующего речевого акта:

1) Нарушение ожиданий: в коммуникативной ситуации актуализируется несоответствие между ожидаемым и фактическим положением дел (например, невыполнение обязательства, отказ от договоренности, причинение ущерба и т. п.);

2) Негативная оценка ситуации: данное несоответствие получает в высказывании эксплицитную или имплицитную негативную квалификацию;

3) Установление ответственности: источник нарушения соотносится с адресатом жалобы, который в рамках ситуации рассматривается как ответственное лицо;

4) Эксплицитная реализация оценочного намерения: негативная оценка вербализуется в форме прямого речевого воздействия, направленного на адресата.

Наличие указанных условий позволяет квалифицировать высказывание как прямую жалобу и отличить ее от косвенных форм выражения недовольства.

Рассмотрим пример прямой жалобы, реализованной в диалоге персонажей художественной прозы Л. Улицкой:

Это ужасная опасность для всех матерей-одиночек, — безжалостно уточняла Елизавета Ивановна, — соединять себя и ребенка в один организм.

— Почему ты так говоришь, мамочка, — с обидой возражала Вера, — у ребенка, в конце концов, есть отец, и он будет принимать участие в его воспитании...

— Проку от него будет как от козла молока. Можешь мне поверить, — припечатала Елизавета Ивановна. (*Искренне ваш Шурик*, с. 185)

В данном фрагменте реплика Веры представляет собой прямую жалобу, адресованную непосредственному источнику оценочного суждения — матери. Негативная реакция на высказывание Елизаветы Ивановны выражается

¹²⁵ 刘惠萍, *抱怨语的语用研究*, 广西社会科学 2004 (2), 第 125–128 页。

эксплицитно, однако реализуется в смягченной форме. Смягчение жалобы достигается за счет использования уменьшительно-ласкательной формы обращения (*мамочка*), а также аргументативного компонента (*у ребенка, в конце концов, есть отец*), который переводит высказывание из плоскости прямого упрека в плоскость оценочного возражения. Подобная комбинация эксплицитной адресности и прагматического смягчения позволяет квалифицировать реплику как прямую жалобу с пониженной конфликтностью.

Ответная реплика Елизаветы Ивановны содержит фразеологизм *как от козла молока* (разг., пренебр.), который в словарном толковании означает ‘полное отсутствие пользы, помощи или результата’¹²⁶. Использование данного устойчивого выражения усиливает оценочную категоричность высказывания и придает ему ярко выраженную экспрессивную окраску.

Вместе с тем разговорный и образный характер фразеологизма выполняет и прагматическую функцию: он позволяет реализовать резкую негативную оценку в форме, типичной для повседневного устного общения, где экспрессивность нередко сочетается с элементами речевой игры. В результате фразеологизм функционирует не только как средство прямой оценочной жалобы, но и как инструмент регуляции межличностного взаимодействия в диалоге.

Рассмотрим следующий пример прямой жалобы, реализованной в диалоге между супругами:

— Это хорошая работа. Я в ней понимаю.

— Да чего же в ней хорошего? — искренне удивлялся Павел Алексеевич.

— Не могу тебе объяснить. Это красиво.

— Пожалуй, — лукаво соглашался Павел Алексеевич. — Да только очень уж простенько. — Поддразнивал.

— Ах, Паша, что ты говоришь! — обижалась Елена. — Ничего не простенько. Иногда очень даже сложно бывает.

Павел Алексеевич ловил эту минуту, когда менялось ее обыкновенно кроткое выражение. Она слегка встряхивала головой, пушистые завитки с боков лба, всегда

¹²⁶

А.И. Федоров, *Фразеологический*
<https://udarenieru.ru/index.php?doc=как%20от%20козла%20молока> (27.07.2024).

словарь...

выбивающиеся из пучка, подрагивали, губы морщились в уголках.

— Я имею в виду, что там все механическое, никакой тайны нет, — он выставил перед ней указательный палец. — В одном человеческом пальце больше тайны, чем во всех ваших чертежах. (*Казус Кукоцкого*, с. 31)

В данном фрагменте реплики Павла Алексеевича содержат выраженную негативную оценку профессиональной деятельности Елены. Использование сниженной оценочной лексики (*простенько, все механическое*), а также гиперболической конструкции (*в одном человеческом пальце больше тайны...*) служит средством дискредитации значимости ее труда и формирует конфликтный прагматический фон высказывания.

Ответная реплика Елены представляет собой прямую жалобу, адресованную непосредственному источнику негативной оценки, однако реализованную в экспрессивно-смягченной форме. Недовольство выражается не через декларативное обозначение позиции, а посредством комплекса языковых средств: междометие *ах* усиливает оценочную экспрессивность высказывания; реплика *что ты говоришь!* функционирует как форма мягкого упрека и несогласия; аргументативное высказывание (*ничего не простенько...*) служит рациональным обоснованием жалобы. Дополнительную смягчающую функцию выполняет уменьшительно-ласкательная форма обращения (*Паша*), которая снижает конфликтоопасность высказывания и переводит жалобу в рамки межличностного диалога. Подобная стратегия позволяет квалифицировать реплику как прямую жалобу с пониженной степенью прагматической агрессии¹²⁷. Ответная реакция Павла Алексеевича, выраженная в форме поясняющего комментария, подтверждает диалогический характер жалобы: даже при отсутствии формально

¹²⁷ J. Holmes, *Women, Men...*, с. 72–86; D. Tannen, *You Just Don't Understand...* Дж. Холмс рассматривает различия в стратегиях вежливости, используемых мужчинами и женщинами. Особое внимание уделяется тому, что женщины чаще применяют стратегии **позитивной вежливости**, в том числе: уменьшительно-ласкательные формы обращения, риторические вопросы, экспрессивные междометия, **смягчающие конструкции** и **ограничители категоричности** (*hedges*). Она подчеркивает, что женщины склонны выражать недовольство, возражение или критику **в не прямой форме**, часто с использованием эмоциональной лексики и невербальных сигналов, стремясь избежать конфликта и сохранить гармонию общения. Д. Таннен же анализирует асимметрии в речевом поведении мужчин и женщин. Она показывает, что женщины чаще выражают чувства и недовольство не прямо, а с помощью интонации, эмоциональных реакций, мимики и тонких лексических сигналов.

оформленного упрека жалоба выполняет функцию прагматического воздействия и инициирует дальнейшее развитие коммуникативного взаимодействия.

В отличие от предыдущих примеров, где жалоба реализовывалась в смягченной или эвфемистической форме, реплика Елизаветы Ивановны в данном фрагменте представляет собой прямую и эксплицитную жалобу, включающую элементы упрека и негативной оценки:

— Как же это он помогал, если умер? — попытался уяснить Шурик. Он выпучил желто-карие глаза в круглых бровях.

— Право, у тебя соображение как у пятилетнего дитяти, — рассердилась Елизавета Ивановна. — С того света! Разумеется, я продавала камешек за камешком.

[...]

Шурик пошел в свою комнату, к которой еще не совсем привык, и врубил магнитофон. Взыла музыка. Ему надо было обдумать это сообщение, оно было одновременно и важным, и совершенно бессмысленным, а под музыку ему всегда думалось лучше. (*Искренне ваш Шурик*, с. 182)

Жалоба адресована непосредственно собеседнику и оформлена в виде экспрессивного высказывания с использованием сравнительной конструкции (*как у пятилетнего дитяти*), обладающей ярко выраженной сниженной и оценочной коннотацией. Данное средство усиливает прагматическую агрессивность реплики и переводит жалобу в плоскость прямой критики адресата.

В прагматическом отношении высказывание сочетает функции выражения недовольства и упрека, реализуя модель иерархически маркированного речевого воздействия, характерного для семейной коммуникации с асимметричным распределением ролей (старший — младший). Жалоба в данном случае выполняет не только оценочную, но и регулятивную функцию, направленную на коррекцию поведения адресата. Реакция Шурика представляет собой отказ от вербального продолжения коммуникативного эпизода: адресат не вступает в диалог и покидает ситуацию общения. Такое поведение может быть интерпретировано как прагматическая стратегия уклонения от конфронтации, при которой жалоба не получает вербального отклика, но при этом сохраняет воздействие в рамках

коммуникативной ситуации.

Как и в приведенном выше примере, в художественном дискурсе Л. Улицкой женщины, обладающие более высоким социальным статусом, реализуют прямые жалобы в коммуникации с подчиненными. Рассмотрим следующий фрагмент:

— А телевизор! Телевизор-то включить! — заволновалась Фаина Ивановна и поискала глазами телевизор. Телевизора не было.

— Как это? В наше время и без телевизора! — изумилась Фаина Ивановна.
(*Искренне ваш Шурик, с. 221*)

В данном фрагменте жалоба реализуется в открытой и эксплицитной форме, без использования смягчающих средств, что соответствует вертикальному типу коммуникативных отношений. Объект жалобы — отсутствие телевизора — выступает поводом для упрека, адресованного подчиненному имплицитно, через ситуацию и контекст. Прагматическая сила жалобы формируется за счет сочетания нескольких языковых средств: повтор (*телевизор! телевизор-то включить!*) усиливает акцент на объекте недовольства; восклицательные конструкции маркируют высокую степень оценочной экспрессивности; риторический вопрос (*Как это?*) функционирует как форма упрека, не предполагающая ответа; апелляция к обобщенной норме (*в наше время*) придает жалобе характер социально легитимированного требования.

В результате жалоба выполняет не только оценочную, но и регулятивную функцию, выступая инструментом утверждения иерархии и контроля над ситуацией общения. Подобная форма прямой жалобы характерна для коммуникативных практик, в которых асимметрия статусов позволяет говорящему минимизировать стратегию вежливости и использовать жалобу как средство нормативного воздействия.

Далее мы обратимся к примерам прямых жалоб, реализованных мужскими персонажами в диалоге с друзьями:

(1) — Илюша, я думаю, ты, как всегда, преувеличиваешь. Не интересуется их

космополитизм. Я думаю, все проще — наш Хозяин просто хочет скрутить голову евреям. (*Казус Кукоцкого*, с. 37)

(2) — Ребенок, ребенок. Сам ты ребенок, Илюша. Приступ старческой ветрянки. Прописываю тебе *Spiritus vini* три раза в день по сто пятьдесят грамм. Как у тебя после восьми лет лагерей язык поворачивается произносить это ужасное слово им-пе-ри-а-лизм? (*Казус Кукоцкого*, с. 99)

Оба фрагмента содержат примеры прямой жалобы в форме аргументативного и оценочного высказывания, встроенного в полемический обмен мнениями по общественно значимым темам — политике, идеологии и историческому опыту. Жалоба в данном случае не оформляется как изолированный речевой акт, а функционирует как часть дискурса несогласия и критики позиции собеседника.

Прагматическая структура жалобы формируется здесь за счет совокупности языковых средств: оценочных высказываний (*ты преувеличиваешь, сам ты ребенок*), повторов (*Ребенок, ребенок*), усиливающих экспрессивность реплики, вопросительно-восклицательных конструкций, а также иноязычной вставки (*Spiritus vini*), выполняющей ироническую функцию. Использование этих средств позволяет реализовать негативную оценку в форме вербальной полемики.

Существенную роль в смягчении конфликтоопасности жалобы играет сохранение обращения по имени в уменьшительно-ласкательной форме (*Илюша*), которое функционирует как маркер солидарности и сигнализирует о доверительном характере отношений между собеседниками. В условиях равенства статуса и близости подобная стратегия позволяет сочетать жесткость аргументации с поддержанием межличностного контакта¹²⁸.

¹²⁸ См. D. Tannen, *You Just Don't Understand...* Таннен противопоставляет женский кооперативный стиль общения (*community style*) мужскому соревновательному (*contest style*). Она подчеркивает, что мужчины в дружеском взаимодействии часто используют спор, поддразнивание и острую риторику не как проявление враждебности, а как способ поддержания близости и проверки социального равенства. Такой стиль общения допускает прямые жалобы и иронические высказывания как элемент нормальной динамики взаимодействия; J. Coates, *Women, Men and Language...* Коутс же подробно анализирует речевое поведение мужчин в однополых мужских группах. Она подчеркивает, что мужчины часто прибегают к соревновательному стилю общения, в котором ценится остроумие, ирония, сарказм; допустимы прямая критика и агрессивные формы несогласия; полемика используется как форма укрепления мужской солидарности. Такой стиль общения, по ее мнению, служит не только обмену мнениями, но и утверждению

Таким образом, прямые жалобы в мужских диалогах с друзьями могут быть интегрированы в полемический дискурс и реализовываться посредством иронии, сарказма и оценочной аргументации, выполняя функции выражения несогласия, корректировки позиции собеседника и прагматического воздействия без разрушения коммуникативной связи.

В ситуациях личностных и моральных конфликтов мужские персонажи, как и женские, прибегают к реализации прямых жалоб в адрес супругов. Однако по сравнению с жалобами, адресованными друзьям, в супружеских диалогах прямая жалоба нередко характеризуется более высокой прагматической интенсивностью и конфликтоориентированным характером. Рассмотрим два соответствующих примера из прозы Л. Улицкой:

(1) — Ты что, слабоумная, Лена? Может, их бы и не было на свете. Не было бы теперь трех несчастных сирот, обреченных на нищету, голод и тюрьму.

Впервые за десять лет надвигалась на них серьезная ссора.

— Паша, что ты говоришь? — ужаснулась Елена. — Как ты можешь такое говорить? Пусть я слабоумная, но не в уме дело. Они же убивают своих детей. Как можно это разрешить? (*Казус Кукоцкого*, с. 45)

(2) — Она впечатлительный ребенок! Зачем ты вовлекаешь ее во все это? Мракобесие какое-то! Я понимаю — Василиса! Но Танечке что там делать?

— А почему ты думаешь, что у тебя есть право голоса? — Кроткая и вовсе не мстительная, она нанесла удар сокрушительный. И сама не знала, как это получилось. — Ты ведь Тане не отец... (*Казус Кукоцкого*, с. 47)

В обоих вышеприведенных фрагментах мужские реплики оформлены преимущественно в виде вопросительных конструкций с выраженной оценочной нагрузкой. Подобные высказывания (*Ты что, слабоумная?*, *Зачем ты вовлекаешь ее во все это?*, *Что там делать?*) функционируют как риторические жалобы, не ориентированные на получение ответа, а направленные на эксплицитное выражение недовольства и предъявление обвинения адресату.

социальной иерархии в группе.

Прагматическая специфика данных жалоб заключается в сочетании оценочной критики с морализаторской аргументацией, что придает высказываниям характер личного упрека и усиливает их конфликтообразующий потенциал. Использование вопросительной формы служит средством интенсификации речевого воздействия и способствует эскалации коммуникативного напряжения. Существенное значение имеет и ответная реакция жены. В обоих фрагментах она также реализуется посредством вопросительных конструкций (*Паша, что ты говоришь?, Как ты можешь такое говорить?, А почему ты думаешь, что у тебя есть право голоса?*), которые выполняют двойную прагматическую функцию: с одной стороны, они выражают несогласие с предъявленным обвинением, с другой — функционируют как контржалоба, направленная на переосмысление и отклонение исходного упрека.

Таким образом, жалоба и ответ на нее разворачиваются как диалогическая конфронтация, в которой обе стороны используют сходные формальные средства (вопросительные конструкции) для реализации противоположных прагматических целей. Прямые жалобы мужчин в супружеском дискурсе характеризуются высокой степенью оценочности и обвинительной направленности, тогда как женская реакция, как правило, оформляется в виде аргументированной и прагматически жесткой, но формально вежливой оппозиции.

Подобно тому, как пожилые женщины в анализируемом материале реализуют прямые жалобы в адрес детей, мужские персонажи также используют прямые и прагматически жесткие речевые акты, направленные на коррекцию поведения ребенка. Примеры из прозы Л. Улицкой наглядно иллюстрируют данный тип коммуникативной стратегии:

(1) — Что случилось?

— У Томи Полосухиной мать помирает. Ковырнулась она! — выпалила Таня.

— Что такое? Кто тебя сюда впустил? — взревел он. — Вниз! В приемный покой! Ждать меня там! (*Казус Кукоцкого*, с. 42)

(2) — Что ты как маленький, — разозлился Георгий. — Какое сейчас море? Соберайся, на кладбище сходим... (*Медея и ее дети*, с. 11)

В данных фрагментах прямые жалобы реализуются в форме жестких, эксплицитных речевых актов с высокой степенью директивности. Используемые вопросительные конструкции (*Что такое?, Кто тебя сюда впустил?, Что ты как маленький*) функционируют как риторические жалобы и не ориентированы на получение ответа, а служат средством выражения недовольства и предъявления требований адресату. Существенную роль в усилении прагматической силы жалобы играет глагольная лексика, сопровождающая реплики в авторском повествовании. Так, глагол *взревел* маркирует предельно высокую интенсивность речевого воздействия, а *разозлился* указывает на резкую смену коммуникативного режима в сторону жесткого контроля ситуации. Подобные глаголы функционируют как нарративные показатели конфликтоориентированного и директивного характера высказываний.

С прагматической точки зрения данные жалобы ориентированы не на поддержание диалога, а на немедленную регуляцию поведения адресата. В условиях иерархически асимметричной коммуникации (родитель — ребенок) жалоба утрачивает кооперативный характер и становится частью авторитарной стратегии речевого воздействия, направленной на утверждение контроля и нормативного порядка.

2) Косвенные жалобы

Косвенная жалоба, как следует из самого термина, представляет собой речевой акт, при котором говорящий выражает недовольство по поводу действий или ситуаций, за которые адресат высказывания не несет прямой ответственности и не обладает возможностью их изменить. Иными словами, объект жалобы находится вне зоны непосредственного контроля собеседника¹²⁹.

С прагматической точки зрения обращение к косвенной жалобе обусловлено коммуникативной целесообразностью и выбором стратегии взаимодействия. Подобная форма выражения недовольства позволяет минимизировать конфликтоопасность высказывания, сохранить вежливый и нейтральный тон

¹²⁹ 徐晓丹, *俄语抱怨言语行为研究*, 东北师范大学 2006, 第 13 页。

общения, а также адаптировать речевое поведение к условиям формальной коммуникации или асимметрии социальных статусов.

Несмотря на отсутствие прямой адресации упрека, косвенная жалоба, как правило, ориентирована на получение определенного отклика со стороны адресата. Возможные типы реакций на косвенную жалобу могут быть классифицированы следующим образом: (1) Выражение сожаления — формализованный поддерживающий отклик (*жалко, как обидно, как жаль* и т.п.), не предполагающий дальнейших коммуникативных действий; (2) Выражение сочувствия или сострадания — кооперативный ответ, направленный на поддержание контакта и подтверждение солидарности с говорящим; (3) Утешение — ответные речевые акты, ориентированные на снижение напряженности коммуникативной ситуации и стабилизацию взаимодействия (*не переживай, все наладится* и др.)¹³⁰.

Можно тогда сказать, что косвенная жалоба функционирует как прагматический инструмент, направленный не на обвинение адресата, а на мобилизацию поддерживающего или кооперативного отклика в рамках межличностного общения.

Рассмотрим пример косвенной жалобы в диалоге между близкими людьми:

— Ах, ты ничего не понимаешь. Здесь я сама не доживу. Это отца моего надо знать. Он деспот ужасный. Ни слова поперек не терпит. Вся область его боится. Даже ты. Вот он захотел, чтоб ты приехал, ты и приехал...

— Лен, ты что, с ума сошла? Я приехал, потому что ты попросила. При чем тут твой отец? (*Искренне ваш Шурик, с. 255*)

В данном фрагменте реализуется косвенная жалоба, объект которой не совпадает с адресатом высказывания. Недовольство формально направлено на третье лицо — отца героини, описываемого посредством резко негативной оценочной лексики (*деспот ужасный, ни слова поперек не терпит*), тогда как адресатом жалобы выступает собеседник. Прагматическая специфика этого

¹³⁰ 刘星, 试论俄语间接抱怨语及其答语的常见表达方式, 俄语学习 2016 (1), 第 49-54 页。

высказывания заключается в том, что негативная оценка третьего лица функционирует как средство самопрезентации говорящего и инициирования поддерживающего отклика со стороны адресата. Использование междометия *ах*, формы личного обращения *ты*, а также развернутого оценочного описания ситуации формирует кооперативную установку общения и задает рамки неформального, доверительного взаимодействия. Ответная реплика Шурика является типичной реакцией на косвенную жалобу: адресат отрицает предложенную интерпретацию ситуации (*я приехал, потому что ты попросила*) и тем самым переадресует ответственность, не принимая на себя роль объекта упрёка. Подобная реакция подтверждает, что жалоба функционирует не как требование действия, а как средство актуализации межличностного диалога.

Данный пример позволяет выделить основные прагматические функции косвенной жалобы: выражение недовольства через негативную оценку третьего лица; ориентацию на поддерживающий или кооперативный отклик адресата; использование жалобы как средства регулирования межличностного взаимодействия, а не как инструмента прямого воздействия.

Рассмотрим примеры косвенных жалоб, реализованных в семейной коммуникации и направленных на обсуждение поведения близких в разговоре с третьим лицом:

— Да, пора уже. Как Костя-то?

— А чего ему сделается? То пьет, то болеет. Хорошая жизнь... (*Медя и ее дети*, с. 14)

В данном фрагменте косвенная жалоба адресована не объекту недовольства (мужу), а собеседнику, выступающему в роли третьей стороны. Негативная оценка поведения супруга реализуется посредством совокупности языковых средств. Риторический вопрос *А чего ему сделается?* не ориентирован на получение информации и функционирует как средство иронического отрицания наличия у объекта жалобы реальных трудностей. Параллельная конструкция *то пьет, то болеет* представляет собой риторический параллелизм, подчеркивающий

повторяемость и непродуктивность описываемого поведения. Ироническое высказывание *Хорошая жизнь...*, формально обладающее положительной оценкой, вступает в семантическое противоречие с предшествующим контекстом и тем самым реализует функцию скрытой негативной оценки.

Аналогичный механизм косвенной жалобы наблюдается и в следующем фрагменте:

— Странный характер у твоего братца, — объявила под конец Таня, — Илья Иосифович уже полгода как сидит, а он ни разу квартиру не убрал.

— Ты не понимаешь, это мемориальный уголок, квартира-музей... (*Казус Кукоцкого*, с. 195)

Здесь жалоба оформлена в виде оценочного комментария о третьем лице, отсутствующем в ситуации общения. Негативная оценка реализуется имплицитно — через сопоставление социально значимого факта (*полгода как сидит*) и ожидаемого, но не выполненного действия (*ни разу квартиру не убрал*). Подобное соотнесение выполняет функцию упрека, не оформленного в виде прямого обвинения.

В обоих примерах косвенная жалоба служит средством выражения недовольства без прямой конфронтации с объектом оценки. Адресация жалобы третьему лицу позволяет говорящему сохранить вежливый и непрямой характер высказывания, одновременно ориентируя его на поддерживающий или солидаризирующий отклик со стороны собеседника.

Подытоживая, можно сказать, что в семейной коммуникации косвенные жалобы часто направлены на обсуждение поведения близких и функционируют как прагматический инструмент регулирования межличностных отношений, не предполагая немедленного разрешения ситуации, а актуализируя кооперативное взаимодействие между участниками диалога.

В семейной коммуникации косвенные жалобы нередко касаются поведения общих членов семьи, в частности детей, которые выступают значимым объектом обсуждения в межличностном взаимодействии родителей. Рассмотрим пример

косвенной жалобы, адресованной супругу и направленной на оценку поведения дочери:

— Она не учится... ничего не делает... в школе ее ругают... какие-то намеки гадкие эта ее... Раиса Семеновна...

Роберт Викторович утешал ее:

— Оставь, Соня, оставь. Это все мертвое и смердит отвратительно... Да пусть она бросит эту убогую школу. Кому она нужна... (*Сонечка*, с. 21)

В данном фрагменте жалоба формально адресована супругу, однако ее объектом является третье лицо — дочь и связанная с ней школьная ситуация, что позволяет квалифицировать высказывание как косвенную жалобу. Недовольство выражается посредством совокупности языковых средств, характерных для устной экспрессивной речи: фрагментированных высказываний (*она не учится... ничего не делает...*), перечислительных конструкций и эллипсиса, которые усиливают оценочную насыщенность реплики.

Прагматически подобная форма жалобы ориентирована на вовлечение адресата в совместное осмысление ситуации и актуализацию поддерживающего отклика. Реакция мужа представляет собой кооперативный ответ, реализованный в форме утешения. Повтор императива (*оставь, Соня, оставь*) выполняет функцию регуляции коммуникативного эпизода и снижает напряженность диалога; уменьшительная форма имени (*Соня*) служит маркером солидарности; оценочная лексика (*убогая школа, это все мертвое*) способствует переоценке значимости обсуждаемой проблемы.

Таким образом, в анализируемом фрагменте косвенная жалоба функционирует как средство совместного обсуждения проблемной ситуации, а ответная реплика адресата — как прагматическая стратегия поддержания кооперативного характера взаимодействия. Различие в способах речевой реализации жалобы и реакции на нее отражает не столько универсальные гендерные модели, сколько распределение коммуникативных ролей в рамках конкретного семейного диалога.

Иногда пожилые персонажи в художественном дискурсе Улицкой реализуют

косвенные жалобы в открытой и экспрессивной форме, используя богатый набор оценочных и риторических средств, характерных для устной речи. Рассмотрим пример косвенной жалобы, направленной на третье лицо:

— Какая низость, какая черная неблагодарность, — клокотала Бела Зиновьевна, волоча за руку упирающуюся Лилечку к бодровскому жилью. [...] (*Второго марта того же года...*, с. 132)

В данном фрагменте объектом жалобы является третье лицо, отсутствующее в ситуации общения, что позволяет квалифицировать высказывание как косвенную жалобу. Реплика *какая низость, какая черная неблагодарность* представляет собой риторическую конструкцию с анафорическим повторением, усиливающим оценочную экспрессивность высказывания.

Сопутствующее описание невербального действия (*волоча за руку упирающуюся Лилечку*) не выступает самостоятельным средством выражения жалобы, однако усиливает прагматический эффект высказывания, встраивая его в динамичную сцену конфликтного взаимодействия.

Таким образом, косвенная жалоба в данном фрагменте реализуется как экспрессивное оценочное высказывание, направленное на третье лицо и выполняющее функцию публичного морального осуждения, адресованного слушателям в рамках конкретной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим теперь пример косвенной жалобы в форме развернутого повествовательного высказывания, направленного на описание собственной жизненной ситуации:

— А жили мы в Нахаловских бараках. Одна стена — чистый лед, а протопят как следует — вода течет, и нас шестеро вот в такой каморе. Мать наша — деревня деревней, сестра Маруся — пьянь, рвань, в жопе ветер, да выблядки ее сопливые... — Томка строго посмотрела на обмерших чистеньких девочек. — Ума ни у кого нет, об себе позаботиться не могут, не то что обо мне, безрученькой. А кому Бог ума не дал, то плохо, я скажу. Ну, я эту бумагу в зубы и иду в жилотдел... (*Дар нерукотворный*, с. 103)

В данном фрагменте косвенная жалоба реализуется в виде нарративного высказывания, насыщенного бытовыми деталями, разговорной и сниженной лексикой. Объектом жалобы выступает не конкретный адресат, а совокупность жизненных обстоятельств, представленных как неблагоприятные и несправедливые. Прагматическая специфика высказывания заключается в сочетании оценочной жалобы с объяснительным повествованием. Повторяющиеся синтаксические конструкции и перечисления формируют ритмическую структуру речи, усиливающую ее экспрессивную насыщенность, а резкая оценочная лексика (*пьянь, рвань, в жопе ветер*) придает высказыванию характер открытой разговорной экспрессии и имплицитного упрека обстоятельствам жизни.

С прагматической точки зрения подобная форма косвенной жалобы выполняет функцию аргументативной легитимации позиции говорящего. Через описание собственного жизненного опыта говорящая обосновывает свои действия и выстраивает объяснительную рамку, в которой неблагоприятные обстоятельства служат основанием для последующих поступков. Отсутствие близких межличностных отношений с адресатами обуславливает нарративный характер жалобы и ее ориентацию не на получение немедленного отклика, а на формирование интерпретации ситуации.

Данный пример иллюстрирует особый тип косвенной жалобы — жалобу, реализованную в форме оценочно-объяснительного нарратива, в котором выражение недовольства сочетается с аргументацией и прагматическим обоснованием собственной позиции говорящего.

Анализ материала, почерпнутого из художественной прозы Л. Улицкой, позволяет обнаружить различия в тематической направленности косвенных жалоб, реализуемых женскими и мужскими персонажами. При этом данные различия следует рассматривать не как универсальные гендерные характеристики, а как результат распределения коммуникативных ролей и типов дискурса в конкретных ситуациях общения.

Так, в анализируемом материале косвенные жалобы, реализуемые женскими персонажами, преимущественно связаны с семейной, бытовой и межличностной

сферой, тогда как мужские косвенные жалобы чаще встраиваются в обсуждение общественно значимых, профессиональных или институциональных тем.

Показательным в этом отношении является следующий фрагмент:

— Мы потеряли миллионы мужчин, а теперь теряем тысячи женщин. Честный медицинский аборт не влечет риска для жизни, — Павел Алексеевич сморщился.
— Видите ли, рост благосостояния сам по себе будет обуславливать повышение рождаемости... — Павел Алексеевич встретился с ним глазами. — Сколько сирот оставляют. Детские дома тоже, между прочим, из государственного бюджета кормятся... Надо разрешать. На нашей совести будет... (*Казус Кукоцкого*, с. 23)

В данном примере косвенная жалоба реализуется в аргументативной форме и адресована представителю институциональной власти. Объектом жалобы выступает не конкретный собеседник, а государственная политика и связанные с ней социальные последствия. Недовольство выражается через цепочку повествовательных и оценочных высказываний, формирующих публицистический тип дискурса, ориентированный на рациональное обоснование позиции и нормативную оценку ситуации.

Как можно заметить, различия в тематике косвенных жалоб обусловлены прежде всего сферой коммуникации и типом адресата. В семейном и межличностном дискурсе косвенная жалоба чаще затрагивает частные и бытовые проблемы, тогда как в институциональном и общественно-политическом контексте она принимает форму аргументативного высказывания, направленного на оценку системных процессов и коллективной ответственности.

В прозе Людмилы Улицкой мужские косвенные жалобы могут реализовываться в различных формах в зависимости от коммуникативного контекста и типа адресата. Рассмотрим два показательных примера:

(1) — Меня надо расстреливать. Я не имею права оперировать в таких условиях. У меня ничего, буквально ничего нет. Но не оперировать я не могу. Через сутки она умрет от сепсиса! (*Сонечка*, с. 14)

В данном фрагменте косвенная жалоба адресована неформальному собеседнику — члену семьи пациентки — и направлена на описание институциональных условий, в которых оказывается говорящий. Объектом жалобы выступает не адресат, а система, создающая ситуацию профессиональной невозможности. Высказывание *меня надо расстреливать* представляет собой гиперболическую форму самоуничужения, функционирующую как средство интенсификации оценочной позиции и имплицитного обвинения обстоятельств.

Повтор конструкции *у меня ничего, буквально ничего нет* усиливает аргументативную структуру жалобы и подчеркивает масштаб дефицита ресурсов. При этом жалоба сохраняет прагматическую уместность: она не направлена на адресата и не приобретает конфронтационного характера, что соответствует асимметрии статусов и ситуации общения с незнакомым собеседником.

(2) — Америка еще в двадцатые годы производила на меня впечатление страны беспросветных дураков. Видно, она не поумнела, — фыркнул он. (*Сонечка*, с. 19)

Во втором фрагменте косвенная жалоба направлена на обобщенный объект — страну и культурно-политическую систему. Негативная оценка реализуется посредством резко маркированной лексики (*страна беспросветных дураков*) и саркастического обобщения, что придает высказыванию характер иронической критики. Глагол *фыркнул*¹³¹ в авторском комментарии функционирует как нарративный маркер экспрессивности и усиливает прагматическую интенсивность высказывания.

Подытоживая, можно сказать, что анализируемые нами примеры показывают вариативность форм косвенной жалобы в мужском речевом поведении в художественном дискурсе. В ситуациях институционального давления жалоба оформляется в виде аргументативного высказывания с элементами оценочной гиперболы, тогда как в неформальном общении с равным по статусу адресатом она может реализовываться через саркастическую и обобщенно-критическую

¹³¹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=фыркать (27.07.2024).

лексику. В обоих случаях косвенная жалоба выполняет функцию выражения недовольства без прямой адресации упрека и служит инструментом прагматического осмысления социальной реальности.

Помимо жалоб на профессиональные и общественные темы, в художественном дискурсе Л. Улицкой мужские персонажи реализуют косвенные жалобы, затрагивающие частные аспекты повседневной жизни, включая интересы и вкусы близких людей. Рассмотрим следующий пример:

— Чума! Чума все эти авторитеты, от Гамалиила до Маркса... А уж ваши... Горький, весь дутый, и Эренбург, насмерть перепуганный... И Аполлинер тоже дутый...
(*Сонечка*, с. 12)

В приведенном фрагменте отсутствует прямая адресация упрека, однако высказывание представляет собой косвенную жалобу, реализованную через резко негативную оценку объектов, значимых для адресата. Объектом жалобы формально выступают литературные и идеологические авторитеты, тогда как прагматический адресат высказывания — супруга героя. Косвенный характер жалобы обеспечивается использованием обобщающей и экспрессивно маркированной лексики. Повтор оценочного междометия *чума!* формирует эффект интонационного давления и задает высокий уровень негативной оценки. Метафорическое употребление слова *чума* актуализирует семантику разрушительности и отторжения, а оценочные прилагательные (*дутый*, *перепуганный*) служат средством дискредитации обозначенных культурных фигур и, имплицитно, связанных с ними вкусовых предпочтений адресата.

Прагматически высказывание функционирует как форма выражения несогласия и дистанцирования без прямого предъявления упрека. Формальная переадресация недовольства третьим объектам позволяет сохранить непрямой характер жалобы и избежать открытой конфронтации в ситуации близких межличностных отношений. Отсутствие развернутой ответной реплики со стороны собеседницы указывает на завершение коммуникативного эпизода без эскалации конфликта. В данном случае косвенная жалоба и отсутствие прямого

ответа образуют устойчивую модель взаимодействия, при которой негативная оценка выражается эксплицитно, но не получает симметричного вербального отклика.

Подытоживая проведенный анализ, можно утверждать, что жалоба в художественной прозе Людмилы Улицкой функционирует как многофункциональный лингвопрагматический механизм, используемый персонажами для выражения негативной оценки ситуации, регуляции межличностных отношений и воздействия на адресата в рамках конкретных коммуникативных контекстов. Жалоба в данном дискурсе реализуется не только как реакция на неблагоприятные обстоятельства, но и как средство аргументации, объяснения позиции и установления прагматического баланса в общении.

Сопоставительный анализ жалоб, реализуемых мужскими и женскими персонажами, позволяет выявить ряд различий, касающихся прежде всего тематической направленности и способов языковой репрезентации. Во-первых, на уровне тематического содержания наблюдается различие в сферах, становящихся объектом жалобы. Женские персонажи преимущественно выражают недовольство, связанное с семейной, бытовой и межличностной сферой, тогда как мужские жалобы чаще встраиваются в обсуждение социально значимых, профессиональных и институциональных проблем. Во-вторых, различия проявляются в языковом и дискурсивном оформлении жалоб. В женской речи чаще актуализируются экспрессивные и оценочные средства — фразеологизмы, метафоры, интонационные усилители, риторические вопросы и разговорная лексика, что придает жалобе образный и эмоционально насыщенный характер. Мужские жалобы, напротив, в ряде случаев тяготеют к более рационализированным и аргументативным формам, особенно в контекстах профессионального или общественного взаимодействия.

На основании вышесказанного, можно прийти к выводу, что гендерная специфика жалоб в прозе Л. Улицкой проявляется не в универсальных различиях речевого поведения, а в распределении тематических сфер и прагматических стратегий, обусловленных типом дискурса, статусными ролями и коммуникативной ситуацией. Это позволяет рассматривать жалобу как

значимый показатель дискурсивной организации художественного диалога и как продуктивный объект лингвопрагматического анализа.

3.2.6. Извинение

В лексикографических источниках извинение определяется как просьба о прощении, адресованная другому лицу¹³², а глагол *извиниться* толкуется как ‘попросить прощения’¹³³. Таким образом, уже на уровне словарной фиксации извинение соотносится с признанием коммуникативной вины и обращением к адресату. В прагмалингвистике извинение рассматривается как один из речевых актов. Наталья Формановская относит его к сфере речевого этикета наряду с просьбой, комплиментом и приветствием¹³⁴. В рамках теории речевых актов извинение трактуется как иллокутивный акт, направленный на восстановление нарушенного коммуникативного равновесия и улучшение межличностных отношений¹³⁵.

Извинение функционирует в системе стратегий вежливости и выступает средством регуляции социального взаимодействия. Оно актуализируется в ситуациях, когда говорящий интерпретирует собственные действия или высказывания как нарушающие нормы взаимодействия либо причиняющие адресату неудобство, вред или эмоциональный дискомфорт.

В научной литературе принято различать прямые и косвенные формы извинения¹³⁶. Для быстрого разрешения конфликта или ослабления напряженности чаще всего используется прямое извинение. Данный тип извинения включает четкое признание вины, искреннее выражение сожаления и намерение компенсировать причиненный ущерб.

Косвенное извинение, напротив, более завуалировано. Оно может

¹³² *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 1988, с. 378.

¹³³ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1999, с. 239.

¹³⁴ Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1987, с. 46–47.

¹³⁵ Ср. Ź. Kozicka-Borysowska, *Pragmatyczne aspekty aktu przepraszenia*, в: *Język trzeciego tysiąclecia II*. Т. 1: *Nowe oblicza komunikacji we współczesnej polszczyźnie*, ред. G. Szpila, Kraków 2002, с. 381.

¹³⁶ 蔡海芬, 俄汉道歉语对比研究, 现代交际 2019 (2), 第 105–106 页.

выражаться через объяснение причин, определенную интонацию, язык тела или с помощью других вербальных и невербальных средств. Такая форма извинения часто применяется для смягчения ответственности говорящего или для минимизации вреда.

Эффективность извинения зависит от реакции адресата и коммуникативного контекста. Принятие извинения свидетельствует о восстановлении взаимодействия, тогда как отказ или игнорирование могут указывать на сохранение конфликта либо на недостаточность выбранной стратегии¹³⁷.

Рассматривая функционирование извинения в художественном тексте, необходимо учитывать коммуникативный контекст, под которым мы понимаем совокупность социальных, ролевых и ситуационных параметров взаимодействия, определяющих интерпретацию высказывания.

В числе факторов, способных модифицировать форму и характер извинения, можно выделить следующие¹³⁸:

1) Степень коммуникативного нарушения

Характер извинения во многом зависит от того, как участники взаимодействия интерпретируют тяжесть допущенного нарушения. В ситуациях, воспринимаемых как незначительные, извинение часто имеет краткую и формализованную форму. В случаях более серьезного ущерба могут актуализироваться развернутые конструкции, включающие признание ответственности и дополнительные компенсаторные элементы. При этом оценка «степени оскорбления» носит субъективный характер и определяется конкретной коммуникативной ситуацией.

2) Социальный статус

Речевое поведение участников общения соотносится с их социальными ролями и статусными позициями. В асимметричных отношениях (например, «старший–младший», «руководитель–подчиненный») выбор формы извинения может отражать существующую иерархию. В подобных случаях наблюдается варьирование степени эксплицитности, формальности и развернутости извинения.

¹³⁷ 李鹿婷, *俄汉道歉语语用对比*, 吉林大学 2013, 第 28–33 页。

¹³⁸ Там же, с. 34–40.

Однако характер этой корреляции определяется конкретным контекстом и не носит универсального характера.

3) Социальная дистанция

Социальная дистанция характеризует степень близости между собеседниками и влияет на выбор языковых средств. В близких межличностных отношениях извинение может приобретать более развернутый и эмоционально маркированный характер, особенно в ситуациях, интерпретируемых участниками как значимые или конфликтные. В подобных случаях извинение нередко сопровождается дополнительными речевыми средствами, направленными на восстановление взаимодействия (уточнение, объяснение, обещание изменения поведения и др.). В условиях средней или отчужденной социальной дистанции извинения чаще реализуются в виде конвенциональных формул речевого этикета. Их функция может сводиться к поддержанию коммуникативной корректности, а степень развернутости определяется конкретной ситуацией.

Реакция на извинение также совпадает с типом межличностных отношений. При разной степени близости одно и то же нарушение может интерпретироваться по-разному, что влияет на принятие либо непринятие извинения.

4) Возрастной фактор

Возраст участников коммуникации может соотноситься с предпочтением определенных форм речевого поведения. В художественном тексте старшие персонажи нередко используют более формализованные этикетные формулы, что связано с представленными в тексте нормами их речевой социализации. Однако подобные наблюдения носят контекстуальный характер и не предполагают универсальных закономерностей.

5) Индивидуально-психологические особенности

Характерологические черты персонажей в художественном тексте могут отражаться в выборе стратегии извинения. Одни герои склонны к прямому признанию коммуникативной ответственности, другие — к оправдательным или смягчающим конструкциям. Данные различия обусловлены не столько объективными параметрами, сколько авторской характеристикой персонажа и его ролью в структуре произведения.

б) Коммуникативная обстановка

Формальность или неформальность ситуации существенно влияет на выбор языковых средств. В официальном контексте чаще применяются нормативные, стандартизированные формулы извинения. В неформальной обстановке возможна большая вариативность — от кратких эксплицитных форм до развернутых эмоционально окрашенных конструкций.

7) Гендерный аспект

Вопрос о гендерной специфике извинений требует особой осторожности. В научной литературе отмечается, что в ряде культурных контекстов у мужчин и женщин могут выступать различия в степени развернутости и эмоциональной выраженности извинений. Данные различия зависят от конкретной коммуникативной ситуации, социального статуса участников и авторской характеристики персонажей. В художественном тексте Улицкой наблюдаемая вариативность форм извинения обусловлена прежде всего индивидуальными и контекстуальными факторами, а не исключительно гендерной принадлежностью.

Ренате Ратмайр указывает на то, что в ряде культурных контекстов извинения, реализуемые женщинами, могут сопровождаться лексемами, выражающими смущение или стыд (например: *Как мне стыдно!*, *Мне так стыдно!*). Подобные формулы усиливают эксплицитность переживаемого состояния и маркируют эмоциональную включенность говорящего. В некоторых случаях женская речь в ситуациях извинения характеризуется использованием междометий (*Ой!*, *Ах!* и др.), которые интонационно усиливают высказывание и придают ему дополнительную экспрессивность¹³⁹. В женских извинениях часто встречаются вежливые выражения и наречия степени, такие как: *пожалуйста*, *очень*, *очень жаль* и другие, что подчеркивает стремление женщин к поддержанию гармонии в отношениях¹⁴⁰. Однако подобные элементы не являются исключительно гендерно обусловленными и могут встречаться в речи персонажей независимо от пола. Мужские персонажи же нередко прибегают к кратким и эксплицитным

¹³⁹ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения*, пер. Е. Араловой, Москва 2003, с. 215–216.

¹⁴⁰ Ю.В. Туфанова, *Речевая ситуация извинения*, «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета» 2010, № 1 (9), с. 147.

формулам признания ответственности (*Я виноват, Прости* и др.). Использование экспрессивных реплик типа *Черт возьми!* может выполнять функцию эмоциональной разрядки и предшествовать извинению, однако такие конструкции следует рассматривать прежде всего как индивидуально-стилистические особенности речи персонажа¹⁴¹.

Мы хотим также подчеркнуть, что наблюдаемая вариативность форм извинения в художественном тексте определяется совокупностью факторов — коммуникативной ситуацией, характерологическими особенностями персонажа, его социально-ролевой позицией и авторской стратегией репрезентации. Гендерный параметр может выступать одним из факторов интерпретации, однако он не позволяет делать универсальные выводы о «мужских» и «женских» моделях извинения¹⁴².

Что касается адресатной направленности извинений, распределение форм в художественном тексте также обусловлено контекстом взаимодействия и ролевыми отношениями между персонажами, а не исключительно их гендерной принадлежностью¹⁴³.

Вопрос о различиях в интонационно-стилистическом оформлении извинений в зависимости от гендерной принадлежности также требует осторожного подхода. В художественном тексте можно наблюдать вариативность тональных и лексических средств, однако их интерпретация должна опираться на контекст и характеристику персонажа, а не на априорные представления о «мужском» и «женском» типе речи.

Далее целесообразно более подробно описать прямые и косвенные формы извинения.

Как мы уже указывали, прямое извинение представляет собой эксплицитно маркированный речевой акт, в котором говорящий прямо указывает на допущенное нарушение и принимает коммуникативную ответственность. В структуре прямого извинения могут выступать следующие компоненты: признание факта ошибки или нарушения; формула извинения (*прости, простите,*

¹⁴¹ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения...*, с. 215–216.

¹⁴² 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2021, 第 197–198 页。

¹⁴³ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2021, 第 194 页。

извини, извините и др.); указание на ответственность говорящего; обещание изменения поведения или компенсации (факультативный элемент). Следует при этом подчеркнуть, что перечисленные компоненты не являются обязательными в каждом конкретном случае: их реализация зависит от контекста и степени коммуникативного нарушения.

В приведенном ниже фрагменте из романа *Казус Кукоцкого* извинение выражено через эксплицитную формулу *Простите меня, Павел Алексеевич*. Обращение по имени и отчеству, а также выбор формы *простите* указывают на статусную асимметрию и соблюдение речевого этикета:

— Не забрали. Прооперировали. Эти, маленькие. И сказали, что повязку только вы снять можете. После того, как я вам что-то скажу. Хитрые, не сказали, чего говорить-то. Вот я здесь на лавочке сидела и все думала, что же вам сказать.

— Ну? — любопытствовал он. — И что же?

— **Простите меня, Павел Алексеевич**, — сказала она простодушно, и Павел Алексеевич несказанно удивился: что за детский сад — на лавку посадили, наказали, велели прощения просить...

— Глупости все. Не имеет значения, — отмахнулся он.

— Как это? Я вас к злодеям причла. **Простите**. И снимите теперь повязку. Пожалуйста. (*Казус Кукоцкого*, с. 157)

Дополнительное повторение формулы (*Простите*) и включение в реплику пояснения (*Я вас к злодеям причла*) расширяют структуру прямого извинения: говорящая не только использует этикетную формулу, но и конкретизирует содержание своей коммуникативной вины. Таким образом, извинение приобретает развернутый характер.

Реакция адресата (*Глупости все. Не имеет значения*) указывает на принятие извинения и нивелирование коммуникативного конфликта. В данном фрагменте выбор языковых средств отражает сочетание статусной дистанции и личной близости персонажей.

Рассмотрим теперь другой пример:

Шурик тащил огромный чемодан, в свободную руку вцепилась Мария. Посадка уже была объявлена, возле стойки остановились. Стомба разжала сведенные губы:

— **Прости. Я сорвалась.** Спасибо за все.

— Да ладно, — махнул рукой Шурик. (*Искренне ваши Шурик, с. 364*)

Здесь извинение реализуется в краткой форме (*прости*), сопровождаемой признанием коммуникативного нарушения (*я сорвалась*) и выражением благодарности. Структура высказывания минималистична, что соответствует ситуации эмоционального напряжения и ограниченного времени общения. В отличие от предыдущего примера, статусная асимметрия между персонажами выражена здесь менее явно. Краткость формулы и отсутствие развернутых оправданий придают извинению эксплицитный и прямой характер. Ответная реплика (*да ладно*) выполняет функцию смягчения и завершения эпизода, свидетельствуя о принятии извинения без дальнейшей эскалации конфликта.

Иногда в структуру прямого извинения включается устойчивое сочетание *прости(те) ради бога*, которое усиливает экспрессивность высказывания.

(1) В этот раз Алик обиделся:

— Чистое свинство! Неужели сама не понимаешь? — отчитывал он ее поздно вечером, когда она вернулась. — Человек уходит на десять минут, а приходит через пять часов! Ну что я должен думать? Попала под машину? Убили?

— **Ну прости ради бога, ты прав, свинство.** — Маша чувствовала себя глубоко виноватой. И глубоко счастливой... (*Медея и ее дети, с. 135*)

В данном примере формула *прости ради бога*¹⁴⁴ предваряется междометием *ну*, что придает реплике разговорный характер. Извинение сопровождается признанием коммуникативного нарушения (*ты прав, свинство*), что расширяет его структуру. Употребление формы на *ты* указывает на близкую дистанцию между персонажами.

¹⁴⁴ А.И. Федоров, *Фразеологический словарь...*, <https://udarenieru.ru/index.php?idiom=ради%20бога> (дата обращения: 09.09.2024).

(2) Боль была сильнейшая, но острота уже отошла. Сухие светлые волосы щекотали и клубились, и Шурик жалостливо провел ладонью по пушистой голове. Плечи ее затряслись мелкой дрожью:

— **Простите меня ради бога,** — всхлипывала она, и Шурика охватила печаль и особая жалость к негустым этим волосам, к вздрагивающим узким плечикам, костляво выпирающим под тонкой белой блузкой... (*Искренне ваш Шурик*, с. 293)

Во втором примере используется форма на *вы* (*простите меня*), что указывает на более официальную модель обращения. Сочетание *ради бога* усиливает интонационную напряженность высказывания и придает ему дополнительную экспрессивность. Словарные толкования выражения *ради бога*¹⁴⁵ фиксируют его разговорное употребление в значении просьбы или усиления высказывания. В контексте извинения данная формула выполняет функцию интенсификатора, подчеркивая значимость обращения к адресату.

Сопоставление этих двух примеров показывает, что выбор формы (*прости / простите*) совпадает со степенью социальной дистанции между персонажами. Можно тогда прийти к выводу, что вариативность языкового оформления извинения определяется не гендерной принадлежностью говорящего, а параметрами коммуникативной ситуации.

Рассмотрим теперь специфику прямых извинений мужских персонажей. Так, в ряде эпизодов прозы Улицкой мужские персонажи прибегают к кратким эксплицитным формулам извинения.

— Паш, да у тебя ж сегодня собрание в Академии... Ты же должен...

— Не должен! — взревел Павел Алексеевич. — Никому ничего не должен! Пусть все идут к ... матери!

[...]

Елена обняла его за шею:

— Тише, миленький...

И он затих, прижал ее к груди.

— **Прости.** (*Казус Кукоцкого*, с. 157)

¹⁴⁵ Там же.

В данном случае формула *прости* следует после эмоционально напряженного высказывания героя. Извинение оформлено максимально лаконично и реализуется без дополнительных пояснений или оправданий. Употребление формы на *ты* указывает на близкую дистанцию между персонажами. Краткость реплики придает извинению характер эксплицитного признания коммуникативного нарушения и одновременно выполняет функцию завершения конфликта. Интерпретация этой реплики определяется контекстом: извинение сопровождает смену эмоционального состояния героя и сигнализирует о нормализации взаимодействия.

И следующие примеры:

— Давеча я забыл у вас спросить, — своим светящимся голосом проговорил он, а Сонечка улыбнулась хорошему слову «давеча», которое давно ушло из общепринятого обихода в просторечье, — **забыл я спросить ваше имя. Простите?**

— Соня, — коротко ответила она, все поглядывая, как он разворачивает сверток. (Сонечка, с. 10)

— Это что, шутка?

[...]

— Я не шутил. Я просто не подумал, что вы можете быть замужем.

Он встал, взял в руки свою немыслимую шапку.

— **Простите меня.** (Сонечка, с. 10)

В обоих случаях используется форма на *вы*, что является показателем социальной дистанции и вежливой модели обращения. Извинение включено в более развернутую реплику, содержащую объяснение (*Я просто не подумал...*), что расширяет его структуру. Выбор лексем *вам*, *вы*, *простите* указывает на официально-вежливый регистр общения. Формулы извинения здесь функционируют как средство поддержания корректности взаимодействия в ситуации неопределенности межличностного статуса.

Рассмотрения заслуживают также извинения в родительско-детских отношениях. В семейном общении прямые извинения могут использоваться

независимо от возрастной иерархии.

(1) — **Извини, деточка. А кем ты хочешь быть?**

Таня уже прыскала слезами. Павел Алексеевич этого не выносил.

— Я хочу быть плохой девочкой, которая никого не режет! (*Казус Кукоцкого*, с. 106)

В данном случае отец использует форму *извини* и обращение *деточка*, что указывает на близкую дистанцию и модель общения на *ты*. Извинение оформлено кратко и непосредственно. Следующий за ним вопрос расширяет коммуникативную стратегию и переводит взаимодействие из конфликтной плоскости в диалогическую. Здесь важно отметить, что извинение исходит от старшего по возрасту персонажа, что свидетельствует о возможности симметричного распределения коммуникативной ответственности в семейном дискурсе.

Во втором примере извинение исходит от представителя младшего поколения:

(2) — **Веруся, прости меня! Я больше не буду!**

Идиот! **Прости меня, мамочка.** (*Искренне ваш Шурик*, с. 233)

Использование формы *прости* и уменьшительно-ласкательных обращений (*Веруся, мамочка*) свидетельствует о близкой дистанции и эмоциональной включенности. Формула *Я больше не буду* выступает как дополнительный компенсаторный компонент, расширяющий структуру прямого извинения.

Таким образом, в родительско-детских отношениях выбор языковых средств определяется не только возрастной иерархией, но и степенью близости, типом ситуации и индивидуальной речевой манерой персонажа.

В прозе Улицкой прямые формы извинения используются также в ситуациях общения с малознакомыми или незнакомыми персонажами:

— Вы Медея Георгиевна Синопли? — спросил молодой человек, и Медея поняла, что он не из родни.

— Да, это я, хотя уже сорок лет ношу другую фамилию, — улыбнулась Медея. Молодой человек был приятной наружности, со светлыми глазами и черными жидкими усиками, опущенными книзу. — Раздевайтесь...

— **Извините, я как снег на голову...** — Он стряхивал жидкий снежок с мокрой шапки. — Равиль Юсупов, из Караганды... (*Медея и ее дети*, с. 10)

В данном фрагменте персонажи впервые встречаются, что предполагает формально-вежливую модель обращения. Использование формы *извините* указывает на социальную дистанцию. Фразеологизм *как снег на голову*¹⁴⁶ выполняет экспрессивную функцию, фиксируя значение внезапности и неожиданности, что в данном контексте соотносится с оправдательной функцией высказывания.

В очередном примере извинение адресовано малознакомому человеку:

— А вы, молодой человек, постоянно хлопаете дверью лифта...

— **Простите, больше не буду,** — ответил ему Шурик совершенно серьезно, и Вера улыбнулась Шурику понимающе. (*Искренне ваш Шурик*, с. 257)

Форма *простите* указывает на модель общения на *вы*. Добавление формулы *больше не буду* выполняет компенсаторную функцию, усиливая признание коммуникативного нарушения.

В обоих случаях выбор языковых средств определяется степенью социальной дистанции и ситуацией взаимодействия. Прямые формулы извинения функционируют как средство поддержания коммуникативной корректности и предотвращения дальнейшей эскалации конфликта.

Помимо эксплицитно маркированных форм, в русском языке функционируют косвенные способы реализации извинения. Под косвенным извинением понимается такая форма речевого поведения, при которой коммуникативная ответственность выражается имплицитно либо смягчается дополнительными компонентами высказывания. В подобных случаях формула

¹⁴⁶

А.И. Федоров, *Фразеологический словарь...*
<https://udarenieru.ru/index.php?idiom=как%20снег%20на%20голову> (09.09.2024).

извинения может отсутствовать либо сопровождаться пояснением, оправданием или объяснением причин.

К числу структурных признаков косвенного извинения относятся: отсутствие прямой формулы признания вины; включение объяснительного компонента; использование смягчающих или неопределенных формулировок; перенос фокуса с действия говорящего на обстоятельства ситуации.

Следует при этом подчеркнуть, что косвенная форма не обязательно свидетельствует о меньшей степени ответственности или эмоциональной включенности. Ее интерпретация зависит от контекста, межличностных отношений и интенциональной структуры высказывания¹⁴⁷.

В анализируемом нами материале косвенные извинения реализуются преимущественно в двух моделях: объяснение причины без эксплицитной формулы извинения; сочетание формулы извинения с объяснительным компонентом. Такое разграничение позволяет описать вариативность языковых средств без анализа психологических характеристик говорящего.

В ряде примеров из прозы Улицкой коммуникативное нарушение сопровождается развернутым объяснением причин, однако формула прямого извинения при этом отсутствует:

Кровь бросилась Жене в голову. Не моем, так катаньем. Выселили-таки бабушку в чулан.

— То есть как? — у Жени от ярости задрожал подбородок. Коллекция Михаила Федоровича была умопомрачительная по идиотизму: вырезки из газет и журналов, касающиеся авиации...

— **Да какая ей разница? Она и не заметила. Там тихо, спокойно. Сундук Василисин вынесли, стул ее поставили. Она там и кушать может. Покойная Василиса всегда там ела.** (*Казус Кукоцкого*, с. 260)

В данном фрагменте говорящая реагирует на обвинение, однако вместо эксплицитной формулы извинения предлагает аргументацию, направленную на

¹⁴⁷ Н.А. Ковалева, *Жанровая природа извинения в русском языке*, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание» 2009, № 1, с. 35.

переинтерпретацию ситуации. Высказывание строится как объяснение целесообразности предпринятых действий и смещение акцента с факта нарушения на обстоятельства. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о собственно извинении, а о замещении извинения объяснением. Подобная модель показывает один из вариантов косвенного реагирования на обвинение в художественном дискурсе.

Модель, сочетающую формулу извинения с объяснительным компонентом, обнаруживаем также и в другом примере:

— Ну, знаешь ли, мама, — изумилась Вера, — ты уж слишком...

Елизавета Ивановна спохватилась:

— **Ну, прости, прости, уж меньше всего хотела тебя обидеть.** (*Искренне ваш Шурик*, с. 182)

В данном высказывании извинение реализуется через повтор слова *прости*, что усиливает эксплицитность признания коммуникативного нарушения. Частица *ну* выполняет функцию разговорного смягчения и маркирует переход к извинению. Заключительная часть реплики (*уж меньше всего хотела тебя обидеть*) представляет собой объяснительный компонент, который конкретизирует позицию говорящего и уточняет отсутствие намерения причинить вред. Таким образом, структура высказывания включает: формулу извинения; ее повтор как средство интенсификации; пояснительный элемент.

Подобная модель представляет собой сочетание эксплицитного признания коммуникативной ответственности с последующим уточнением мотивации, что позволяет отнести данный пример к расширенному типу прямого извинения с объяснением причины. Следует также подчеркнуть, что использование частиц и повторов¹⁴⁸ в данном случае обусловлено речевой манерой персонажа и конкретной коммуникативной ситуацией, а не исключительно гендерной принадлежностью.

В анализируемом материале мы находим также модели с расширенной

¹⁴⁸ Ю.В. Туфанова, *Речевая ситуация извинения...*, с. 145–152.

структурой извинения:

— ... **Прости, что я вас бросила... я люблю тебя ужасно и маму люблю. Я только жить с вами не могу...** Папка, я беременна, я рожу скоро тебе внука... Здорово, да? (*Казус Кукоцкого*, с. 260)

В данном высказывании извинение выражается с помощью формулы *прости* с последующим уточнением причины (*что я вас бросила*). Далее реплика расширяется дополнительными компонентами — декларациями чувства и пояснением жизненной позиции. Таким образом, данная структура извинения включает: формулу признания коммуникативного нарушения; указание на конкретное действие и эмоционально окрашенные уточнения.

Расширение высказывания представляет собой попытку интегрировать извинение в более широкий объяснительный дискурс. Здесь извинение не изолировано, а включено в аргументативную стратегию.

В ряде эпизодов мужские персонажи также используют модель «формула извинения + пояснительный компонент».

(1) — **Нет, нет, я вовсе не насмешничаю, простите, у меня такая манера...** Я только хотел сказать, что это их правда... Всякая страсть в конце концов умирает, не правда ли? — продолжал он, а сердце ее больно билось от его слов. — Просто не все успевают умиротвориться в отведенный срок. (*Казус Кукоцкого*, с. 138)

Повтор отрицательной частицы (*нет, нет*) и наречие *вовсе*¹⁴⁹ усиливают экспрессивность данного высказывания. Формула *простите* включена в структуру, где важным оказывается объяснительный компонент. Извинение не акцентирует признание вины, а сопровождает разъяснение позиции говорящего.

(2) — **Простите великодушно, я вовсе не хотел вас как-то обидеть или что-то там...** Мы с вами все это обсудим, но не теперь. Немного погодя. Сейчас нельзя.

¹⁴⁹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=вовсе (13.09.2024).

Не положено... (Казус Кукоцкого, с. 139)

Сочетание *простите великодушно*¹⁵⁰ усиливает вежливый регистр высказывания. Объяснительная конструкция (*я вовсе не хотел...*) уточняет отсутствие интенции причинить вред. В данном случае извинение функционирует как средство корректировки коммуникативного недоразумения.

(3) — Меня надо расстреливать. Я не имею права оперировать в таких условиях. У меня ничего, буквально ничего нет. Но не оперировать я не могу. Через сутки она умрет от сепсиса!

— Что с ней? — одеревеневшим языком спросил Роберт Викторович, представив себе умирающую Сонечку.

— **Ах, боже мой! Простите! С вашей женой все в порядке, идут схватки, я про эту несчастную башкирку...** (Сонечка, с. 14)

В этом примере, в свою очередь, формула извинения предваряется междометиями, усиливающими интонационную маркированность реплики. Извинение связано с необходимостью уточнить информацию и предотвратить возможную коммуникативную ошибку.

(4) — Когда вы взяли меня за руку, Медея Георгиевна... нет, **простите, это я вас взял за руку, я почувствовал, что рядом с вами нет страха.** И весь вечер я ничего к вам не испытывал, только чувствовал, что рядом с вами нет страха. Я проводил вас, вернулся домой, лег и сразу решил, что я должен на вас жениться. (Медея и ее дети, с. 32)

В вышеприведенном фрагменте извинение выполняет функцию самокоррекции высказывания. Слово *простите* маркирует исправление оговорки и показывает внимание к точности формулировки.

Приведенные примеры показывают, что сочетание формулы извинения

¹⁵⁰ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=великодушный (13.09.2024).

с объяснительным компонентом является распространенной стратегией в художественном дискурсе. Подобная модель может выполнять различные функции: уточнение интенции; самокоррекция; смягчение высказывания или расширение аргументации.

Следует отметить, что в устной речи формулы *простите* и *извините* могут функционировать не только как эксплицитные акты извинения, но и как контактные этикетные формулы, открывающие коммуникацию. В подобных случаях данные лексемы утрачивают значение признания коммуникативной вины и выполняют функцию привлечения внимания или смягчения последующего вопроса¹⁵¹.

Рассмотрим примеры:

(1) Профессор любезно обратился к Длинноволосому:

— **Простите**, который сейчас час? (*Казус Кукоцкого*, с. 136)

(2) — **Простите, вы не скажете, где здесь почта поблизости?** — успел спросить Шурик в темную щель. (*Искренне ваш Шурик*, с. 291)

(3) Молодой человек, прижимая локтем к боку три книги, остановился возле Самуила и задал лобовой вопрос:

— **Извините, вы еврей?** (*Медея и ее дети*, с. 87)

Во всех этих трех случаях слова *простите/извините* предваряют вопросительное высказывание и не связаны с предшествующим нарушением. Их функция заключается в маркировании вежливого начала общения и снижении коммуникативной резкости запроса. Таким образом, данные примеры не представляют собой речевые акты извинения в строгом прагматическом смысле, а реализуют контактную стратегию установления взаимодействия.

На основании проведенного анализа можно заключить, что в прозе Людмилы Улицкой представлены различные способы реализации речевого акта извинения.

¹⁵¹ Н.А. Ковалева, *Жанровая природа извинения...*, с. 36.

В художественном материале фиксируются:

- эксплицитные формы (*прости, простите, извини, извините*);
- развернутые конструкции, сочетающие формулу извинения с объяснительным компонентом;
- косвенные модели реагирования, в которых извинение замещается пояснением или самокоррекцией;
- контактные этикетные формулы, формально совпадающие с извинением, но выполняющие функцию привлечения внимания.

Вариативность языкового оформления извинения определяется совокупностью нескольких факторов, в частности, степенью социальной дистанции, ролевыми отношениями персонажей, ситуацией общения и авторской стратегией репрезентации. Наблюдаемые различия в структуре и экспрессивности извинений связаны прежде всего с контекстом и индивидуальными особенностями речевой манеры персонажей. Гендерный параметр может соотноситься с определенными моделями речевого поведения, однако он не выступает единственным или универсальным объяснительным фактором.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в художественном дискурсе Улицкой извинение функционирует как гибкий прагматический механизм, обеспечивающий регуляцию межличностного взаимодействия и отражающий динамику коммуникативных отношений.

3.2.7. Прощание

Прощание в прагмалингвистическом аспекте рассматривается как речевой акт, маркирующий завершение коммуникативного взаимодействия и регулирующий переход к его временному прекращению¹⁵². В системе речевого этикета прощание выполняет функцию структурного закрытия диалога¹⁵³

¹⁵² Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст*, Москва 2002, с. 100.

¹⁵³ Ср. Т.Г. Рабенко, Е.А. Черепанова, *Жанры приветствия и прощания в речи студентов*, «СибСкрипт» 2008, № 2, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-privetstviya-i-proschaniya-v-rechi-studentov> (дата обращения: 23.03.2025).

и одновременно поддержания межличностного контакта. В отличие от резкого прекращения коммуникации, прощание представляет собой нормативно оформленный способ завершения общения, позволяющий сохранить коммуникативное равновесие и сигнализировать о продолжении отношений в будущем. Оно не означает разрыва контакта, а выступает как пауза в коммуникации, сопровождаемая выражением доброжелательности и взаимного признания¹⁵⁴. Прощание редко реализуется как изолированная формула. В естественном речевом взаимодействии ему часто предшествуют подготовительные высказывания (например: *Мне пора; Надо идти*), которые выполняют функцию постепенного сворачивания диалога. Использование частиц (*ну, ладно, давай* и др.) дополнительно смягчает переход к завершению общения и снижает коммуникативную резкость¹⁵⁵.

Функционально прощание сочетает несколько аспектов: регулятивный — оформление окончания взаимодействия; контактоустанавливающий — поддержание доброжелательного тона и эмоционально-модальный — выражение пожеланий, приглашений или надежды на последующую встречу.

В ряде научных трудов отмечается возможная вариативность форм прощания в зависимости от гендерного и статусного параметров. Так, Лаура Урсова указывает на различия в невербальном и вербальном оформлении прощания в зависимости от сочетания полов участников коммуникации¹⁵⁶. Однако, как нам представляется, подобные наблюдения носят социокультурный характер и требуют осторожной интерпретации при анализе художественного дискурса, где речевое поведение персонажей определяется прежде всего авторской стратегией.

В русском языке функционирует широкий спектр форм прощания, различающихся по степени формальности, стилистической маркированности и прагматической направленности. Их можно условно классифицировать по функциональному и стилистическому признаку.

С функциональной и стилистической точки зрения выделяются следующие

¹⁵⁴ Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет...*, с. 100.

¹⁵⁵ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 51.

¹⁵⁶ Л.Х. Урсова, *Адыгский этикет: коды гендерного поведения*, «Ценности и смыслы» 2013, № 5 (27), с. 124.

основные типы¹⁵⁷:

1) Нейтральные (универсальные) формы, употребимые в большинстве коммуникативных ситуаций: *До свидания, До встречи, До завтра, Прощай(те), Всего хорошего, Всего доброго* и др. Эти формулы используются как в официальной, так и в неофициальной коммуникации с учетом дистанции между собеседниками.

2) Официально-вежливые и торжественные формы, характерные для формализованных ситуаций общения: *Разрешите попрощаться, Позвольте откланяться, Честь имею откланяться*. В современном употреблении часть подобных форм воспринимается как стилистически архаизированная.

3) Разговорные формы, функционирующие в условиях неформального общения: *Пока, Салют* и др. Их употребление связано не столько с возрастом говорящих, сколько со степенью близости и непринужденности коммуникации.

4) Прощания с побудительным или приглашательным компонентом, предполагающие продолжение контакта: *Приходи(те), Заходи(те), Звони(те), Не забывай(те)*. В подобных случаях прощание сопровождается имплицитной установкой на дальнейшее взаимодействие.

5) Прощания-пожелания, включающие элемент благословения или позитивной установки: *Счастливого пути, Будь(те) счастливы, Доброго дня, С Богом* и др. Они выражают эмоционально-модальную направленность и подчеркивают доброжелательное отношение к адресату.

Следует подчеркнуть, что указанные группы являются условными: в реальном коммуникативном процессе формы прощания могут сочетать несколько функций одновременно.

Помимо функциональной и стилистической дифференциации, формы прощания могут быть рассмотрены с точки зрения их структурной организации¹⁵⁸:

1) Прощание как дальнейшее взаимодействие: *До завтра! До следующей*

¹⁵⁷ И.Н. Пахомова, *Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации)*, Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 2008, с. 140–151.

¹⁵⁸ Л.М. Бахаева, Т.Д. Магомадова, *Анализ формул прощания в контексте школьного изучения (на материале языка русской и чеченской художественной литературы)*, «Вестник Калмыцкого университета» 2024, № 1 (61), с. 40–47.

встречи! До скорого! Прощай(те)! Увидимся позже! Пока!

2) Прощание с пояснением названия новой встречи: *Увидимся в школе! До встречи в городе!*

3) Прощание как пожелание: *Удачи вам! Спокойной ночи! Всего хорошего! Счастливого пути! Доброго дня! Будь здоров! С Богом!*

4) Прощание как разрешение: *Разрешите попрощаться! Позвольте попрощаться!*

5) Прощание как уважительное отношение: *Честь имею откланяться!*

6) Прощание как приветствие: *Привет! Приветик! Салют! Салюттик!*

7) Прощание-заимствование: *Чао! Бай! Бай-бай.*

Семантически целесообразно разграничить два основных типа прощаний¹⁵⁹:

1) Прямое прощание, т.е. эксплицитно маркированное завершение взаимодействия. К данной группе относятся формулы, непосредственно обозначающие расставание: *До свидания, Прощай(те), До встречи, Пока, Чао, Бай-бай* и др. Независимо от их происхождения (в том числе заимствованного), данные единицы функционируют как конвенциональные маркеры завершения общения.

2) Косвенное прощание — высказывания с имплицитным прощальным намерением, которые могут использоваться самостоятельно либо в сочетании с прямой формулой. Сюда относятся конструкции типа: *Мне пора, Я должен идти, Уже поздно*, а также пожелательные формы (*Всего хорошего, Будьте здоровы*), которые в конкретном контексте выполняют функцию закрытия диалога.

Следует отметить, что граница между прямыми и косвенными формами не является жесткой: в реальной коммуникации прощание часто представляет собой комплексную структуру, сочетающую эксплицитный маркер завершения и дополнительные модально-оценочные элементы.

В дальнейшем анализе прозы Л. Улицкой данная бинарная модель (прямое / косвенное прощание) будет использована как основной инструмент описания языкового материала.

¹⁵⁹ 李政文, *俄语中的间接告别语分类及其语用特点*, 湘潭师范学院学报: 社会科学版 2005 (27(6)), 第 101–103 页.

Начнем с прямого прощания, которое, как мы указывали выше, представляет собой эксплицитно маркированную формулу завершения взаимодействия. Она однозначно сигнализирует о намерении прекратить текущий коммуникативный эпизод. Такие формы, как правило, не требуют дополнительной интерпретации со стороны адресата и выполняют функцию структурного закрытия диалога. Поскольку прямые формулы являются конвенциональными и широко распространенными, их употребление в художественном тексте не выявляет принципиальных гендерных различий; вариативность их оформления определяется прежде всего социальной дистанцией и коммуникативной ситуацией. В связи с этим ограничимся анализом нескольких показательных примеров:

(1) — **До свидания, Александр Иванович**, — попрощалась Таня, жалея, что не заметила раньше сопроводительного письма, написанного на палке. (*Казус Кукоцкого*, с. 168)

В данном фрагменте используется нейтральная формула *до свидания*, сопровождаемая обращением по имени и отчеству. Сочетание этих элементов представляет собой формально-вежливую модель общения и подчеркивает социальную дистанцию между персонажами. Прощание выполняет здесь функцию корректного завершения взаимодействия без выраженной эмоциональной нагрузки.

(2) Ей давно хотелось спать. Она понимала, что пропустила свое обычное время, когда засыпает легко и плавно, и теперь будет до утра ворочаться на своем матрасе, набитом морской травой камкой.
— **Спокойной ночи**. — И вышла. (*Медея и ее дети*, с. 25)

Здесь формула прощания одновременно выполняет пожелательную функцию. Лаконичность реплики и отсутствие дополнительных комментариев подчеркивают ее регулятивный характер: героиня завершает общение, не акцентируя эмоциональный аспект расставания. В данном случае прощание выступает как средство естественного сворачивания диалога.

(3) — Знаешь, Ника, — решилась вдруг Маша, — я пойду на почту прямо сейчас, позвоню Алику. Может, он приедет — и все встанет на свои места.

— Встанет, встанет... — зло рассмеялась Ника.

— **Пока!** — резко соскочила Маша с лавки и, прихватив куртку, побежала на дорогу.

(*Медея и ее дети*, с. 81)

Форма *пока* функционирует в условиях близкой социальной дистанции и неформального общения. Ее использование отражает разговорный регистр и непринужденность взаимодействия между персонажами. Выбор данной формулы обусловлен не возрастом как таковым, а степенью межличностной близости и динамикой конкретной ситуации.

Таким образом, можно сказать, что прямые формы прощания характеризуются эксплицитностью и структурной ясностью. В отличие от них косвенное прощание реализуется через имплицитные маркеры завершения общения и нередко сопровождается дополнительными модальными или объяснительными компонентами. Такая форма позволяет смягчить момент расставания, снизить его эмоциональную нагрузку либо интегрировать завершение диалога в более широкий контекст высказывания.

В анализируемом материале регулярно встречается косвенная модель прощания, оформленная по схеме «я + глагол движения» (*я пошла, я уезжаю, я пойду* и др.). Рассмотрим два примера данного типа прощания:

(1) ... Она спрыгнула с подоконника, помахала дурачку рукой:

— **Я пошла!**

И понеслась вниз по лестнице, отчетливо стуча пятками плоских туфель.

Пока он медленно соображал, что же произошло, она уже спустилась на два этажа.

— Ты куда? — крикнул он ей вслед.

— Домой! — отозвалась она, не сбавляя хода.

— погоди! погоди! — закричал он, помчавшись вдогонку.

Но ее и след простыл. (*Казус Кукоцкого*, с. 173–174)

В этом отрывке прощание реализуется имплицитно: героиня обозначает

собственное действие (уход), не используя конвенциональную формулу типа *до свидания*. Жест (*помахала рукой*) усиливает прагматическую направленность высказывания и дополнительно маркирует завершение контакта. Реплика отличается краткостью и динамичностью, что соответствует ситуации внезапного прерывания общения. Отсутствие пояснительных или смягчающих элементов придает высказыванию характер инициативного и одностороннего завершения взаимодействия.

Во втором примере глагол движения (*уезжаю*) также выполняет функцию маркера расставания:

(2) — **Я уезжаю, Маша. Пришел попроситься,** — сказал он спокойно.

Она ужаснулась:

— Навсегда?

Он засмеялся. (*Медея и ее дети*, с. 114)

В отличие от предыдущего случая, данная конструкция дополняется эксплицитным указанием на коммуникативное намерение (*пришел попроситься*), что придает реплике бóльшую структурную завершенность. Прощание здесь сопряжено с сообщением о значимом жизненном решении и вызывает эмоциональную реакцию адресата (*Навсегда?*), что усиливает драматический эффект сцены.

Оба примера показывают, что в неформальном взаимодействии завершение общения может оформляться через сообщение о предстоящем действии говорящего. При этом инициатива завершения диалога действительно принадлежит одному из участников, однако интерпретация подобной инициативности как проявления «доминирующей позиции» опять требует осторожности. В художественном дискурсе выбор формы прощания обусловлен прежде всего развитием сюжета, эмоциональной динамикой сцены и авторской характеристикой персонажей.

Можно тогда заключить, что косвенные модели типа «я + глагол движения» функционируют как эффективный способ интегрировать прощание

в повествовательный контекст, не выделяя его в отдельную формулу.

В аналогичной неформальной обстановке функционируют и другие модели косвенного завершения взаимодействия:

(1) — Ты где остановился?

— В «Октябрьской».

— Ага, ладно. **Я занята сейчас.** — Помахала рукой и, гикнув, с места ударилась в галоп. (*Медея и ее дети*, с. 58)

(2) — Спасибо тебе, Алька. Я бы без тебя не сдал. Ну, **я пошел...**

— Да, **и мне пора,** — надменно кивнула Аля и ушла, ритмично покачивая начесом из грубых черных волос и мужественно сдерживая злые слезы неудачи. (*Искренне ваш Шурик*, с. 217)

В обоих случаях прощание не оформляется через конвенциональную формулу, а реализуется посредством указания на внешние обстоятельства или личную занятость говорящего. Конструкции типа *я занята сейчас*, *мне пора*, *я пошел* функционируют как имплицитные маркеры завершения общения.

В первом эпизоде краткость реплики и сопровождающий жест (*помахала рукой*) формируют модель резкого, инициативного сворачивания контакта. Прощание интегрировано в динамику сцены и не выделяется как самостоятельный ритуальный акт.

Во втором примере завершение диалога приобретает более сложный эмоциональный оттенок: формула *мне пора* формально нейтральна, однако авторская ремарка (*надменно кивнула..., сдерживая злые слезы*) раскрывает внутреннее напряжение персонажа. Таким образом, косвенное прощание выступает не только как регулятивный механизм, но и как средство психологической характеристики.

Следовательно, конструкции данного типа выполняют двойную функцию: с одной стороны, они объясняют прекращение взаимодействия, а с другой — позволяют встроить момент расставания в эмоциональный и повествовательный контекст сцены.

В неформальных ситуациях, особенно при наличии определенной социальной дистанции или статусной асимметрии, прощание может приобретать форму пожелания или благословения.

Рассмотрим следующий пример:

Она снова засмеялась. Смех у нее был девичий, застенчивый. Он решительно повернул к себе ее покрытую коврового рисунка платком голову, распечатал второй глаз. Она ойкнула совсем уж по-детски. Потом закрыла рот рукой и сказала просительно:

— Ладно, ты иди теперь. **Еще, бог даст, свидимся. Делов-то много...** (*Казус Кукоцкого*, с. 157)

Выражение *бог даст*¹⁶⁰ функционирует как разговорная формула надежды на благополучное продолжение событий. В данном контексте оно не столько указывает на буквальное религиозное убеждение персонажа, сколько отражает традиционную речевую модель, характерную для старшего поколения и для персонажей с определенным культурным фоном. Прощание сопровождается элементами спонтанной разговорной речи (*делов-то много*), что придает реплике эмоциональную неоднородность и подчеркивает внутреннее волнение героини. Можно тогда сказать, что прощание здесь совмещает регулятивную функцию (завершение взаимодействия) с модально-оценочным компонентом, отражающим личностную манеру речи персонажа.

В другом примере пожелательная форма прощания приобретает дополнительный смысловой оттенок:

Уезжал он в Ленинград в полночь, «Красной стрелой». Лена пошла его провожать на вокзал. Приехали заранее. Он все гнал ее домой, беспокоился — время позднее. Но она не уходила.

— **Береги себя и ребеночка,** — сказал он ей на прощание. (*Искренне ваш Шурик*, с. 241)

¹⁶⁰ А.И. Федоров, *Фразеологический словарь русского...*, <https://udarenieru.ru/index.php?idiom=бог%20даст> (19.09.2024).

Конструкция *береги себя* формально относится к побудительным прощальным формулам, выражающим заботу и доброжелательное отношение к адресату. Однако в контексте последующего развития сюжета, когда он узнает, что ребенок *будет смугленький. А может, и черненький*, он забывает о своей заботе и уходит, не поддерживая прежние обещания. Таким образом, эта благопожелательная формула получает иронический оттенок: речевая форма выражает участие и эмоциональную вовлеченность, тогда как дальнейшие действия персонажа ставят под сомнение глубину этих чувств. Слова персонажа контрастируют с его поступками.

Из вышесказанного вытекает, что благопожелательные формулы в художественном тексте могут выполнять не только контактоустанавливающую функцию, но и участвовать в создании смыслового контраста между речевым поведением персонажа и его поступками.

В следующем фрагменте благопожелательные формулы используются обоими участниками взаимодействия:

Старик решительно встал, слегка качнулся и протянул перед собой картонную руку:
— **Всего вам доброго.** Подумайте, Вера Александровна, над моим предложением.
И дверью лифта не хлопайте...
— **Спокойной ночи,** Михаил Абрамович. — Она встала и проводила его к двери.
(*Искренне ваш Шурик, с. 257*)

Обе выделенные нами реплики сочетают формулу прощания с обращением по имени и отчеству, что маркирует уважительную и дистанцированную модель общения. Использование конструкций *всего вам доброго* и *спокойной ночи* выполняет не только регулятивную функцию завершения взаимодействия, но и подчеркивает взаимную корректность и формальную вежливость. В данном случае благопожелательные формы не выражают интенсивной эмоциональности, а функционируют как элементы этикетного поведения. Тем самым прощание фиксирует границы межличностной дистанции и одновременно поддерживает коммуникативную гармонию.

В заключение можно сказать, что в прозе Людмилы Улицкой прощание реализуется преимущественно в лаконичных и стилистически прозрачных формах. Выбор языковых средств определяется не столько гендерной принадлежностью персонажей, сколько параметрами коммуникативной ситуации: степенью близости, статусными ролями, эмоциональной динамикой сцены и авторской стратегией изображения. Прямые формулы выполняют функцию структурного завершения диалога, тогда как косвенные модели интегрируют момент расставания в повествовательный контекст. Нередко они служат также средством психологической характеристики персонажей. Благопожелательные конструкции могут выступать как маркеры уважения, эмоциональной поддержки либо создавать иронический контраст между речью и последующим поведением героя. Таким образом, прощание в художественном дискурсе Улицкой функционирует как прагматический механизм, регулирующий завершение взаимодействия и одновременно раскрывающий специфику межличностных отношений. Гендерный параметр может соотноситься с отдельными речевыми предпочтениями, однако не выступает определяющим фактором в организации прощальных стратегий.

4. Гендерные языковые особенности с точки зрения невербальной коммуникации в прозе

Людмилы Улицкой

Развитие коммуникативных исследований последних десятилетий убедительно показало, что человеческое взаимодействие не сводится только к вербальному коду. Наряду с языком существенную роль играет также невербальное поведение — система жестов, интонационных характеристик, взглядов, пространственных дистанций и пауз, формирующая сложную, многослойную структуру общения¹. Невербальные средства не только дополняют речевое высказывание, но и способны модифицировать его смысл, усиливать или ослаблять прагматический эффект, а в ряде случаев — вступать с ним в напряженные или противоречивые отношения.

В художественном тексте невербальные элементы приобретают особую функциональную значимость. Они не просто сопровождают реплики персонажей, но становятся инструментом психологической характеристики, маркером власти, близости или отчуждения, а также индикатором эмоционального напряжения. Через описание невербальных реакций автор конструирует систему межличностных отношений и моделирует динамику коммуникативного пространства произведения.

В настоящей главе анализируется репрезентация невербального поведения в прозе Людмилы Улицкой. В центре внимания находятся способы, посредством которых невербальные средства участвуют в конструировании гендерных ролей, коммуникативных стратегий и асимметрий взаимодействия между персонажами. Особое внимание уделяется тому, каким образом распределение и интерпретация невербальных сигналов соотносятся с социальными ожиданиями и культурно закрепленными моделями гендерного поведения.

¹ О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина, *Речевая коммуникация*, Москва 2001, с. 9.

4.1. Невербальная коммуникация

Невербальная коммуникация представляет собой передачу информации посредством несловесных знаков и символов, это «общение, осуществляемое посредством жестов, мимики, телодвижений, изменения поз, а также определенного расположения коммуникантов по отношению друг к другу и расстояния между ними»². В повседневном взаимодействии роль невербальной коммуникации трудно переоценить: значительная часть смыслов, эмоциональных состояний и установок передается именно через невербальные каналы.

Многие исследователи подчеркивают, что невербальные средства способны передавать информацию, которую трудно или невозможно выразить вербально³. В коммуникации «лицом к лицу» они функционируют как неотъемлемый компонент общения, влияя на интерпретацию высказывания, его прагматический эффект и оценочную модальность.

Невербальная и вербальная коммуникация не только различаются по способу выражения, но и находятся в отношениях сложного взаимодействия. Их соотношение может быть представлено в нескольких основных функциях⁴:

- 1) Дополнение вербального высказывания — невербальные средства усиливают, уточняют или акцентируют смысл произнесенного. Жесты, мимика или интонация помогают выделить значимые элементы сообщения и придать ему эмоциональную выразительность.
- 2) Самостоятельное выражение эмоций и состояний — в определенных ситуациях невербальное поведение выступает как автономный способ передачи чувств и намерений (например, объятие как знак радости и близости).
- 3) Замещение вербальной коммуникации — в ряде контекстов невербальные сигналы полностью заменяют слова, выполняя функцию передачи информации (жест отказа, кивок согласия и т.п.).

² Н.Б. Цибуля, *Основные направления исследований в области невербальной коммуникации*, «Вестник Московского государственного лингвистического университета» 2014, № 1 (687), с. 253.

³ 陈原, *社会语言学*, 北京 2000, 第 176–177 页。

⁴ 史崇文, *跨文化交际中的性别差异*, 吉林大学 2007, 第 41 页。

- 4) Противоречие вербальному сообщению — невербальные реакции могут вступать в конфликт с произнесенным текстом и тем самым выявлять скрытые эмоции, внутреннее напряжение или неискренность субъекта речи.
- 5) Регуляция коммуникации — невербальные сигналы координируют ход взаимодействия: указывают на понимание или непонимание, согласие или несогласие, регулируют очередность реплик и степень вовлеченности участников общения.

В художественной литературе невербальная коммуникация, как правило, сопровождает вербальную, однако ее роль не сводится к иллюстративной функции. Описания жестов, мимики, интонации или пространственного поведения персонажей формируют дополнительный смысловой пласт текста, способствуют углублению психологической характеристики и повышают степень художественной достоверности. Через систему невербальных деталей автор конструирует эмоциональную динамику сюжета и выявляет скрытые аспекты взаимоотношений персонажей.

4.2. Исследование невербальной коммуникации с точки зрения гендерной лингвистики

Как отмечалось выше, вербальные и невербальные компоненты коммуникации функционируют во взаимной соотнесенности, образуя целостную систему смыслопорождения. Невербальные элементы способны уточнять, усиливать, смягчать или трансформировать значение высказывания, а в художественном тексте они нередко приобретают относительную семантическую автономию, становясь самостоятельным средством характеристики персонажей и моделирования их внутреннего состояния.

Гендерная перспектива в настоящей работе предполагает интерпретацию различий в коммуникативном поведении мужчин и женщин прежде всего как социально и культурно детерминированных. Особенности невербального поведения обусловлены не только физиологическими факторами, но

и закреплёнными в культуре нормативными моделями взаимодействия, социальными ожиданиями и представлениями о допустимых формах «мужской» и «женской» самопрезентации. Анализ репрезентации невербального поведения в прозе Людмилы Улицкой позволяет выделить следующие его типы: параязыковое, жестовое, тактильное, визуальное, проксемное и молчаливое поведение. Предлагаемое разграничение носит аналитический характер и используется как инструмент систематизации многообразных средств невербальной выразительности, представленных в тексте⁵.

4.2.1. Параязыковое поведение

Параязык (от греч. *para* — ‘возле’, ‘вне’ и *язык*) определяется как совокупность явлений, сопровождающих речь и не относящихся к ее лексико-грамматической структуре⁶. В научной литературе различают узкое и широкое понимание параязыка. В узком смысле к параязыковым средствам относят голосовые характеристики речи: тембр, громкость, темп, интонацию, паузацию, особенности артикуляции⁷. Эти элементы возникают в процессе речевого взаимодействия и существенно влияют на интерпретацию высказывания, хотя их значение не закреплено в системе словаря или грамматики. В широком понимании параязык включает также невербальные компоненты, сопровождающие речь (жесты, мимику, пространственную организацию контакта). Однако в рамках данного исследования параязыковое поведение рассматривается преимущественно в узком смысле — как акустические характеристики голоса⁸.

Голос представляет собой важнейший носитель эмоциональной и прагматической информации. Изменения высоты, интенсивности, темпа или тембра могут сигнализировать о внутреннем состоянии говорящего, его отношении к собеседнику и коммуникативной ситуации. Так, понижение

⁵ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 219–262 页。

⁶ Н.Г. Комлев, *Словарь иностранных слов*, Москва 2008, с. 265.

⁷ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 219 页。

⁸ 康微, *语境视角下的俄语非言语交际研究*, 东北师范大学 2009, 第 18 页。

громкости может маркировать интимность или неуверенность, повышение — возбуждение или напряжение, монотонность — подавленность или дистанцированность⁹. Иногда в описании голоса различаются речевой и музыкальный аспекты¹⁰. Речевой голос связан с повседневной коммуникацией, тогда как музыкальный — с вокальной характеристикой (бас, тенор, сопрано и др.). В литературном тексте упоминание «баса» или «тонкого голоса» может выполнять как акустическую, так и символическую функцию, обращая внимание на возраст, статус или эмоциональное состояние персонажа.

По мнению Григория Крейдлина, в параязыковом поведении мужчин и женщин могут наблюдаться определенные различия, однако они носят вероятностный, а не абсолютный характер и зависят от возраста, социального контекста и индивидуальных особенностей говорящего¹¹:

1) Тембр голоса у мужчин в среднем ниже, чем у женщин, что связано с физиологическими параметрами голосового аппарата. При этом возраст оказывает существенное влияние на голосовые характеристики: у пожилых людей вне зависимости от пола тембр, как правило, понижается и замедляется темп речи, тогда как детские голоса отличаются более высокой частотой и большей динамичностью.

2) Интонация является важным компонентом параязыкового поведения и отражает эмоциональное состояние говорящего. В состоянии подавленности интонация может становиться более монотонной, тогда как сильное волнение сопровождается повышением высоты голоса, изменением темпа и возможным переходом к повышенной громкости. В ряде исследований отмечается, что женщины имеют более широкий интонационный диапазон, однако данная характеристика рассматривается как культурно и ситуативно обусловленная. Возрастные изменения голоса проявляются у мужчин и женщин по-разному, что также может отражаться на восприятии их коммуникативного поведения.

Помимо тембра и интонации, исследователи обращают внимание на

⁹ Там же.

¹⁰ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*, Москва 2005, с. 52–56.

¹¹ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2003» (11–16 июня 2003 г.)*, Москва 2003, с. 337–345.

различия в громкости и артикуляционной манере речи. Однако, как нам кажется, подобные различия следует рассматривать с учетом конкретной коммуникативной ситуации, поскольку параметры громкости и темпа могут зависеть от статуса участников общения, степени формальности и характера взаимодействия¹².

Акцент и протяженность звуков также могут выполнять экспрессивную функцию. Удлинение гласных или согласных в разговорной речи нередко служит средством эмоционального акцентирования или выражения иронии. Подобные приемы не являются строго закрепленными за определенным гендером, однако в ряде описаний отмечается тенденция к различным способам интонационного выделения¹³.

Далее параязыковое поведение в прозе Людмилы Улицкой будет рассмотрено преимущественно в двух аспектах — голосовых характеристик и интонационного оформления речи.

Как мы уже указывали, голос как акустический параметр высказывания включает тембр, громкость, высоту и темп и выступает важным средством передачи эмоционального состояния персонажа.

Рассмотрим первый пример:

— Когда? Когда приедешь? Не тяни, — не расслышал Бутонов.

— Нет, я не приеду. И не звони мне больше, Валера. — **Уже тягучим, плаксивым голосом:** – Я не могу больше. (*Медея и ее дети*, с. 135).

В данном фрагменте голос героини характеризуется эпитетами *тягучий*¹⁴ и *плаксивый*. Прилагательное *тягучий* в переносном значении указывает на протяжность и замедленный темп звучания, создавая эффект растянутой, эмоционально нагруженной речи. Определение *плаксивый*¹⁵ актуализирует семантику жалобности и подавленного состояния. Сочетание этих характеристик формирует акустический образ психологического истощения. Параязыковой

¹² 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 220 页。

¹³ Г.В. Колшанский, *Паралингвистика*, Москва 2007, с. 41.

¹⁴ *Словарь русского языка: В 4-х т.*, ред. А.П. Евгеньева, Москва 1999, <https://kartaslov.ru/значение-слова/тягучий> (25.09.2024).

¹⁵ *Словарь русского языка...*, <https://kartaslov.ru/значение-слова/плаксивый> (25.09.2024).

элемент здесь не просто сопровождает реплику, а усиливает ее драматическое звучание и делает эмоциональное состояние персонажа зримым и ощутимым для читателя. Следует также подчеркнуть, что описание «плаксивого» голоса не является указанием на устойчивую гендерную характеристику, а функционирует как средство индивидуализации образа в конкретной ситуации коммуникативного разрыва.

Параязыковые характеристики позволяют передать внутреннее состояние персонажа, в том числе и мужского героя, через особенности тембра голоса:

— Давеча я забыл у вас спросить, — **своим светящимся голосом проговорил он**, а Сонечка улыбнулась хорошему слову «давеча», которое давно ушло из общепринятого обихода в просторечье, — забыл я спросить ваше имя. Простите? (*Сонечка*, с. 10)

Определение *светящийся (голос)* представляет собой метафорическую характеристику тембра. Глагол *светиться*¹⁶ в переносном значении связан с проявлением внутреннего воодушевления, радости или скрытого ожидания. Перенос этого значения на голос создает акустический образ внутреннего подъема. Такое описание не фиксирует конкретные физические параметры звучания, а передает эмоциональную наполненность речи. Голос становится индикатором скрытого намерения и внутренней решимости героя. В данном контексте он сигнализирует о его воодушевленности и уверенности, предвосхищающих дальнейшее развитие отношений.

Громкость голоса нередко выполняет функцию показателя внутреннего состояния персонажа и особенностей коммуникативной ситуации, что подтверждается следующим примером:

— Может, потанцуем? — **предложила Аля тихонько**.

— Да магнитофон в моей комнате. Что, принести? — Шурик был настолько же непонятлив, насколько Аля неуклюжа (*Искренне ваши Шурик*, с. 222).

¹⁶ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка*, Москва 2000, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=светиться (25.09.2024).

Наречие *тихонько*¹⁷ указывает на пониженную громкость речи и одновременно содержит оттенок осторожности и сдержанности. В данном контексте снижение акустической интенсивности отражает ситуацию эмоционального риска: инициатива исходит от героини, однако она сопровождается внутренней неуверенностью и опасением быть неправильно понятой. Параязыковой элемент здесь выполняет двоякую функцию. С одной стороны, он передает интимный характер предложения, предполагающий сокращение психологической дистанции. С другой — подчеркивает неловкость момента и асимметрию ожиданий между персонажами, что дополнительно усиливается непониманием со стороны Шурика.

В следующих примерах снижение громкости реализуется через глаголы *зашептать* и *шептать*, обозначающие предельно тихую, интимную форму речевого контакта¹⁸:

Вдохнула его родной запах, который всегда ей так нравился, — смесь медицины, войны и алкоголя, зажмурилась, **зашептала**:

— Какой еще Флотов, какой еще Пароходов... Ты с ума сошел... Ты мой самый настоящий, самый любимый слон, папка, дурак старый... (*Казус Кукоцкого*, с. 207)

Обнимая своего первого и единственного в жизни мужчину шафрановыми, мускусными руками, она **шептала ему в ухо**: «Имя Дмитрий было написано у меня на груди»... (*Дочь Бухары*, с. 66)

В первом фрагменте шепот сопровождает ситуацию эмоционального потрясения. Он выполняет функцию психологического сближения: героиня стремится одновременно утешить и сохранить близость с отцом. Пониженная громкость речи отражает переход в интимную зону коммуникации, где важна не столько информационная составляющая реплики, сколько ее эмоциональное воздействие.

¹⁷ *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=тихонько (25.09.2024).

¹⁸ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=шептать (25.09.2024).

Во втором примере шепот также связан с физической близостью (*шептала ему в ухо*). Здесь параязыковой элемент усиливает чувственность эпизода и подчеркивает доверительный характер отношений. Шепот становится средством сокращения дистанции и символом исключительности связи между персонажами.

Как и в предыдущих примерах, снижение громкости речи используется и мужскими персонажами в ситуациях эмоциональной близости и утешения:

— Малышка моя дорогая, глупая, — **шептал** он. (*Казус Кукоцкого*, с. 226).

Ласковое обращение Павла Алексеевича к своей дочери в сочетании с шепотом создает атмосферу доверия. Параязыковой элемент здесь усиливает семантику заботы и эмоциональной поддержки.

В очередном примере уменьшительные формы *Веруся, мамочка*, а также повтор междометия *ну* создают эффект эмоционального сближения и внутреннего напряжения:

Когда Шурик заставлял ее в этой меланхолической позе, он просто тонул от нежного и горького сочувствия: он знал, что помешал великой артистической карьере. Он порывисто обнимал мать за девичьи плечи и **шептал**:

— Ну, Веруся, ну, мамочка... (*Искренне ваш Шурик*, с. 227)

Шепот сопровождает здесь физический контакт, что дополнительно подчеркивает сокращение дистанции между персонажами.

В обоих случаях мужские герои выражают чувства через сочетание параязыковых и вербальных средств — сниженную громкость, ласковые обращения, повтор. Это позволяет говорить не о недостатке эмоциональности, а о специфике коммуникативной стратегии, при которой голосовые характеристики взаимодействуют с лексическими средствами.

Если сопоставить данные фрагменты с ранее рассмотренными примерами, можно отметить, что в прозе Улицкой параязыковые средства распределяются

между мужскими и женскими персонажами в зависимости от ситуации и характера отношений. Эмоциональная выразительность оказывается не биологически заданной характеристикой, а элементом художественного моделирования.

Когда же речь идет об интонации в повседневной коммуникации, ее нередко смешивают с понятием «голос» или «тон». Однако с лингвистической точки зрения интонация представляет собой динамическую организацию высоты, интенсивности, темпа и паузации, которая структурирует высказывание и придает ему прагматическую направленность¹⁹. В русском языке интонация выполняет не только экспрессивную, но и синтаксико-семантическую функцию: в ряде случаев именно она позволяет различить коммуникативный тип предложения (например, повествовательное и вопросительное при отсутствии формальных показателей). Кроме того, интонация участвует в расстановке смысловых акцентов, выражении отношения говорящего и воздействии на адресата²⁰.

В прозе Людмилы Улицкой интонация становится важным средством характеристики персонажей и их социально-ролевых позиций.

Рассмотрим следующий пример:

— Ты должна осваивать принцип максимального расстояния, — сильно забегая вперед, поучала она дочь в первые же дни после выхода из роддома, и **в голосе ее прорезывались педагогические ноты**. — Когда ребенок подрастет, выпустит наконец твою руку и сделает первый шаг в сторону, ты должна будешь совершить свой шаг в противоположном направлении. Это ужасная опасность для всех матерей-одиночек, — безжалостно уточняла Елизавета Ивановна, — соединять себя и ребенка в один организм. (*Искренне ваш Шурик*, с. 182)

Предложение *в голосе ее прорезывались педагогические ноты* указывает не столько на тембр, сколько на интонационную манеру речи. Интонация здесь сигнализирует о привычной для героини позиции наставника и отражает перенос

¹⁹ Т.Е. Янко, *Русская интонация*, в: *Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006*, Москва 2008, с. 278.

²⁰ Н.В. Пронникова, *К вопросу о функциях интонации*, «Фундаментальные исследования» 2014, № 9, с. 1131–1135.

профессиональной модели общения в семейную сферу.

Интонационные характеристики могут также выявлять особенности личностного поведения персонажей в конкретной ситуации:

— Ну вот, видите, — **огорченно сказала** Маша, — уж на что наша Медея великий человек, кремень, а все равно запуганная. Слова не сказала и ушла.

[...]

— Да чего ей с тобой, с дурой, разговаривать? — хмыкнул Георгий.

— Перестань, — **ленивым голосом перебила** Ника. — Заначка есть?

— А как же! — обрадовался Георгий, пошарил у себя за спиной и вытащил дневную початую бутылку. (*Медея и ее дети*, с. 25–26)

Наречие *огорченно* указывает на эмоциональную включенность и оценочную позицию Маши. В то же время фраза *ленивым голосом* в отношении Ники формирует другой интонационный рисунок — более отстраненный и снижающий драматизм ситуации.

Различие интонационных характеристик в рамках одного фрагмента позволяет автору создать контраст коммуникативных стратегий: одна героиня усиливает эмоциональное напряжение, другая его нивелирует. Тем самым интонация становится средством тонкой психологической дифференциации персонажей.

В следующем примере интонация также отражает характер персонажа и выполняет прагматическую функцию воздействия на адресата:

— Я уже больше не могу, благодарю вас, — **обаятельно и почти жалобно говорила** Яся, а Сонечка все не могла выпустить из своего сердца сочувствия: сирота, бедная девочка, детдом... Господи, ну как же так можно... (*Сонечка*, с. 25)

Слово *обаятельно* — наречие, образованное от прилагательного *обаятельный*, обозначающего ‘преисполненный обаяния; пленительный,

чарующий'²¹. Наречие *жалобно*, в свою очередь, восходит к прилагательному *жалобный* — ‘выражающий страдание, скорбь, тоску’; ‘печальный, унылый’²². Оба наречия характеризуют манеру речи персонажа и ее эмоциональную окраску, указывая не столько на содержание высказывания, сколько на способ его произнесения. Сочетание *обаятельно и почти жалобно говорила* формирует сложную интонационную модель, в которой элементы привлекательности и страдательности соединяются и взаимно усиливают друг друга. Таким образом, интонация выступает не просто средством передачи эмоции, но инструментом коммуникативного воздействия.

Контекст позволяет интерпретировать речевое поведение Яси как целенаправленное: ее интонация ориентирована на вызов сочувствия и эмоционального отклика у Сонечки. Внутренний монолог последней подтверждает успешность этой стратегии. Следовательно, невербальный компонент (интонационная характеристика речи) становится важным средством раскрытия характера персонажа и его коммуникативной тактики.

Мужское невербальное поведение в художественном тексте нередко характеризуется большей сдержанностью и меньшей экспрессивной вариативностью по сравнению с женским. Однако это не означает отсутствия интонационной выразительности: мужчины также варьируют интонацию в зависимости от статуса, коммуникативной ситуации и целей высказывания, о чем свидетельствует данный пример:

— Мы ознакомились с вашим письмом, — **монархически произнес** партийный начальник. (*Казус Кукоцкого*, с. 22)

Наречие *монархически* образовано от прилагательного *монархический*, которое имеет следующие значения: 1) ‘соотносящийся с монархией, монархизмом’; 2) ‘свойственный монархии’; 3) ‘основанный на принципах

²¹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=обаятельный (27.09.2024).

²² Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=жалобный (27.09.2024).

монархии»; 4) ‘выражающий приверженность монархии’²³. В данном контексте это наречие не указывает на политическую позицию персонажа, а метафорически характеризует его манеру речи. Фраза *монархически произнес* описывает интонацию высказывания: речь идет о тоне, подчеркнуто величественном, дистанцированном, выражающем превосходство и властность. Партийный начальник выступает в роли представителя институциональной власти и приходит на встречу как лицо, обладающее правом оценивать и решать. Его манера речи отражает не только официальный статус, но и коммуникативную установку на дистанцию и доминирование. Интонация в данном случае подчеркивает иерархию и закрепляет асимметрию ролей в диалоге.

В коммуникативных ситуациях официального или полуофициального характера мужские персонажи в прозе Людмилы Улицкой нередко проявляют сдержанность и прагматическую расчетливость речевого поведения. Особенно это заметно при взаимодействии с незнакомыми людьми, когда интонационный выбор подчинен нормам вежливости и социального такта. Рассмотрим следующий пример:

— Прощу вас... Пожалуйста. Вы с супругой? — **полувопросительно произнес** пан Жувальский, отметив их большую разницу в возрасте, допускавшую и какие-то иные отношения между этими по виду мало подходящими друг другу людьми. Он указал на занавеску, где был выгорожен для него крохотный кабинетик. (*Сонечка*, с. 14.)

В этом фрагменте используется наречие *полувопросительно*, образованное от прилагательного *полувопросительный* — ‘наполовину вопросительный, с оттенком вопроса’²⁴. Конструкция *полувопросительно произнес* указывает на специфическую интонационную модель: высказывание оформлено не как прямой категорический вопрос, а как осторожное уточнение, допускающее возможность ошибки.

²³ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=монархический (27.09.2024).

²⁴ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=полувопросительный (27.09.2024).

Интонация в данном случае выполняет функцию коммуникативной страховки. Пан Жувальский замечает значительную разницу в возрасте между собеседниками, что вызывает у него сомнение относительно характера их отношений. Однако вместо прямого и потенциально неловкого вопроса он выбирает смягченную, *полувопросительную* форму.

С гендерной точки зрения данный пример показывает, как нам кажется, социально усвоенную модель мужского поведения в официальной ситуации: сдержанность, осторожность, стремление сохранить статусную корректность. Интонация здесь не выражает ярких эмоций, а служит средством регуляции межличностной дистанции и предотвращения возможной коммуникативной неловкости.

В прозе Людмилы Улицкой голосовые характеристики и интонация часто функционируют в тесном взаимодействии, создавая сложный параязыковой комплекс. Это взаимодействие особенно заметно в эмоционально напряженных ситуациях. Рассмотрим следующий пример:

Водянистая толстуха покраснела, глаза ее наполнились слезами, и она **пропищала обиженно**:

— Что вы хотите этим сказать? (*Медея и ее дети*, с. 29)

Глагол *пропищала*²⁵ в данном контексте характеризует тембр и высоту голоса — тонкий, высокий, напряженный. Наречие *обиженно* (от прилагательного *обиженный* — ‘испытывающий чувство обиды’; ‘выражающий чувство обиды’²⁶) указывает на эмоциональную окраску высказывания. Таким образом, сочетание *пропищала обиженно* объединяет два уровня невербальной характеристики: физиологический (тембровый, акустический) и эмоционально-интонационный. Голосовая характеристика усиливает впечатление внутренней неустойчивости персонажа, тогда как интонация отражает переживаемое чувство обиды.

²⁵ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=пропищать (29.09.2024).

²⁶ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=обиженный (29.09.2024).

Параязыковой компонент здесь тесно связан с описанием внешних реакций (*покраснела, глаза наполнились слезами*), что создает целостную модель эмоционального состояния. Интонационно-голосовой комплекс становится средством психологической характеристики героини.

С гендерной точки зрения данный фрагмент показывает культурно закрепленную модель выражения обиды через повышение тона, эмоциональную экспрессивность и телесные реакции. Однако речь идет не о «типично женском» поведении как биологической характеристике, а о репрезентации коммуникативной роли, в рамках которой эмоциональная реакция получает вербально-параязыковое выражение.

Следующий пример представляет собой гендерно маркированную модель параязыкового поведения, в которой голосовые характеристики и интонация выступают средствами эмоциональной поддержки:

— Ну а ты так сможешь?

— Смогу, — ни минуты не промедлив, ответила Таня. Она вовсе не была уверена, что действительно сможет.

[...]

— Молодец, — **одобрительно сказал мягкий женский голос**. (*Казус Кукоцкого*, с. 95)

Наречие *одобрительно* (от прилагательного *одобрительный* — ‘содержащий в себе одобрение; выражающий одобрение’²⁷) указывает на эмоционально-интонационную характеристику высказывания. Оно выражает позитивную оценку и поддерживающее отношение к адресату. Словосочетание *мягкий женский голос* описывает тембровые особенности речи (мягкость как отсутствие резкости, плавность звучания) и одновременно указывает на гендерную принадлежность говорящего. В данном контексте голосовая характеристика не нейтральна: мягкость тембра усиливает интонацию одобрения и создает атмосферу психологической безопасности.

²⁷ С.А. Кузнецов, *Большой толковый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=одобрительный (29.09.2024).

С гендерной точки зрения данный пример иллюстрирует культурно закрепленную модель женской коммуникативной роли, ассоциируемой с заботой, поддержкой и эмпатией.

Голос и манера речи в художественном тексте выступают важными средствами репрезентации эмоционального состояния и психологического портрета персонажа. Рассмотрим следующий пример мужского голосового поведения:

— Едут! — **заорал сорвавшимся от счастья голосом** Артем, кубарем скатился с крыши и понесся к калитке. (*Медея и ее дети*, с. 23)

Причастие *сорвавшимся* образовано от глагола *сорваться*, одно из значений которого относится к голосу: ‘пресечься, прерваться, резко измениться от волнения или напряжения (о голосе)’²⁸. Сочетание *сорвавшимся голосом* указывает на изменение тембровых характеристик — голос становится напряженным, неровным, возможно, хрипловатым или дрожащим. Дополнение *от счастья* уточняет причину голосовой трансформации, связывая изменение звучания с интенсивным эмоциональным переживанием. Параязыковой компонент (изменение тембра) дополняется глаголом *заорал*, который усиливает экспрессивность ситуации. В совокупности голосовая характеристика и глагольная семантика создают образ спонтанной, неконтролируемой радости. Как можно заметить, невербальные признаки не только передают настроение персонажа, но и формируют динамику сцены, подчеркивая его эмоциональную открытость и непосредственность.

С гендерной точки зрения данный пример показывает, что мужское голосовое поведение в прозе Улицкой не ограничивается сдержанностью и статусной дистанцией. В ситуации сильного аффекта оно может быть столь же экспрессивным, однако проявляется преимущественно в форме эмоционального всплеска, а не в тонкой интонационной модуляции.

²⁸ С.А. Кузнецов, *Большой толковый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=сорваться (29.09.2024).

Второй пример содержит другую модель мужского голосового поведения, отличающуюся эмоциональной уязвимостью:

А Тимлер, в обществе молодой любовницы пришедший проститься со своим старым другом, **сказал тоскливым тонким голосом**:

— Красиво как... Лия и Рахиль... Никогда не знал, как красива бывает Лия.
(*Сонечка*, с. 36)

Прилагательное *тоскливый* имеет следующие значения: 1) ‘преисполненный тоски’; 2) ‘наводящий тоску, вызывающий уныние’²⁹. В данном контексте оно относится к интонационной характеристике высказывания и указывает на эмоциональное состояние персонажа — внутреннюю печаль, возможно, сожаление. Прилагательное *тонкий*³⁰ же в переносном значении обозначает ‘обладающий большой высотой звучания; высокий’. Сочетание *тонким голосом* описывает тембровую характеристику речи — высокий, не насыщенный по тембру голос. Таким образом, в конструкции *тоскливым тонким голосом* объединяются два параязыковых параметра: тембровый (высота звучания) и эмоционально-интонационный (тоскливость). Голос здесь становится показателем внутренней хрупкости персонажа и подчеркивает драматизм ситуации прощания.

Интересным представляется тот факт, что высокий, *тонкий* голос традиционно не ассоциируется с нормативной моделью мужской речи, предполагающей низкий тембр и уверенную звучность. Использование подобной характеристики создает эффект смещения гендерных ожиданий и усиливает впечатление эмоциональной открытости героя. Речь идет не о «женственности» как личностной черте, а о художественном приеме, позволяющем подчеркнуть его внутреннюю ранимость и сложность переживания.

²⁹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=тоскливый (29.09.2024).

³⁰ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=тонкий (29.09.2024).

В заключение можно сказать, что в прозе Людмилы Улицкой параязыковое поведение выступает одним из наиболее частотных средств невербальной коммуникации. Оно не только фиксирует изменения эмоционального состояния персонажей, но и выполняет функцию их психологической характеристики, а также обращает внимание на особенности коммуникативной роли в конкретной ситуации.

С гендерной точки зрения анализ материала позволяет нам говорить о различиях в репрезентации мужского и женского параязыкового поведения. Женские персонажи чаще описываются через подробные голосовые и интонационные характеристики, сопровождаемые указанием на эмоциональные колебания, тембровые нюансы и степень экспрессивности. Мужские персонажи, напротив, нередко представлены либо через сдержанные, статусно маркированные интонационные модели, либо через яркие, но ситуативно обусловленные эмоциональные всплески.

Важно при этом подчеркнуть, что речь идет не о биологической детерминации «эмоциональности» или «рациональности», а о художественной репрезентации культурно закреплённых моделей коммуникативного поведения. Параязыковые характеристики в тексте отражают социальные ожидания и гендерные сценарии, в рамках которых формируются способы выражения чувств, дистанции, доминирования или поддержки.

4.2.2. Жестовое поведение

Невербальное поведение является важным компонентом человеческой коммуникации и нередко выступает эффективным средством передачи информации, особенно в ситуациях, связанных с сильными эмоциональными переживаниями говорящего³¹. Устное общение, как правило, сопровождается разнообразными жестами и телесными движениями, которые дополняют

³¹ Г.Е. Крейдлин, *Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I. Жестовые ударения*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2006»*, Москва 2006, с. 290–296.

вербальное высказывание и способствуют более выразительной передаче мыслей, чувств и эмоциональных состояний. В результате вербальные и невербальные элементы образуют единый мультимодальный коммуникативный комплекс³².

В научной литературе нередко высказывается мнение о том, что жесты могли играть важную роль на ранних этапах развития человеческого общения, предшествуя формированию членораздельной речи. Хотя данная гипотеза остается дискуссионной, большинство исследователей сходятся во мнении, что жесты являются неотъемлемой частью человеческой коммуникации. В частности, результаты исследований, проведенных в различных областях когнитивной науки и психолингвистики, свидетельствуют о тесной взаимосвязи жестовой и речевой деятельности³³.

В широком понимании жесты включают движения различных частей тела (рук, головы, плеч и др.), мимику, позы, характерные телесные движения, а также знаки прикосновения и взгляда. Кроме того, к сфере невербального поведения нередко относят более сложные формы поведенческих знаков, сочетающих вербальные и невербальные элементы, например, коммуникативные манеры³⁴.

Жесты обладают рядом признаков, которые позволяют отличить их от обычных телесных действий. К основным характеристикам жестов относятся:

- 1) осознанность — движения тела совершаются говорящим целенаправленно и могут использоваться для передачи определенного сообщения;
- 2) информативность — жест несет определенную семантическую или прагматическую информацию;
- 3) намеренность — движение выполняется с целью воздействия на адресата или регулирования процесса коммуникации³⁵.

Таким образом, жестовое поведение включает различные формы телесной

³² Е.А. Гришина, *О мультимодальных кластерах в устной речи*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011»*, Москва 2011, с. 243–257.

³³ С.Э. Артишевский, Э.В. Артишевский, *Язык жестов в профессии репортера*, «Медиасреда» 2017, № 12, с. 24–29.

³⁴ Г.Е. Крейдлин, *Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: Финская и русская жестовые системы*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»)*, Москва 2009 (8), с. 224–229.

³⁵ А.А. Рашина, М.В. Томская, *Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте*, «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» 2022, № 5 (860), с. 86.

экспрессии, прежде всего движения головы, рук и других частей тела, мимику и позы.

Как отмечают Анастасия Рашина и Мария Томская, результаты исследований гендерных особенностей невербального поведения не являются однозначными, поскольку на характер жестикюляции влияет целый ряд факторов — культурных, социальных, ситуативных и индивидуальных³⁶. Тем не менее в ряде работ указывается, что мужчины и женщины могут использовать различные модели жестового поведения, обусловленные социокультурными нормами и коммуникативными ожиданиями.

С гендерной точки зрения некоторые движения тела традиционно ассоциируются с мужскими или женскими моделями поведения. Так, к типичным мужским жестам нередко относят, например, похлопывание по плечу, почесывание затылка, удар кулаком по столу или поглаживание бороды. В свою очередь, среди жестов, чаще приписываемых женскому поведению, упоминаются поправление волос, легкий наклон головы или другие движения, связанные с проявлением внимания и эмоциональной реакции. Следует, однако, учитывать, что подобные различия во многом обусловлены культурными стереотипами и нормами социального поведения.

В настоящем исследовании жестовое поведение рассматривается прежде всего как элемент художественной репрезентации невербальной коммуникации в прозе Людмилы Улицкой. Наш анализ направлен на выявление типов жестов, используемых персонажами, а также на определение их коммуникативных и прагматических функций в структуре художественного диалога.

Наиболее распространенной формой мимического выражения является улыбка. В ряде исследований отмечается, что женщины в среднем чаще используют улыбку в процессе общения, тогда как мужская мимика нередко характеризуется большей сдержанностью и меньшей частотой проявления позитивных эмоциональных сигналов. Вместе с тем улыбка не всегда служит выражением радости или удовлетворения. В коммуникативной практике она может выполнять различные прагматические функции: смягчать напряжение

³⁶ Там же, с. 85–92.

в разговоре, выражать вежливость, поддерживать социальную дистанцию или маскировать внутреннее эмоциональное состояние³⁷.

Поза обычно понимается как положение, принимаемое человеческим телом в процессе взаимодействия. К базовым типам относятся позы *стоя*, *сидя* и *лежа*. В научной литературе отмечается, что особенности позы могут быть связаны не только с индивидуальными привычками человека, но и с культурными и социальными нормами поведения. Так, например, определенные позы могут восприниматься как более типичные для мужского или женского поведения. В частности, в ряде культур свободная поза *сидя с широко расставленными ногами* традиционно ассоциируется с мужской манерой поведения, тогда как поза *со скрещенными ногами* чаще интерпретируется как более сдержанная и социально нормативная для женщин. Следует, однако, учитывать, что подобные различия во многом обусловлены культурными стереотипами.

Жестовое поведение человека тесно связано с культурным контекстом. Национальные традиции, социальные нормы и коммуникативные привычки могут существенно влиять на характер жестикуляции. В связи с этим одни и те же жесты в разных культурах могут интерпретироваться по-разному. Кроме того, различия в жизненном опыте, системе ценностей и коммуникативных установках могут приводить к тому, что мужчины и женщины используют разные формы невербального выражения эмоций.

В зависимости от взаимодействия жестов с речью исследователи выделяют несколько типов жестовых единиц. В настоящей работе используются три основные группы жестов: эмблематические, иллюстративные и регулятивные³⁸.

Эмблематические жесты представляют собой жесты с относительно устойчивым и социально закрепленным значением. Они могут функционировать независимо от речи и в определенных ситуациях заменять вербальное высказывание. К подобным жестам относятся, например, прикладывание пальца к губам в значении просьбы о молчании, покачивание головой как знак отрицания или легкий поклон, выражающий приветствие либо уважение. При этом следует

³⁷ 史崇文, *跨文化交际中的性别差异*, 吉林大学 2007, 第 44–45 页。

³⁸ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной...*, с. 59–61.

учитывать, что хотя многие эмблематические жесты являются достаточно устойчивыми внутри одной культуры, их интерпретация может существенно различаться в разных культурных традициях.

В прозе Людмилы Улицкой большинство жестов сопровождает речевую коммуникацию, однако встречаются и жесты, способные передавать значение самостоятельно. Рассмотрим сначала эмблематические жесты, используемые женскими персонажами. Показательным является следующий фрагмент:

«Неужели она нас совсем не любит?» — ужаснулась Елена. **Вынула из сумки все деньги, что у нее были, и молча отдала Василисе.**

Василиса **поклонилась, взяла свои пожитки и пошла...** (*Казус Кукоцкого*, с. 48)

В данном отрывке действие Елены — *молча передать деньги* — выступает коммуникативным поступком, который сопровождает эмоциональную реакцию персонажа и передает ее отношение к ситуации. Молчаливый характер этого действия усиливает его выразительность и подчеркивает внутреннее переживание героини. Жест *поклонилась*, напротив, можно отнести к эмблематическим жестам. Согласно словарному толкованию, *поклониться* означает: 1) ‘сделать поклон в знак приветствия, благодарности, уважения’; 2) перен. разг. ‘униженно попросить о чем-либо’; 3) перен. ‘выразить особое почтение кому-либо’³⁹. Поклон является социально закрепленным символическим жестом, который в разных коммуникативных ситуациях может выражать благодарность, уважение или прощание. В рассматриваемом эпизоде этот жест выполняет функцию невербального подтверждения взаимного понимания между персонажами.

Как уже отмечалось, улыбка является одной из наиболее распространенных форм мимического выражения эмоций⁴⁰. Она может передавать широкий спектр

³⁹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=поклониться (05.11.2024).

⁴⁰ В исследованиях невербальной коммуникации улыбка рассматривается как одна из базовых форм мимического выражения эмоций. П. Экман выделяет несколько типов улыбки, различающихся по своим эмоциональным и коммуникативным функциям. Наиболее известным является различие между так называемой «улыбкой Дюшенна», связанной с подлинным переживанием положительных эмоций и сопровождающейся сокращением круговой мышцы глаза, и «социальной улыбкой», выполняющей прежде всего коммуникативные и этикетные функции. См.: P. Ekman, W.V. Friesen, *Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions*, Englewood Cliffs 1975, с. 45–48, 50–52, 53–55;

эмоциональных состояний и выполнять различные коммуникативные функции. Например, в публичных ситуациях или в присутствии незнакомых людей улыбка нередко используется для смягчения напряжения, демонстрации вежливости или скрытия внутреннего волнения.

Мимический жест улыбки также часто встречается в прозе Людмилы Улицкой, что можно наблюдать, например, в следующем фрагменте:

— Простите, больше не буду, — ответил ему Шурик совершенно серьезно, и **Вера улыбнулась Шурику понимающе.** (*Искренне ваш Шурик*, с. 236)

В данном эпизоде жест *улыбнулась Шурику понимающе* выступает средством невербального выражения эмоционального отношения персонажа к происходящему. Улыбка сопровождает слова героя и визуализирует реакцию Веры на ситуацию, передавая оттенки понимания, доброжелательности и внутреннего прощения. В контексте данной сцены этот жест выполняет также прагматическую функцию смягчения ситуации: Вера реагирует на слова Шурика таким образом, чтобы снизить возможное напряжение и поддержать эмоциональный контакт. Можно предположить, что ее улыбка связана как с присутствием других людей, так и с желанием успокоить сына.

По сравнению с описанными ранее жестами женских персонажей, невербальные реакции мужских персонажей в ряде случаев носят более сдержанный и внутренне напряженный характер, о чем свидетельствует, например, следующий фрагмент:

— Паша, мы переживаем теперь времена инквизиции. Это неизбежно пройдет, как прошли времена испанской. Будущее за нами, за учеными. Другой силы, которая могла бы спасти мир, не существует! — Худые длинные руки метались в воздухе, выпуклые серые глаза блестели больным огнем. Желтоватый ястребиный нос, большой кадык на морщинистой шее, сутулая костлявая фигура — спаситель мира!

Р. Ekman, *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*, New York 2003, с. 206–210, 212–214. См. также: Г.Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*, Москва 2002.

Павел Алексеевич **мотал головой, жмурился**, старался смолчать: безумец, святой безумец, бритвенного тазика не хватает... (*Казус Кукоцкого*, с. 36)

В данном отрывке жест *мотал головой* может интерпретироваться как невербальный сигнал несогласия или внутреннего сомнения. Покачивание головой во многих культурах связано с выражением отрицания или скептического отношения и может функционировать как относительно устойчивый коммуникативный знак.

Одновременно мимическое действие *жмурился* передает внутреннее напряжение персонажа и сопровождает его попытку воздержаться от прямой вербальной реакции. Как видим, невербальное поведение героя отражает его эмоциональное состояние и отношение к высказываниям собеседника.

Следующий пример также содержит невербальные реакции мужского персонажа, выражающие внутреннее раздражение:

— Ах, боже мой! Простите! С вашей женой все в порядке, идут схватки, я про эту несчастную башкирку...

Роберт Викторович **хрупнул зубами**, выматерился про себя: он терпеть не мог нервических мужчин, одержимых желанием ежеминутно выговаривать свои переживания. Он **зажевал губами и посмотрел в сторону**. (*Сонечка*, с. 14)

В вышеприведенном фрагменте описывается целый комплекс невербальных реакций персонажа. Действие *хрупнул зубами* передает внутреннее раздражение героя и подчеркивает его эмоциональное напряжение. Жест *зажевал губами* также может интерпретироваться как попытка сдержать эмоции или подавить возникающую реакцию. Наконец, *посмотрел в сторону* сигнализирует о нежелании продолжать взаимодействие и может рассматриваться как способ дистанцирования от собеседника.

Таким образом, описанные здесь жесты выполняют прежде всего экспрессивную функцию: они визуализируют внутреннее состояние персонажа и усиливают эмоциональную выразительность сцены.

Следует отметить, что границы между различными типами жестов

(например, эмблематическими и иллюстративными) не всегда являются строго фиксированными. В конкретной коммуникативной ситуации один и тот же жест может выполнять разные функции в зависимости от контекста общения⁴¹.

Иллюстративные жесты сопровождают речевые акты и, как правило, дополняют значение, выраженное средствами языка. Они помогают конкретизировать или визуализировать содержание высказывания. Например, в процессе общения при употреблении слов «здесь», «тут», «я» говорящие нередко указывают рукой на себя или на пространство рядом с собой, тем самым усиливая деиктическое значение высказывания. В свою очередь, при использовании слов «там», «ты», «вы» и других подобных выражений жест может указывать на удаленный объект или на собеседника⁴².

Среди различных типов жестов именно иллюстративные жесты составляют наиболее многочисленную группу. Они представляют собой, как правило, спонтанные движения, не обладающие строго фиксированной формой и устойчивой символической связью между означающим и означаемым⁴³. Значение таких жестов интерпретируется адресатом прежде всего на основе коммуникативного контекста и сопровождающей их речи. Индивидуальные особенности жестового поведения могут существенно различаться у разных говорящих. Тем не менее исследования невербальной коммуникации показывают, что определенные модели использования жестов могут быть характерны для представителей разных культур и языковых сообществ⁴⁴.

Во многих работах, посвященных анализу иллюстративных жестов, основное внимание уделяется движениям рук, поскольку именно они наиболее активно участвуют в сопровождении речи и, по данным ряда исследований, составляют значительную часть иллюстративных жестов⁴⁵.

Рассмотрим теперь использование иллюстративных жестов в прозе Людмилы Улицкой. Для целей анализа мы условно разделим их на две группы.

⁴¹ Г.Е. Крейдлин, *Невербальное поведение людей разных культур...*, с. 224–229.

⁴² 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 225 页。

⁴³ Ю.В. Николаева, *Иллюстративные жесты в русском дискурсе*, Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук, Москва 2013, с. 5.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Ю.В. Николаева, *Функционирование иллюстративных жестов в устном дискурсе*, «Новые информационные технологии в автоматизированных системах» 2010, № 13, с. 70–74.

Первую группу образуют нейтральные иллюстративные жесты, не сопровождающиеся ярко выраженной эмоциональной окраской и встречающиеся как у мужских, так и у женских персонажей. Например:

(1) — Лимфатик, лимфатик. Возможно, щитовидочка чуть увеличена. А как аппетит? Конечно, плохой. Откуда быть хорошему? А рвоты? Рвоты случаются? Нераус?
— Очень часто, — **кивнула** Елена. — Одна лишняя ложка, и рвота. Мы никогда и не уговариваем. (*Казус Кукоцкого*, с. 26)

(2) — Вы у кого живете?
— У тети Ады, — ответила женщина, не отрывая глаз от змеиной кожи.
— А, — **кивнул** он, — значит, увидимся. В гости приходите, мы вон там... (*Медея и ее дети*, с. 13)

В обоих случаях жест кивнуть (*кивнула, кивнул*) сопровождает речевое высказывание и выполняет функцию подтверждения или поддержания коммуникативного контакта. Такой жест не несет самостоятельного символического значения, а лишь дополняет содержание реплики говорящего.

Подобные нейтральные иллюстративные жесты характерны для обычного диалогического взаимодействия: они сигнализируют внимание к собеседнику, подтверждают понимание или служат элементом поддержания коммуникативного ритма разговора.

Вторую группу же образуют иллюстративные жесты, сопровождающиеся ярко выраженной эмоциональной окраской. Рассмотрим несколько примеров подобных жестов, используемых женскими персонажами.

— Ужасно, ужасно, — **опустила голову на руки** Елена.

[...]

— Ты подумай о женщинах! — **прикрикнул** Павел Алексеевич.

— А почему надо о них думать? Они преступницы, собственных детей убивают, — **поджала губы** Елена. (*Казус Кукоцкого*, с. 45)

В данном фрагменте жест *опустила голову на руки* передает эмоциональное состояние героини — усталость, отчаяние или сильное внутреннее напряжение. Он сопровождает ее реплику *ужасно, ужасно* и усиливает выразительность эмоциональной реакции персонажа. Мимическое действие *поджала губы* также выполняет иллюстративную функцию. Подобный жест часто связан с попыткой сдержать эмоции и может выражать недовольство, несогласие или внутренний протест. В данном контексте он подчеркивает отношение Елены к обсуждаемой теме и усиливает смысл ее слов.

Очередной пример:

— Ты как знаешь, а я с ним жить больше не стану. Уеду, — отрезала старуха.

— А я как же? — взмолилась Елена.

— Он муж тебе, — **насупилась** Василиса. (*Казус Кукоцкого*, с. 46)

Глагол *насупиться* имеет следующие значения: 1. ‘сдвинуться, нахмуриться (о бровях)’; 2. ‘сдвинув, нахмутив брови, принять суровый, неприветливый вид’⁴⁶. В данном случае мимический жест *насупилась* выражает недовольство или внутреннее напряжение персонажа. Он визуализирует реакцию Василисы на слова Елены и усиливает эмоциональную характеристику сцены.

Следующий пример также демонстрирует использование иллюстративного жеста для усиления эмоциональной выразительности высказывания:

— Боже мой! Как жить-то теперь? — Елена **указала пальцем на крупную, негнушмиися писарскими цифрами написанную дату смерти.** — Число видишь какое?

Это был тот самый день, когда она впервые осталась у Павла Алексеевича. (*Казус Кукоцкого*, с. 15)

Жест *указала пальцем на дату* сопровождает речь героини и выполняет деиктическую функцию, акцентируя внимание собеседника на конкретном

⁴⁶ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=насупиться (23.11.2024).

объекте. Одновременно он усиливает эмоциональное напряжение сцены, подчеркивая значимость упомянутого факта для персонажа.

Помимо грустных и напряженных эмоций, женские персонажи в прозе Людмилы Улицкой нередко выражают и радостные, веселые эмоциональные реакции. Это можно наблюдать, например, в следующем фрагменте:

Когда дверь захлопнулась, оба захохотали.

— А из ушей! А из ушей! — **всхлипывала от смеха** Вера. (*Искренне ваш Шурик*, с. 236)

Глагол *всхлипывать* означает ‘издавать хлипы, прерывисто дыша и втягивая воздух’⁴⁷. В данном отрывке *всхлипывала от смеха* представляет собой параязыковую эмоциональную реакцию, сопровождающую речь персонажа. Смех и звуковая реакция Веры усиливают выразительность сцены и подчеркивают ее эмоциональное состояние. Благодаря этому невербальному компоненту реплика героини приобретает большую экспрессивность и живость.

В отличие от подобных эмоционально открытых реакций, невербальное поведение мужских персонажей в ряде случаев характеризуется большей сдержанностью и выражается преимущественно через мимику. Рассмотрим несколько примеров:

(1) — Мы потеряли миллионы мужчин, а теперь теряем тысячи женщин. Честный медицинский аборт не влечет риска для жизни, — Павел Алексеевич **сморщился**.
— Видите ли, рост благосостояния сам по себе будет обуславливать повышение рождаемости... (*Казус Кукоцкого*, с. 23)

(2) Ну что, мы вляпались в историю... В морг надо ее везти... — полувопросительно сказал ассистент.
— Нет, Витя. Мы ее в наш морг не можем брать. Я сейчас пришлю Василису Гавриловну. Она вызовет «Скорую», милицию... Нас здесь не было... —

⁴⁷ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=всхлипывать (20.11.2024).

сморщился Павел Алексеевич. — Сам знаешь, живую я бы взял... (*Казус Кукоцкого*, с. 43)

В обоих фрагментах используется глагол *сморщиться*, который имеет следующие значения: 1) ‘собраться в морщины, наморщиться’; 2) ‘сморщить лицо’; 3) ‘стать морщинистым’; 4) ‘покрыться складками, съежиться’⁴⁸. В рассматриваемых примерах мимическое действие *сморщился* сопровождает реплику персонажа и иллюстрирует его эмоциональную реакцию на ситуацию.

Подобная мимическая реакция может выражать недовольствие, скептицизм или внутреннее напряжение и тем самым усиливает выразительность высказывания, помогая читателю лучше понять эмоциональное состояние героя.

Еще один пример:

Начальник **скривил губы**, глубокие складки опустились к подбородку:

— Уберите это... Там надо говорить, — он **указал рукой в небо**.

— Так я вам оставлю препарат. Может, пригодится? (*Казус Кукоцкого*, с. 23)

Жесты *скривил губы и указал рукой в небо* можно отнести к иллюстративным жестам. Глагол *скривить* имеет значение ‘сделать что-либо кривым, перекошенным; искривить’⁴⁹. В данном контексте мимическое действие *скривил губы* передает эмоциональное состояние персонажа — раздражение или недовольство. Описание *глубокие складки опустились к подбородку* усиливает эту мимическую характеристику и помогает визуализировать эмоциональную реакцию героя.

Жест *указал рукой в небо* сопровождает реплику персонажа и выполняет деиктическую функцию, указывая на направление или источник решения, о котором идет речь. Можно тогда сказать, что данный жест уточняет содержание высказывания и делает его более наглядным.

Помимо эмблематических и иллюстративных жестов, в коммуникации

⁴⁸ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=сморщиться (23.11.2024).

⁴⁹ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=скривить (29.11.2024).

встречаются также регулятивные жесты, которые управляют ходом взаимодействия между собеседниками: могут начинать, поддерживать или завершать общение. Подобные жесты могут использоваться как самостоятельно, так и в сочетании с вербальными средствами. К ним относятся, например, кивок, покачивание головы и другие сигналы обратной связи⁵⁰.

Сначала проанализируем регулятивные жесты, используемые женскими персонажами.

— Тома, ты сейчас забери малышей и поднимайся в двенадцатую квартиру. В сером доме, знаешь?

Она **кивнула, но все стояла на месте.** (*Казус Кукоцкого*, с. 43)

В данном случае жест *кивнула* выполняет регулятивную функцию, сигнализируя согласие или подтверждение понимания сказанного. Кивок выражает готовность персонажа принять указание собеседника и тем самым поддерживает ход коммуникации. Одновременно контраст между жестом согласия и тем, что героиня остается на месте, может указывать на внутреннее колебание или неуверенность. Однако сам жест кивка выполняет прежде всего функцию управления взаимодействием в диалоге.

Рассмотрим следующий пример:

— Право, у тебя соображение как у пятилетнего дитяти, — рассердилась Елизавета Ивановна. — С того света! Разумеется, я продавала камешек за камешком.

Привычным движением с подковыркой она **воткнула шпильку в пучок и задвинула крышку секретера.** (*Искренне ваш Шурик*, с. 291)

В данной сцене регулятивную функцию выполняют действия *воткнула шпильку в пучок и задвинула крышку секретера*. Жест *воткнула шпильку в пучок* сопровождает эмоциональное состояние персонажа и подчеркивает раздраженный или иронический тон высказывания.

⁵⁰ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной...*, с. 61.

Жест задвинула крышку секретера не только описывает действие героини, но и символически обозначает завершение разговора или стремление прекратить обсуждение темы. На это указывает и семантика глагола *задвинуть*: 1) ‘переместить внутрь, вглубь чего-либо’; 2) ‘довести движение до конца, чтобы закрыть или заслонить’; 3) ‘закрыть, заслонить чем-либо передвигаемым’⁵¹.

В некоторых случаях регулятивные жесты могут сопровождаться выраженной эмоциональной окраской и одновременно сигнализировать о завершении взаимодействия. Рассмотрим следующий пример:

— Да, и мне пора, — **надменно кивнула Аля и ушла, ритмично покачивая начесом из грубых черных волос и мужественно сдерживая злые слезы неудачи.**
(*Искренне ваш Шурик*, с. 217)

Жест *надменно кивнула* выполняет в данном контексте регулятивную функцию. Кивок сигнализирует завершение разговора и обозначает решение персонажа прервать взаимодействие. При этом наречие *надменно* придает жесту дополнительную эмоциональную окраску, подчеркивая отношение героини к ситуации. Сопутствующее описание поведения персонажа (*ритмично покачивая начесом из грубых черных волос и сдерживая слезы*) усиливает эмоциональную характеристику сцены и помогает раскрыть внутреннее напряжение героини.

В ряде случаев регулятивные жесты мужских персонажей могут приобретать более резкий или физически выраженный характер. Например:

Когда Антон Иванович свое неясное подозрение высказал Бутонову, тот выдавил из себя:

— А к Ване не только рабочий с хоздвора приходил...

Антон Иванович **схватил его за рукав**:

— Говори... (*Медея и ее дети*, с. 54)

Жест *схватил его за рукав* выполняет регулятивную функцию управления

⁵¹ *Словарь русского языка...*, https://udarenieru.ru/index.php?word=on&mas_word=задвинуть (29.11.2024).

взаимодействием между собеседниками. В данной ситуации персонаж использует физическое воздействие для того, чтобы побудить собеседника продолжить высказывание. Жест усиливает требование *Говори...* и оказывает давление на адресата, влияя на дальнейшее развитие диалога.

Регулятивные функции могут выполнять и действия, направленные на прекращение общения. Например:

Дебора Львовна затихала на минутку, а потом вспенивалась новой страстью:

— Что мне твои деньги! Мне плевать на твои деньги! Мы с папой всегда плевали на деньги!

Вы погубите ребенка своими деньгами!

Алик хватался за голову, уходил в комнату. (*Медея и ее дети*, с. 136)

В данном фрагменте действие *хватался за голову* передает эмоциональное состояние персонажа — растерянность или внутреннее напряжение. Одновременно действие *уходил в комнату* можно рассматривать как регулятивный жест, поскольку оно выражает стремление персонажа прекратить взаимодействие и выйти из конфликтной ситуации.

Подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что в прозе Людмилы Улицкой широко представлены различные формы жестового поведения персонажей. Наиболее частотными являются иллюстративные жесты, сопровождающие речь и уточняющие или усиливающие ее смысловое и эмоциональное содержание.

С гендерной точки зрения наблюдаются определенные различия в характере невербального поведения персонажей. Жесты женских персонажей нередко отличаются большей эмоциональной выразительностью и разнообразием форм. При этом они, как правило, остаются в рамках социально и коммуникативно нормативного поведения.

Жесты мужских персонажей же чаще передают внутреннее напряжение, скептическое отношение или стремление контролировать ход взаимодействия. В некоторых случаях они могут приобретать более резкий или физически

выраженный характер, что связано с попыткой повлиять на развитие диалога или управлять коммуникативной ситуацией.

4.2.3. Тактильное поведение

В современной науке тактильное поведение рассматривается как один из важнейших компонентов невербальной коммуникации. В исследованиях межличностного взаимодействия прикосновение трактуется как самостоятельный канал передачи информации, способный передавать эмоциональные состояния, межличностные отношения и коммуникативные намерения участников общения⁵².

Система прикосновений обычно описывается в рамках так называемой хаптики — области исследований, изучающей коммуникативные функции телесного контакта между людьми. Хаптика рассматривается как одна из основных подсистем невербальной коммуникации наряду с мимикой, жестами, проксемикой и параязыковыми средствами⁵³.

В процессе общения люди используют различные формы прикосновения к собеседнику, например похлопывание, объятие, поцелуй, поглаживание, рукопожатие и др.⁵⁴ Подобные действия могут выполнять различные коммуникативные функции: выражать эмоциональную поддержку, указывать на степень близости между собеседниками, регулировать ход взаимодействия или сигнализировать о социальном статусе участников коммуникации⁵⁵.

Таким образом, тактильное поведение может выступать одним из значимых источников информации⁵⁶, поскольку посредством прикосновений передается широкий спектр эмоциональных и коммуникативных сигналов, способствующих

⁵² См. об этом: J. Lubocha-Kruglik, *Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim*, Katowice 2010, с. 195–208.

⁵³ M.L. Knapp, J.A. Hall, T.G. Horgan, *Nonverbal Communication in Human Interaction*, Boston 2014, с. 250–256.

⁵⁴ Э.А. Латыпова, Э.Р. Латыпов, *Такесические средства невербального общения*, «Экономика и социум» 2016, № 3 (22), с. 691–693.

⁵⁵ M. Argyle, *Bodily Communication*, London–New York 1988, с. 188–204; J.K. Burgoon, L.K. Guerrero, K. Floyd, *Nonverbal Communication*, Boston 2010, с. 225–240.

⁵⁶ Я. Ван, *Невербальные коммуникации в деловом общении*, в: *Материалы заочной международной научной конференции «Актуальные вопросы современной экономики и менеджмента»*, Иркутск 2013, с. 68–74.

более эффективному межличностному взаимодействию.

Прагматическая функция тактильного поведения проявляется прежде всего в следующих аспектах⁵⁷:

1) выражение дружеского расположения, сочувствия или беспокойства по отношению к адресату действия;

2) показание близости и интимности отношений между участниками коммуникации;

3) установление контакта между отправителем и получателем действия, привлечение внимания собеседника или побуждение его обратить внимание на определенный объект или ситуацию;

4) выражение доминантного положения человека в рамках определенной социальной иерархии.

Следует при этом отметить, что в перечисленных ситуациях использования тактильного поведения наблюдаются различия между участниками коммуникации с точки зрения их социального статуса и степени межличностной близости. В первых двух случаях коммуниканты, как правило, находятся в равном социальном положении и поддерживают достаточно близкие и доверительные отношения. В последних двух ситуациях прикосновение чаще выполняет регулятивную функцию и направлено на привлечение внимания собеседника или на побуждение его к определенному действию⁵⁸. Можно тогда сказать, что тактильное поведение обладает разнообразными формами выражения и осуществляется в различных коммуникативных контекстах в зависимости от коммуникативного намерения говорящего.

В разных языках и культурах формы тактильного поведения могут существенно различаться. Эти различия обусловлены особенностями жизненных привычек, ценностных установок и культурных норм общества, в том числе нормами взаимодействия между представителями противоположных полов. Неадекватное использование тактильных средств в процессе общения может привести к возникновению неловких ситуаций и даже к конфликтам. Поэтому

⁵⁷ Г.Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика*, Москва 2002, с. 416.

⁵⁸ Там же.

в каждом обществе формируются определенные представления о том, кто, когда и в каких условиях может прикасаться к другому человеку⁵⁹.

Тактильное поведение нередко используется для выражения поддержки, симпатии и эмоциональной близости. Даже минимальный тактильный контакт способен создать благоприятную атмосферу общения. Однако поскольку прикосновение предполагает определенную степень личной близости, использование данного невербального средства обычно регулируется общественными нормами. Эти нормы могут зависеть от пола, возраста, социального статуса, а также от культурного уровня и воспитания участников коммуникации. Исследования, проведенные в США, показывают, что люди, обладающие более высоким социальным статусом (например, мужчины, руководители или взрослые), чаще инициируют тактильный контакт с людьми более низкого статуса (женщинами, подчиненными, детьми). При этом реакция на подобные прикосновения в большинстве случаев оказывается положительной⁶⁰.

Как участники коммуникации мужчины и женщины могут следовать различным нормам и моделям тактильного поведения. По наблюдениям Геннадия Крейдлина, для традиционного мужского тактильного поведения в русской культуре характерны такие формы телесного контакта, как рукопожатие, поцелуй руки и подача руки⁶¹.

Рукопожатие является одним из наиболее распространенных жестов в процессе межличностной коммуникации. В научной литературе обычно выделяют несколько типов рукопожатия, различающихся по положению ладоней партнеров⁶²:

1) ладонь, повернутая вниз на ладони партнера, может интерпретироваться как проявление стремления к доминированию в общении;

2) ладонь, повернутая вверх под ладонью партнера, напротив, нередко трактуется как знак уступчивости или готовности принять позицию собеседника;

⁵⁹ Ф.А. Игебаева, *Деловые коммуникации в формировании коммуникативной компетентности современного специалиста агроуниверситета*, в: *Репликация культуры общества в контексте профессионального образования*. Кн. 2, Георгиевск 2013, с. 78–113.

⁶⁰ Т.М. Власова, *Кинесические средства общения как маркеры социально доминирующей позиции коммуниканта*, «Научный альманах» 2015, № 7, с. 94.

⁶¹ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной...*, с. 90.

⁶² Ф.А. Игебаева, *Деловые коммуникации в формировании...*, с. 78–113.

3) вертикальное положение ладоней (так называемое нейтральное рукопожатие) обычно воспринимается как символ равенства партнеров.

Кроме положения ладоней, значение может иметь и характер самого рукопожатия. Например, чрезмерно крепкое рукопожатие иногда интерпретируется как проявление жесткости или стремления к демонстрации силы. Пожатие вытянутой прямой рукой может свидетельствовать о желании сохранить дистанцию и не допустить собеседника в личное пространство. В свою очередь, рукопожатие кончиками пальцев нередко воспринимается как признак неуверенности или эмоциональной дистанции⁶³.

В целом рукопожатие выполняет важную социальную функцию, выражая вежливость и доброжелательное отношение между участниками коммуникации. Этот жест часто служит ритуальным сигналом готовности к взаимодействию и началу общения. В российской коммуникативной культуре рукопожатие традиционно чаще используется мужчинами, тогда как женщины чаще прибегают к другим формам тактильного контакта, например объятиям. Однако в ситуациях официального знакомства мужчины и женщины также могут обмениваться рукопожатием. В подобных случаях данный жест обычно воспринимается как форма ритуального тактильного поведения⁶⁴.

Распространенной формой тактильного поведения является также поцелуй. В целом он может отражать близость и степень эмоциональной связи между людьми. Поцелуй как невербальный жест имеет различные формы: поцелуй руки, поцелуй в лоб, в губы или в щеку. С гендерной точки зрения подобные формы тактильного поведения чаще наблюдаются между женщинами, а также между мужчинами и женщинами. Однако характер и частота их употребления во многом зависят от национально-культурных традиций той или иной страны⁶⁵.

Жест подачи руки также является распространенной формой тактильного поведения. Он нередко используется в ситуациях, когда мужчина помогает женщине, например, при выходе из транспорта или при преодолении

⁶³ Э.А. Латыпова, Э.Р. Латыпов, *Такесические средства...*, с. 691–693.

⁶⁴ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 227–228 页。

⁶⁵ Там же.

препятствий⁶⁶.

В зависимости от коммуникативной ситуации и цели использования прикосновения можно выделить три типа тактильного поведения: профессиональное, ритуальное и межличностное. Каждый из этих типов выполняет определенные коммуникативные функции и может способствовать либо усилению, либо ослаблению межличностного взаимодействия⁶⁷.

1) Профессиональное тактильное поведение — этот тип тактильного контакта характерен для представителей профессий, деятельность которых непосредственно связана с прикосновением к телу другого человека, например, врачей, массажистов, парикмахеров или портных. В подобных случаях тактильный контакт обусловлен профессиональной необходимостью и обычно воспринимается участниками взаимодействия нейтрально, поскольку он не несет выраженной эмоциональной или межличностной нагрузки⁶⁸.

Во фрагментах прозы Людмилы Улицкой, иллюстрирующих этот тип, тактильный контакт выступает прежде всего как элемент профессионального взаимодействия между врачом и пациентом. Прикосновение в данном случае не является проявлением межличностной близости, а выполняет диагностическую и коммуникативную функцию, позволяя врачу получить информацию о физическом состоянии пациента. Рассмотрим два примера:

(1) — К сожалению, это теперь массовое явление, — шамкал Исаак Вениаминович, **гуляя пальцами около Таниного уха, вниз по шее, останавливаясь под подбородком и влезая в самую глубину подмышек.** — Лимфатик, лимфатик. Возможно, щитовидочка чуть увеличена. А как аппетит? Конечно, плохой. Откуда быть хорошему? А рвоты? Рвоты случаются? Негавс?

— Очень часто, — кивнула Елена. — Одна лишняя ложка, и рвота. Мы никогда и не уговариваем. (*Казус Кукоцкого*, с. 26)

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Я. Ван, *Невербальные коммуникации в деловом общении...*, с. 68–74.

⁶⁸ А.А. Шарипов, *Тактильные средства общения...*, с.1384.

(2) **Он прижал твердый большой палец к запястью.** Послушал: пульс нормальный, хорошее наполнение. Перебоев нет.

— Ты устала. Расстроена. Может, просто отдохнуть надо. Взять тебе путевку в санаторий в Академии? — спросил Павел Алексеевич. (*Казус Кукоцкого*, с. 164)

Оба приведенных фрагмента содержат профессиональные формы тактильного контакта, используемые врачами для обследования пациента. Прикосновение выполняет здесь прежде всего диагностическую функцию: с его помощью персонаж-врач получает информацию о состоянии организма пациента (проверка лимфатических узлов, измерение пульса и т.п.).

Одновременно тактильный контакт служит важным элементом коммуникативного взаимодействия врача и пациента, сопровождая вербальное общение и усиливая его информативность. В рассматриваемых примерах действия выполняются персонажами-мужчинами, однако характер тактильного поведения обусловлен прежде всего профессиональной ролью врача и не связан непосредственно с гендерными различиями.

1) Ритуальное тактильное поведение — к этой группе относятся такие формы тактильного контакта, как рукопожатие или приветственный поцелуй в щеку. В научной литературе отмечается, что рукопожатие исторически возникло как жест проявления мирных и дружественных намерений. Со временем этот жест приобрел устойчивый характер и стал одной из наиболее распространенных форм ритуального приветствия в межличностной коммуникации. В подобном контексте тактильный контакт выполняет прежде всего социально-регулятивную функцию, сигнализируя о готовности участников коммуникации к взаимодействию⁶⁹.

В прозе Улицкой подобные формы ритуального тактильного поведения также встречаются достаточно часто. Рассмотрим два примера:

(1) — Фаина Ивановна, — ткнула теща толстую руку, и Шурик мгновенно уловил сходство с другой Фаиной Ивановной, бывшей маминной начальницей, и ему стало совсем уж не по себе.

⁶⁹ Там же.

— Шурик, — **ответил он на рукопожатие.**

[...]

— Зять наш, Александр Александрович, — представила теща Шурика шоферу. **Тот протянул руку:**

— Добро пожаловать, Сан Саныч, — широко улыбнулся, сверкнув металлом. — А меня Володей зовут. (*Искренне ваш Шурик, с. 253*)

(2) — С приездом! С приездом, Вера Александровна! — Перед Верой стоял молодцеватый Михаил Абрамович, **протягивая простодушную ладонь для партийного рукопожатия.** (*Искренне ваш Шурик, с. 281*)

В обоих вышеприведенных фрагментах описывается ситуация официального знакомства. В подобных случаях рукопожатие выступает как форма ритуального тактильного поведения, выполняющая функцию установления коммуникативного контакта. Этот жест позволяет выразить вежливость, доброжелательность и готовность к дальнейшему взаимодействию, создавая благоприятные условия для последующего общения.

Помимо рукопожатия, распространенной формой ритуального приветствия и проявления вежливости может выступать также поцелуй. Такие формы тактильного поведения также находят отражение в прозе Улицкой:

(1) Алик **расцеловался** с Медеей и тут же сунул ей картонную коробку, его обычное профессиональное подношение:

— Примите от нашего Красного Креста вашему Красному Кресту. (*Медеей и ее дети, с. 115*)

(2) Он вошел в парадное и едва не потерял сознание от запаха стен — как если бы это был запах родного тела. Поднялся на второй этаж, позвонил четыре раза, и Эмма Ашотовна, как будто нарочно стоявшая возле двери, немедленно открыла ему. Она была одета, причесана, в руках держала маленькую медную кастрюльку. Он **машинально поцеловал тещу** и прошел в комнату. (*Чужие дети, с. 291*)

В обоих фрагментах поцелуй выступает как форма ритуального тактильного

поведения, направленного от молодого мужчины к женщине старшего возраста. Несмотря на наличие родственных связей между персонажами, контекст высказывания (*Примите от нашего Красного Креста вашему Красному Кресту*) и указание на автоматичность действия (*машинально поцеловал тещу*) позволяют интерпретировать данный жест прежде всего как проявление социально обусловленной вежливости и уважения к старшему человеку, а не как выражение интимной семейной близости.

Далее наше внимание будет сосредоточено на анализе третьего типа тактильного поведения — межличностного. Данная сфера является одной из наиболее широких областей использования тактильного контакта. Прикосновения в подобных ситуациях выступают как проявление привязанности, симпатии или родственных чувств. Это могут быть объятия, поцелуи, дружеское похлопывание по плечу или мягкие поглаживания. Наличие устойчивого тактильного контакта такого рода часто рассматривается как показатель близких межличностных отношений, например между членами семьи или близкими людьми⁷⁰.

Сначала мы рассмотрим примеры тактильного поведения родителей по отношению к своим детям.

(1) Он схватил ее за острые плечи, обнял:

— Таня! Не надо делать из эксперимента трагедию. (*Казус Кукоцкого*, с. 106)

(2) Таня вскинулась:

— Как же я все ваши приличия ненавижу!

Он притянул ее голову, погладил:

— Ты что, малыш, хочешь мир изменить? Это уже было... (*Казус Кукоцкого*, с. 166.)

(3) Мать смотрела на него снизу вверх и, прикоснувшись прозрачной рукой к его плечу, рассеянно говорила:

— Шурик, надо что-то к обеду... Шурик, где-то была книжечка за электричество...

Шурик, тебе не попался мой синий шарф... (*Искренне ваш Шурик*, с. 213)

⁷⁰ Там же.

(4) — Ну, Шурка, не ожидала от тебя такого! Какой ты скрытный, оказывается...

Она запустила пальцы в его кудрявую голову, взъерошила волосы, а потом вдруг озаботилась:

— Слушай, да у тебя волосы поредели! Вот здесь, на макушечке. Надо за ними последить... (*Искренне ваш Шурик, с. 243*)

В первых двух примерах наблюдается тактильное поведение отца по отношению к дочери, что проявляется в действиях *схватил ее за плечи и притянул ее голову*. Подобные жесты сопровождают вербальное высказывание и могут рассматриваться как средство усиления эмоционального воздействия на собеседника.

В третьем и четвертом примерах описывается тактильное поведение матери. Жесты *прикоснулась к его плечу и запустила пальцы в его кудрявые волосы* имеют более мягкий характер и связаны с проявлением заботы и эмоциональной близости. Таким образом, в представленных фрагментах тактильные действия персонажей помогают подчеркнуть особенности семейных отношений и эмоционального взаимодействия между родителями и детьми.

Теперь рассмотрим тактильное поведение детей по отношению к родителям или старшим родственникам:

(1) Шурик совершил звериный прыжок через всю комнату и, не стесняясь ни врачихи, ни мужика в полуформенной одежде, **схватил мать в объятия и начал целовать: в волосы, в щеку, в ухо...**

— Веруся, прости меня! Я больше не буду! (*Искренне ваш Шурик, с. 233*)

(2) Он **встал на колени перед кроватью, поцеловал бумажные сухие пальчики:**

— Ну как ты, Веруся? (*Искренне ваш Шурик, с. 236*)

(3) Бабушка сидела на венском стуле с прорезанным сиденьем, лицом к маленькому окошку, выходящему в глухую кирпичную стену. Под стулом стояло ведро. В чулане пахло мочой и старческой немощью. Одна серая кошка спала на одеяле, покрывающем топчан. Вторая сидела на коленях у Елены Георгиевны, и пальцы

с неровно подрезанными ногтями лежали на полосатом боку.

Женя поцеловала редящие волосы с двумя изгибами на висках, куда молодая Леночка вкалывала невидимки. Старуха погладила кошачий бок. (*Казус Кукоцкого*, с. 261)

(4) ... Сколько Женя себя помнит, бабушка всегда была больна. И всегда они любили друг друга, если вообще может существовать бессловесная, бездеятельная, воздушная — ни на что практическое не опирающаяся, — любовь. **Женя гладит ее по голове:**

— Хорошо? (*Казус Кукоцкого*, с. 262)

Приведенные фрагменты иллюстрируют тактильное поведение представителей младшего поколения по отношению к родителям или пожилым родственникам. В первых двух примерах описывается тактильное поведение мужского персонажа. Шурик обнимает мать и целует ее, что подчеркивает интенсивность переживаемых эмоций. Его движения импульсивны и сопровождаются эмоционально окрашенным высказыванием (*Веруся, прости меня! Я больше не буду!*), что позволяет рассматривать данные жесты как выражение сильной эмоциональной привязанности.

В третьем и четвертом примерах представлено тактильное поведение женского персонажа. Жесты Жени (*поцеловала редящие волосы, гладит ее по голове*) имеют мягкий и заботливый характер и связаны с проявлением внимания и эмоциональной поддержки по отношению к пожилому родственнику.

Наконец, рассмотрим примеры тактильного поведения между супругами или между влюбленными:

(1) **Елена обняла его за шею:**

— Тише, миленький...

И он затих, прижал ее к груди.

— Прости. (*Казус Кукоцкого*, с. 38)

(2) — Так ведь мы и теперь неплохо живем, Леночка, — **он положил руку ей на**

голову, провел по щеке — она поймала его руку и поцеловала... (Казус Кукоцкого, с. 191)

(3) ... Он подождал, пока она выключит газ и снимет кофе, и положил ей левую руку на талию, а правой приблизил к себе. Она опустила лицо ему на плечо, и он понял, что сейчас все получится, и даже отлично получится, потому что с Элизой у него тоже все получалось, но кое-как, а тут было такое вдохновение... (Цю-юрихь, с. 5)

В приведенных фрагментах описываются различные формы тактильного взаимодействия между мужчиной и женщиной в ситуации близких личных отношений.

В первом примере жест *прижал ее к груди* сопровождается вербальное высказывание героя и может интерпретироваться как выражение эмоциональной поддержки и стремления к защите. В свою очередь, жест Елены (*обняла его за шею*) также свидетельствует о близости и доверительном характере отношений между персонажами.

Во втором примере тактильные действия персонажей дополняют друг друга. Мужской жест (*положил руку на голову, провел по щеке*) может рассматриваться как проявление нежности и заботы. Ответное действие героини (*поймала его руку и поцеловала*) подчеркивает эмоциональную взаимность и близость между персонажами.

В третьем фрагменте описывается более интимная форма тактильного контакта. Жест героя (*положил руку на талию и приблизил к себе*) свидетельствует о стремлении к физической близости, тогда как действие героини (*опустила лицо ему на плечо*) может интерпретироваться как знак доверия и эмоциональной открытости.

Подытоживая, можно сказать, что анализ тактильного поведения в прозе Людмилы Улицкой показывает, что различные формы телесного контакта выполняют важные коммуникативные функции и служат средством выражения эмоциональных и социальных отношений между персонажами. Тактильные жесты могут выступать как элемент профессионального взаимодействия, как

форма ритуального поведения, а также как средство выражения межличностной близости. В художественном тексте подобные невербальные действия нередко дополняют вербальную коммуникацию и помогают более полно раскрыть эмоциональное состояние героев. Нередко тактильное поведение становится также значимым элементом характеристики персонажей и их межличностных отношений.

4.2.4. Визуальное поведение

В исследованиях невербальной коммуникации зрительное поведение рассматривается как один из главных каналов передачи межличностной информации. Движения глаз и особенности взгляда способны передавать эмоциональные состояния человека, а также отражать его отношение к собеседнику и характер складывающегося взаимодействия.

В ряде исследований невербального поведения отмечается, что движения глаз связаны с проявлением таких эмоциональных состояний и личностных характеристик, как стеснительность, застенчивость, агрессивность, дружелюбие или печаль. Взгляд при этом понимается как направленное визуальное внимание человека, сопровождающееся определенными мимическими и поведенческими сигналами и способное усиливать выражение эмоционального состояния говорящего⁷¹.

В процессе межличностного общения визуальное поведение выступает важным средством координации взаимодействия между участниками коммуникации. Посредством зрительных сигналов они получают информацию о психологическом состоянии собеседника, его намерениях и эмоциональном отношении к происходящему. При этом для слушающего визуальное поведение преимущественно выполняет рецептивную функцию⁷², тогда как для говорящего оно может служить средством выражения симпатии, неодобрения, напряжения

⁷¹ Е.В. Урысон, *Синонимический ряд лексемы взгляд I*, Москва 1997, с. 23.

⁷² 孟令霞, *俄语身势语研究*, 黑龙江 2004 年, 第 43 页。

или скрытой угрозы⁷³.

Под зрительным контактом понимается обмен взглядами между участниками коммуникации, включающий направление взгляда и продолжительность его фиксации на партнере⁷⁴. В исследованиях невербальной коммуникации подчеркивается, что данный тип контакта является важным показателем межличностных отношений и степени включенности участников в процесс социального взаимодействия⁷⁵.

В научной литературе выделяется ряд факторов, влияющих на характер зрительного контакта⁷⁶.

Во-первых, частота и продолжительность зрительного контакта могут зависеть от степени знакомства между участниками общения. Отмечается, что люди, недавно познакомившиеся друг с другом, чаще устанавливают зрительный контакт, стремясь получить больше информации о партнере, тогда как в общении между хорошо знакомыми людьми его интенсивность может снижаться⁷⁷.

Во-вторых, характер зрительного контакта связан с содержанием разговора и эмоциональной окраской обсуждаемой темы. Обсуждение эмоционально напряженных или неприятных вопросов, как правило, сопровождается сокращением продолжительности зрительного контакта, тогда как при обсуждении нейтральных или позитивных тем собеседники чаще поддерживают прямой взгляд⁷⁸.

В-третьих, интенсивность зрительного контакта может зависеть от пространственной дистанции между участниками общения. При увеличении дистанции зрительный контакт обычно усиливается, тогда как при сокращении дистанции люди могут избегать длительного прямого взгляда, чтобы не создавать ощущения психологического давления⁷⁹.

В-четвертых, зрительный контакт выполняет важную социально-

⁷³ 吴友富, *国俗语义研究(论文集)*, 上海外语教育出版社 1998 年, 第 390 页。

⁷⁴ В.С. Корнилова, Е.А. Сошина, *Зрительный контакт как форма невербальной коммуникации: основные теоретические подходы*, «Russian Journal of Education and Psychology» 2020, № 4, с. 21–29.

⁷⁵ В.А. Лабунская, *Невербальное поведение (социально-перцептивный подход)*, Ростов-на-Дону 1986, с. 135.

⁷⁶ С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин, *Гроссмейстер общения*, Москва 2004, с. 119–120.

⁷⁷ См. также: М. Argyle, *Bodily Communication...*, с. 151–156.

⁷⁸ M.L. Knapp, J.A. Hall, T.G. Horgan, *Nonverbal Communication...*, с. 256–260.

⁷⁹ E.T. Hall, *Ukryty wymiar*, пер. Т. Hołowka, Warszawa 2005, с. 60–64.

коммуникативную функцию, поскольку он способен выражать отношение человека к собеседнику. Более частый и продолжительный взгляд, как правило, связан с проявлением интереса, симпатии или уважения, тогда как избегание взгляда может сигнализировать о дистанцировании, неловкости или напряжении во взаимодействии.

С гендерной точки зрения визуальное поведение также обнаруживает определенные различия, поскольку нормы зрительного контакта во многом обусловлены культурными представлениями о гендерных ролях и коммуникативном этикете. В ряде исследований подчеркивается, что визуальное коммуникативное поведение имеет гендерно обусловленный характер. Оно подчиняется нормам, принятым в конкретной лингвокультуре, и выступает значимым компонентом системы невербальных сигналов.

Елена Земская, опираясь на данные психологических исследований, отмечает, что женщины чаще используют прямой взгляд как средство поддержания коммуникативного контакта. Мужчины, напротив, в ряде случаев могут воспринимать продолжительный прямой взгляд как проявление вызова или агрессии, особенно в общении с представителями своего пола⁸⁰.

Помимо прочего, частота и характер зрительного контакта могут зависеть от гендерного состава коммуникативной пары. Наблюдения показывают, что в однополых женских парах зрительный контакт, как правило, фиксируется чаще, тогда как в мужских и смешанных коммуникативных парах он может быть менее продолжительным и более сдержанным⁸¹.

Анализ гендерных особенностей визуального поведения представлен, в частности, в работах Г.Е. Крейдлина. Опираясь на данные психологических и социолингвистических исследований невербальной коммуникации, исследователь выделяет ряд типичных закономерностей функционирования так называемого «языка глаз»⁸². Среди них можно отметить следующие:

1) женщины, как правило, чаще направляют взгляд на людей, вызывающих

⁸⁰ Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект, ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев, Москва 1993, с. 112–113.

⁸¹ M. LaFranc, A.C. Vial, *Gender and Nonverbal Behavior*, в: *APA Handbook of Nonverbal Communication*, ред. D. Matsumoto, H.C. Hwang, M.G. Frank, Washington 2016, с. 146.

⁸² Г.Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика...*, с. 394–396.

у них симпатию;

2) мужчины в целом реже используют продолжительный прямой взгляд на человека, вызывающего у них симпатию, однако также избегают фиксации взгляда на людях, вызывающих у них выраженную антипатию;

3) в ситуации официального общения мужчины чаще устанавливают зрительный контакт с собеседниками мужского пола;

4) в дружеском общении женщины чаще направляют взгляд на других женщин, тогда как мужчины могут чаще использовать прямой взгляд в конкурентных или напряженных коммуникативных ситуациях;

5) в межгендерном взаимодействии частота и интерпретация зрительного контакта могут различаться: мужчины нередко интерпретируют частый взгляд со стороны женщины как проявление интереса, тогда как женщины могут воспринимать продолжительный взгляд незнакомого мужчины как признак навязчивости или агрессии;

6) в ситуации получения информации женщины чаще используют прямой взгляд как средство поддержания коммуникативного контакта;

7) продолжительность зрительного контакта может варьироваться в зависимости от характера отношений между собеседниками и эмоционального фона коммуникации.

Следует также учитывать, что нормы зрительного поведения во многом обусловлены культурными традициями. Наталья Формановская отмечает, что зрительный контакт играет важную роль в интерпретации эмоционального состояния собеседника и оценке искренности его высказывания. При этом способы использования взгляда и допустимая продолжительность зрительного контакта могут существенно различаться в разных культурах⁸³.

Аналогичную позицию занимает Вера Лабунская, подчеркивая культурную вариативность норм зрительного поведения. В одних культурах прямой взгляд в глаза рассматривается как естественное и необходимое условие эффективного общения (в частности, в большинстве европейских обществ, а также в ряде

⁸³ Н.И. Формановская, *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*, Москва 1998, с. 279–281.

арабских и латиноамериканских культур). В других культурных традициях, напротив, длительный прямой взгляд может восприниматься как проявление невежливости, вызова или агрессии, вследствие чего собеседники чаще избегают прямого зрительного контакта или направляют взгляд в сторону⁸⁴.

В ситуации межкультурного общения различия в нормах зрительного поведения могут приводить к недопониманию между участниками коммуникации. Представители культур, в которых прямой взгляд рассматривается как признак искренности и заинтересованности, могут интерпретировать избегание взгляда как показатель неискренности или безразличия, тогда как для представителей других культур подобное поведение является нормой коммуникативного этикета.

Как отмечает Наталья Дутова, зрительное поведение представляет собой важный элемент культурно обусловленного коммуникативного кода. Различия в интерпретации зрительного контакта нередко становятся причиной коммуникативных затруднений или конфликтов в межкультурном взаимодействии⁸⁵.

В художественной прозе Людмилы Улицкой визуальное поведение персонажей также играет значимую роль в передаче их эмоционального состояния и межличностных отношений. С учетом направленности взгляда визуальное поведение персонажей в рамках нашей работы условно подразделяется на два типа: прямой и непрямой взгляд. Сначала мы рассмотрим случаи прямого зрительного контакта, под которым будем понимать направленный зрительный контакт с собеседником, сопровождающийся фиксацией взгляда на лице или глазах собеседника. В контексте художественного текста такой взгляд может выполнять различные коммуникативные функции, в том числе выражать интерес к собеседнику, проявлять внимание к его словам или подчеркивать готовность к непосредственному взаимодействию⁸⁶.

Для выявления коммуникативных функций прямого зрительного контакта

⁸⁴ В.А. Лабунская, *Невербальное поведение...*, с. 135.

⁸⁵ Н.В. Дутова, *Лингвокультурный универсализм в гендерном невербальном коммуникативном поведении*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2015, № 10 (52), с. 92–94.

⁸⁶ И.Н. Кузнецов, *Движения глаз и направление взгляда собеседника: краткая типология визуальных контактов*, <https://www.elitarium.ru/vzglyad-glaz-lico-sobesednik-razgovor-signal-ehmocionalnoe-sostoyanie-verbalnoe-obshchenie-informaciya/> (01.04.2025).

в художественном тексте мы обратимся к ряду примеров из произведений Людмилы Улицкой, в которых визуальное поведение мужских персонажей играет важную роль в организации взаимодействия между героями:

(1) — Ну, Ленка, какое же у тебя пузо! Просто непонятно, с какого бока заходить, — заулыбался Шурик.

Тесть **посмотрел на него одобрительно**, захохотал:

— Не смущайся! Научим! Вон, Фаина Ивановна три раза носила, и все без вреда!

(Искренне ваш Шурик, с. 254)

(2) — Это мой свадебный подарок, — сказал он. — Я, собственно, пришел, чтобы сделать вам предложение. — И он **выжидательно посмотрел на нее**. *(Сонечка, с. 10)*

(3) — Роберт, пусть эта девочка поживет у нас в доме. Угловая свободна, — тихо сказала Сонечка, остановив ложечку в стакане.

Роберт Викторович **посмотрел на жену удивленным взглядом** и сказал свое обычное, что говорил всегда, когда речь шла о вещах, мало его трогаящих:

— Если ты считаешь нужным, Соня. Делай, как считаешь нужным. *(Сонечка, с. 27.)*

Из контекста произведения следует, что в примере (1) Шурик приходит навестить жену, готовящуюся к родам, и в шутливой форме комментирует ее внешний вид. В этот момент тесть одобрительно смотрит на него. Подобное визуальное поведение может интерпретироваться как форма невербального подтверждения солидарности между мужчинами. Взгляд старшего персонажа выполняет функцию коммуникативной поддержки и одобрения, усиливая внутригрупповую (мужскую) солидарность в рамках данной ситуации общения.

Фрагмент диалога, представленный в примере (2), относится к сцене предложения руки и сердца. Указание на визуальное поведение героя (*выжидательно посмотрел на нее*) свидетельствует о том, что посредством взгляда он регулирует динамику взаимодействия и ожидает реакции собеседницы. В данном случае прямой зрительный контакт выполняет регулятивную функцию

и одновременно выступает средством коммуникативного контроля, подчеркивая значимость момента для участников диалога.

В примере (3) визуальное поведение персонажа также тесно связано с коммуникативной ситуацией. Роберт состоит в любовной связи с Ясей, однако его жена Соня в данный момент об этом не осведомлена. Когда Соня предлагает приютить девочку, Роберт смотрит на нее удивленным взглядом. Такое визуальное поведение, с одной стороны, отражает неожиданность ситуации для героя, а с другой — может интерпретироваться как форма кратковременного невербального сопротивления инициативе собеседницы, что указывает на наличие скрытого напряжения.

В ряде ситуаций прямой зрительный контакт может толковаться как средство показания доминирования, скрытой угрозы или стремления подчеркнуть свое превосходство над собеседником. Такие функции взгляда неоднократно отмечаются в исследованиях невербальной коммуникации, где длительный или неподвижный прямой взгляд рассматривается как один из возможных сигналов коммуникативного давления⁸⁷. Рассмотрим теперь несколько примеров:

(1) Профессор любезно обратился к Длинноволосому:

— Простите, который сейчас час?

Длинноволосый **посмотрел на него неподвижным глазом** и сказал, как показалось Профессору, презрительно:

— Все тот же... (*Казус Кукоцкого*, с. 136)

(2) — У вас еще три года учебы, за это время вы не только курсовую и диплом сделаете, успеете и половину диссертации подготовить.

Он **смотрел ей в глаза** — **лицо его было совершенно деловым и даже строгим**. ... (*Казус Кукоцкого*, с. 169)

В примере (1) длинноволосый мужчина отвечает профессору, сопровождая свою реплику неподвижным взглядом. Такое визуальное поведение может быть

⁸⁷ М. Argyle, *Bodily Communication...*, с. 161–167.

интерпретировано как форма дистанцирования и скрытого вызова. В сочетании с уклончивым ответом подобный взгляд усиливает напряжение и выражает оппозиционную позицию персонажа по отношению к собеседнику.

В примере (2) преподаватель, напротив, использует прямой зрительный контакт как средство поддержания институциональной роли и академического авторитета. Прямой взгляд в сочетании со строгим и деловым выражением лица выполняет функцию символического подтверждения статусной позиции говорящего, формируя профессиональную дистанцию между участниками общения и подчеркивая асимметрию их коммуникативных ролей.

По сравнению с мужским визуальным поведением прямой взгляд женщин в прозе Людмилы Улицкой имеет более широкий спектр коммуникативных функций. Он может выражать эмоциональное состояние персонажа, передавать отношение к собеседнику, а также выполнять регулятивную функцию в процессе взаимодействия между участниками общения. Рассмотрим несколько примеров:

(1) — Звонить будут, скажи: запил хозяин.

Она **смотрела непонимающим** взглядом.

— Так и скажешь: запил.

Василиса понять не поняла, но поручение исполнила с точностью. (*Казус Кукоцкого*, с. 38)

(2) Она взяла экзаменационный лист, вписала «отлично» ручкой с золотым пером. И поняла, что поступила не только правильно, но гениально. Она подула, как школьница, на бумагу и сказала, **глядя Шурику прямо в лицо**:

— Ваша бабушка была исключительно порядочным человеком. И прекрасным специалистом... (*Искренне ваш Шурик*, с. 242)

(3) **Ласковый и благодарный** взгляд она бросила в сторону Тани, которая счастливо и розово сверкала ей навстречу подкрашенными щеками. Таня до последней минуты не была уверена, что Яся придет, и теперь гордилась Ясиной красотой, как будто сама ее придумала и нарисовала. (*Сонечка*, с. 25)

(4) — Вы кушайте, Медя Георгиевна, и не обращайтесь внимания на то, что я скажу. Она **посмотрела на него выжидательно**. В уголке, где они сидели, было уютно, но темновато. (*Медя и ее дети*, с. 31–32)

(5) Бухара **посмотрела на него острым и внимательным глазом** и сказала: — Гриша, я хочу, чтобы вы с папой пришли ко мне в гости. Я хочу познакомить вас с моей дочкой Милой. ... (*Дочь Бухары*, с. 71)

В примере (1) визуальное поведение персонажа (*смотрела непонимающим глазом*) отражает состояние растерянности и непонимания содержания высказывания. Несмотря на это, героиня точно выполняет полученную инструкцию, что подчеркивает расхождение между ее внутренним состоянием и последующим коммуникативным действием.

Фрагмент диалога, представленный в примере (2), относится к сцене экзамена. Женский персонаж реализует роль экзаменатора, обладающего правом оценивания. Прямой взгляд, направленный на собеседника, выполняет функцию коммуникативного воздействия, усиливая перформативный эффект оценки и подчеркивая значимость произносимого высказывания.

В примере (3) взгляд героини выполняет преимущественно эмоционально-экспрессивную функцию. Указание на ласковый и благодарный характер взгляда позволяет передать положительное отношение персонажа к собеседнице и способствует формированию атмосферы близости и симпатии.

В примере (4) выжидательный взгляд героини сопровождает диалоговую ситуацию, в которой один из участников общения стремится смягчить содержание своего высказывания. В данном случае взгляд фиксирует внимание на собеседнике и сигнализирует о ожидании дальнейшего развития коммуникации.

В примере (5) описание взгляда как острого и внимательного подчеркивает сосредоточенность героини и ее заинтересованность в исходе разговора. В данном контексте визуальное поведение связано с реализацией инициативной коммуникативной позиции персонажа и его стремлением направлять ход взаимодействия.

Далее мы рассмотрим случаи непрямого взгляда в прозе Людмилы Улицкой.

Под непрямым взглядом понимается визуальное поведение, при котором персонаж избегает прямого зрительного контакта с собеседником или направляет взгляд в сторону. К таким формам относятся, например, взгляд, отведенный в сторону, взгляд снизу вверх или сверху вниз, а также уклоняющийся или скользящий взгляд⁸⁸. В исследованиях невербальной коммуникации подобные формы зрительного поведения нередко связываются с выражением внутреннего напряжения, дистанцирования или стремления избежать прямого коммуникативного взаимодействия.

Обратимся к ряду фрагментов из произведений Людмилы Улицкой, в которых представлен не прямой взгляд мужских персонажей:

(1) — Здесь девять Эльзевиров, — с гордостью кивнула растроганная Сонечка, отлично усвоившая книговедение, и **он посмотрел на нее странным взглядом снизу вверх, но как бы сверху вниз**, улыбнулся тонкими губами, показал щербатый рот, помедлил, как будто собираясь сказать что-то важное, но, передумав, сказал другое:

— Выпишите мне, пожалуйста, читательскую карточку, или как это у вас называется? (*Сонечка*, с. 7–8)

(2) — Ах, боже мой! Простите! С вашей женой все в порядке, идут схватки, я про эту несчастную башкирку...

Роберт Викторович хрупнул зубами, выматерился про себя: он терпеть не мог нервических мужчин, одержимых желанием ежеминутно выговаривать свои переживания. Он зажевал губами и **посмотрел в сторону**. (*Сонечка*, с. 14)

В примере (1), в котором героиня выражает свою профессиональную осведомленность, визуальное поведение мужского персонажа описывается как противоречивый взгляд *снизу вверх, но как бы сверху вниз*. Такая двойственность направления взгляда может интерпретироваться как проявление амбивалентного отношения героя к собеседнице. С одной стороны, взгляд *снизу вверх* может свидетельствовать о признании ее компетентности, с другой — компонент взгляда

⁸⁸ Ср. И.Н. Кузнецов, *Движения глаз и направление взгляда...*

сверху вниз выражает стремление сохранить символическое превосходство.

В примере (2) герой, напротив, намеренно прерывает зрительный контакт, отворачивая взгляд в сторону. Данное визуальное поведение, сопровождаемое другими невербальными реакциями (*зажевал губами*), указывает на стремление персонажа дистанцироваться от происходящей ситуации.

В следующих примерах рассмотрим случаи непрямого визуального поведения женских персонажей:

(1) Елена села рядом и заплакала. Василиса **опустила зрячий глаз**, рот собрала в горстку, руки прижала к груди, крестом, как перед причастием. Молчала.

— Да куда же ты, Васенька? — Елена не ожидала от Василисы такой твердости.

— А откуда пришла, туда и уйду, — сурово ответила Василиса. — Бог с тобой, Елена. (*Казус Кукоцкого*, с. 48)

(2) Дмитрий Иванович сообщил жене, что уходит к другой. Она, **не поднимая глаз** и не выразив никакого чувства, спросила его, зачем ему уходить... Дмитрий не понял вопроса и дал разъяснение.

— Я знаю, я тебе надоела. Приведи новую жену сюда. Я согласна. Я сама родилась от младшей жены... — **не поднимая глаз**, сказала Бухара. (*Дочь Бухары*, с. 67)

(3) **Мать смотрела на него снизу вверх** и, прикоснувшись прозрачной рукой к его плечу, рассеянно говорила:

— Шурик, надо что-то к обеду... Шурик, где-то была книжечка за электричество... Шурик, тебе не попался мой синий шарф... (*Искренне ваш Шурик*, с. 213)

В примере (1) героиня опускает взгляд, избегая прямого зрительного контакта с собеседницей. Такое визуальное поведение может интерпретироваться как стремление дистанцироваться от эмоционально напряженной ситуации. В сочетании с другими описанными невербальными реакциями (*рот собрала в горстку, руки прижала к груди*) оно создает образ внутренней сосредоточенности и подчеркивает характер поведения персонажа.

В примере (2) отказ героини поднимать взгляд сопровождается драматический

диалог между супругами. Повторяющееся указание на то, что Бухара говорит, не поднимая глаз, передает ее эмоциональное состояние и одновременно отражает дистанцию, возникшую между персонажами. Избегание зрительного контакта в данном случае указывает на напряженность ситуации и выступает средством сдержанной реакции на происходящее.

Пример (3) иллюстрирует другую разновидность непрямого визуального поведения — взгляд снизу вверх. Такой взгляд может выражать зависимость, доверие или ориентацию на собеседника как на значимую фигуру. В этом фрагменте он подчеркивает эмоциональную привязанность персонажа и указывает на особую роль сына в системе семейных отношений.

На основе нашего анализа можно сделать вывод о том, что визуальное поведение персонажей в прозе Людмилы Улицкой выполняет важные коммуникативные функции и является значимым средством передачи эмоциональных состояний, межличностных отношений и коммуникативных намерений героев. Описания направленности взгляда, его продолжительности и характера позволяют автору дополнять вербальное высказывание персонажей и актуализировать скрытые аспекты их взаимодействия.

Проведенный анализ позволяет также выявить определенные тенденции в функционировании визуального поведения персонажей. Так, визуальное поведение мужских персонажей чаще связано с выражением коммуникативной инициативы, контролем динамики взаимодействия и указанием на социальную позицию в диалоге. В ряде случаев прямой взгляд используется как средство коммуникативного давления или символического доминирования.

Визуальное поведение женских персонажей, в свою очередь, имеет более широкий спектр коммуникативных функций, включая эмоционально-экспрессивные и регулятивные. Оно нередко сопровождает выражение внутренних переживаний героинь, отражает их отношение к собеседнику и участвует в организации взаимодействия между персонажами.

Таким образом, визуальное поведение персонажей в прозе Людмилы Улицкой выступает важным компонентом невербальной коммуникации и играет существенную роль в раскрытии межличностных отношений между героями.

Наряду с визуальными сигналами в художественном тексте функционируют и другие формы невербального поведения, которые также участвуют в передаче эмоциональных состояний и коммуникативных намерений персонажей. В связи с этим далее целесообразно обратиться к анализу других невербальных средств, представленных в прозе писательницы. Следует, однако, подчеркнуть, что выявленные различия носят вероятностный характер и обусловлены как особенностями художественного текста, так и более широкими социокультурными представлениями о гендерных моделях коммуникативного поведения.

4.2.5. Проксемное поведение

Проксемика, или «язык пространства», рассматривается как один из видов невербальной коммуникации и одновременно как научное направление, изучающее пространственные параметры и условия межличностного общения⁸⁹. Как отмечает Г. Молчанова,

Коммуникативная компетентность партнеров по межкультурному общению зависит в том числе и от их компетентности в отношении пространства, от их способности правильно интерпретировать пространственное поведение участников конфликта или межкультурного взаимодействия⁹⁰.

В процессе речевого взаимодействия расстояние между коммуникантами определяется, прежде всего, степенью формальности их отношений (официальные/неофициальные, интимные/публичные), а также рядом дополнительных социокультурных факторов⁹¹.

Проксемное поведение представляет собой пространственную организацию коммуникации, т.е. совокупность способов использования пространства

⁸⁹ Г.Г. Молчанова, *Проксемика как фактор национального самосознания*, «Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2013, № 3, с. 57.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, с. 57–58.

в процессе взаимодействия, включая распределение личной территории, дистанцию между участниками и их взаимное расположение⁹². Данные параметры непосредственно отражают степень социальной и психологической близости между собеседниками.

К культурно обусловленным аспектам проксемики поведения относятся, в частности, правила выбора дистанции и пространственной позиции. При их реализации учитываются такие факторы, как место общения, гендерная принадлежность, возраст, социальный статус, степень знакомства, индивидуальные (в том числе психофизиологические) особенности партнеров, а также цели и характер взаимодействия⁹³.

Выбор пространственного расположения одного из участников коммуникации оказывает существенное влияние на поведенческую стратегию другого, определяя тем самым динамику и характер всего коммуникативного акта. Каждая культура формирует собственные нормы и модели использования пространства в коммуникативном континууме. Поведенческие образцы, воспринимаемые как нормативные в одной культуре, могут интерпретироваться представителями другой культуры как неуместные или даже оскорбительные. Пространство, окружающее человека, как правило, воспринимается им как продолжение собственной личной зоны, нарушение которой вызывает чувство дискомфорта и психологического напряжения⁹⁴.

В условиях межкультурной коммуникации несоблюдение принятых дистанционных норм может существенно осложнять взаимодействие и оказывать негативное влияние на его результат, в том числе на ход переговоров. Так, чрезмерная дистанция между собеседниками может интерпретироваться как проявление холодности, отчужденности или отсутствия заинтересованности, тогда как излишняя близость нередко воспринимается как нарушение личных границ, проявление фамильярности и вторжение в интимную зону партнера⁹⁵.

Г.Е. Крейдлин, помимо физической дистанции, выделяет также

⁹² 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 229 页。

⁹³ Г.Г. Молчанова, *Проксемика как фактор...*, с. 58.

⁹⁴ Там же, с. 59.

⁹⁵ Там же.

психологическую дистанцию, которая не всегда совпадает с пространственной. Так, например, поцелуй может функционировать не только как форма физической близости, но также как средство выражения определенной степени психологической близости или, напротив, социальной условности⁹⁶.

В качестве одного из параметров, способных оказывать влияние на организацию социального пространства, может рассматриваться также гендерный фактор. Согласно исследованиям, мужчины и женщины могут по-разному воспринимать и использовать коммуникативное пространство, что связано как с социокультурными нормами, так и с ролевыми ожиданиями, закрепленными в обществе.

В ряде работ отмечается, что мужчины чаще проявляют большую пространственную экспансию (например, занимают больше физического пространства, используют более открытые позы), тогда как поведение женщин в среднем характеризуется большей сдержанностью в использовании пространства. Эти различия интерпретируются не как универсальные и биологически детерминированные, а как обусловленные социально и культурно. Различия в проксеимном поведении проявляются, в частности, в телесных и поведенческих практиках, сигнализирующих о степени контроля над пространством (например, развернутые позы, широкая жестикуляция, демонстративное занятие пространства). В русской культурной традиции подобные модели нередко ассоциируются с маскулинным типом поведения⁹⁷.

Согласно Г.Е. Крейдлину, на проксеимное поведение влияет целый комплекс факторов, среди которых можно выделить степень знакомства участников коммуникации, их тип личности, психологическое и физиологическое состояние, социальный статус, коммуникативные намерения, а также наличие или отсутствие третьих лиц в ситуации взаимодействия⁹⁸.

В типичных моделях пространственного взаимодействия женщины, как правило, располагаются ближе друг к другу, за ними следуют смешанные пары,

⁹⁶ Г.Е. Крейдлин, *Невербальная семиотика...*, с. 467–471.

⁹⁷ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 229 页。

⁹⁸ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной...*, с. 111.

тогда как наибольшую дистанцию чаще сохраняют мужчины в общении между собой. Существенное влияние на выбор дистанции оказывает также степень знакомства: чем выше уровень межличностной близости, тем меньшее расстояние допускается между собеседниками⁹⁹. Отмечаются также различия в восприятии пространственного вторжения: в ряде наблюдений указывается, что женщины могут испытывать больший дискомфорт при нарушении пространства сзади, тогда как для мужчин более чувствительной оказывается фронтальная дистанция¹⁰⁰. Подобные различия, однако, следует рассматривать как вероятностные тенденции, а не как универсальные закономерности.

Способность человека ориентироваться в пространстве определяется его пространственным восприятием, включающим, в частности, такие компоненты, как пространственная визуализация и ориентация в направлении движения¹⁰¹. При этом эти характеристики не сводятся исключительно к гендерному фактору.

Под пространственной визуализацией понимается способность воспринимать и мысленно преобразовывать пространственные объекты и их расположение. Она может проявляться, в частности, в особенностях телесного поведения, включая выбор позы и степень открытости жестов.

Ориентация в пространстве (чувство направления) связана со способностью определять и удерживать направление движения. В ряде исследований отмечаются различия в уровне развития этой способности¹⁰², однако они интерпретируются как результат сочетания биологических, когнитивных и социокультурных факторов, а не как исключительно гендерно обусловленная характеристика.

По наблюдениям Г.Е. Крейдлина, при вербализации пространственных ориентиров мальчики, как правило, используют больше жестов, чем девочки. В то же время особенности пространственных способностей могут по-разному оцениваться в зависимости от гендерных стереотипов: в ряде случаев девочки с выраженными пространственными навыками воспринимаются как

⁹⁹ 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 230 页。

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014, 第 231 页。

проявляющие «маскулинные» черты поведения¹⁰³.

Значительный вклад в изучение пространственных аспектов коммуникации внес Эдвард Т. Холл, которого считают одним из основателей проксемики. Он впервые указал на взаимосвязь между типом культуры и предпочтительной дистанцией межличностного общения, а также ввел в научный оборот сам термин «проксемика» (1960-е гг.). Согласно концепции Э.Т. Холла, в процессе коммуникации выделяются четыре основных типа дистанции¹⁰⁴:

1) интимная зона (0–0,45 м) — характерна для общения между близкими людьми (родственниками, партнерами); взаимодействие здесь осуществляется не только вербально, но и через телесные и сенсорные каналы (прикосновения, дыхание, запах и др.);

2) личная зона (0,45–1,2 м) — типична для повседневного общения в неформальной обстановке (на работе, в дружеской среде и т.п.); выполняет функцию условной «защитной» дистанции;

3) социальная зона (1,2–3,7 м) — соответствует формальному взаимодействию, в частности общению с незнакомыми людьми или в деловых ситуациях;

4) публичная зона (3,7 м и более) — характерна для коммуникации в условиях массового взаимодействия (выступления, собрания, аудитории), где дистанция между участниками существенно увеличивается.

Как правило, вступая в коммуникативное взаимодействие, участники не осознают выбор дистанции как отдельный параметр, определяя ее интуитивно и автоматически¹⁰⁵. В художественном тексте, в частности в прозе Л. Улицкой, социальная дистанция между персонажами реконструируется на основе авторского описания их пространственного и телесного поведения. В связи с этим нам представляется целесообразным начать анализ с рассмотрения проксемики поведения персонажей в интимной зоне.

¹⁰³ Г.Е. Крейдлин, *Мужчины и женщины в невербальной...*, с.115.

¹⁰⁴ Е.В. Ведмидь, *Невербальные каналы коммуникации: такесика и проксемика в современном мире*, в: *Russia and the World: the Development of Civilizations. Transformation of Civilizational Values in Modern World*, Москва 2021, с. 386–391.

¹⁰⁵ Г.Г. Молчанова, *Проксемика как фактор...*, с. 57–72.

(1) Встретил ее Павел Алексеевич, к этому времени уже принявший свою вечернюю дозу. **Он прижал порывисто ее голову в сером кролике к груди, сморщил лицо:**

— Танька, беда такая... Виталика Гольдберга избили. (*Казус Кукоцкого*, с. 190)

(2) **Он обнимал ее широкую спину, ревниво прижимал к себе,** и она обмирала от этого двойного груза непереносимого счастья. (*Сонечка*, с. 15)

Оба примера иллюстрируют проксемное поведение мужских персонажей в рамках интимной дистанции: в первом случае — в ситуации взаимодействия отца и дочери, во втором – в контексте супружеских отношений.

В примере (1) проксемный акт (*прижал порывисто ее голову к груди*), сопровождаемый экспрессивной мимикой (*сморщил лицо*), может толковаться как способ регуляции эмоционального состояния персонажа: физический контакт выполняет здесь функцию снижения внутреннего напряжения и передачи аффективного состояния. Одновременно данная пространственная конфигурация формирует асимметричную позицию взаимодействия (*сверху вниз*), которая может подчеркивать защитную роль мужчины.

В примере (2) интенсивный телесный контакт (*обнимал, прижимал к себе*) сопровождается лексическими показателями эмоциональной напряженности (*ревниво*), что позволяет интерпретировать данное проксемное поведение как выражение стремления к усилению близости и удержанию партнера в пределах интимного пространства.

Проксемное поведение характерно не только для мужских, но и для женских персонажей, особенно в ситуациях взаимодействия с детьми и партнерами. Рассмотрим следующие примеры:

(1) — Ну, Шурка, не ожидала от тебя такого! Какой ты скрытный, оказывается...

Она запустила пальцы в его кудрявую голову, взъерошила волосы, а потом вдруг озаботилась:

— Слушай, да у тебя волосы поредели! Вот здесь, на макушечке. Надо за ними последить... (*Искренне ваш Шурик*, с. 243)

(2) Обнимая своего первого и единственного в жизни мужчину шафрановыми, мускусными руками, она шептала ему в ухо: «Имя Дмитрий было написано у меня на груди» ... (Дочь Бухары, с. 66)

В примере (1) представлено проксемное поведение матери по отношению к сыну. Тактильный контакт (*запустила пальцы в волосы, взъерошила их*) свидетельствует о высокой степени близости и эмоциональной вовлеченности, характерной для семейной коммуникации. Дополнительные вербальные реплики, направленные на фиксацию изменений во внешности (*волосы поредели*), актуализируют аспект внимательного наблюдения и заботливого отношения, сопровождающего данный тип взаимодействия.

Пример (2) иллюстрирует проксемное поведение в контексте интимных партнерских отношений. Описание телесного контакта (*обнимая... руками*) дополняется сенсорной характеристикой (*шафрановыми, мускусными*), что усиливает перцептивную насыщенность данной сцены и придает взаимодействию выраженный телесно-эмоциональный характер.

Особое значение имеет также сочетание проксемного и вербального поведения: акт шепота (*шептала ему в ухо*) функционирует как показатель предельной интимности коммуникации и направлен на сокращение не только физической, но и психологической дистанции между участниками взаимодействия.

Анализ данных примеров позволяет нам говорить о наличии определенных гендерно обусловленных тенденций в проявлении эмоций в рамках интимной дистанции. Проксемное поведение мужских персонажей в ряде случаев может быть связано с проявлением инициативы в установлении физического контакта, тогда как поведение женских персонажей чаще ориентировано на поддержание эмоциональной близости и регулирование психологической дистанции.

Далее мы рассмотрим проксемное взаимодействие между мужчиной и женщиной в личной зоне:

(1) Еврей стоял рядом с ней, улыбался как старой знакомой. Она же испытывала

неловкость, потому что не могла вспомнить, где его прежде видела. Он **положил ей руку на голову**, приговаривая:

— Вот и хорошо, хорошо... Новенькая... (*Казус Кукоцкого*, с. 113)

(2) Медея **сидела рядом** и наблюдала сбоку за его необъяснимым волнением. Поймав ее взгляд, он **схватил ее за руку и зашептал в ухо**:

— Мне надо выступить... мне обязательно надо выступить...

— Да что вы так волнуетесь, Самуил Яковлевич? Хотите — и выступите. — **Она потихоньку высвобождала свою руку из его цепких пальцев.** (*Медея и ее дети*, с. 30)

В обоих примерах исходное взаимодействие разворачивается в пределах личной дистанции (*стоял рядом, сидела рядом*), что соответствует нормативной модели повседневного общения. Однако в дальнейшем наблюдается смещение проксеменных параметров: мужские персонажи инициируют сокращение дистанции и переход к элементам интимной зоны (*положил руку на голову; схватил за руку, зашептал в ухо*).

Реакции женских персонажей на данное изменение пространственной конфигурации оказываются различными. В первом случае фиксируется состояние коммуникативного дискомфорта (*испытывала неловкость*), не сопровождающееся явным сопротивлением, что может интерпретироваться как стратегия пассивного принятия ситуации. Во втором случае наблюдается более активная регуляция дистанции: персонаж стремится восстановить комфортную границу взаимодействия (*высвобождала свою руку*), сохраняя при этом внешнюю вежливость и коммуникативную кооперативность.

Сопоставление данных примеров позволяет говорить о том, что инициирование физического контакта и управление проксеменной динамикой в представленных ситуациях преимущественно принадлежит мужским персонажам, тогда как женские персонажи в большей степени выполняют функцию регулирования пространственных границ взаимодействия. При этом такие различия следует рассматривать как обусловленные контекстом и зависящие от конкретной коммуникативной ситуации, а не как универсальные гендерные

характеристики.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в рамках социальной и публичной дистанции гендерные различия в проксемном поведении не проявляются в явном виде. В связи с этим представляется достаточным проиллюстрировать данные зоны на отдельных примерах из прозы Л. Улицкой. Первый пример показывает проксемное поведение в социальной зоне:

В длинном неуклюжем кабинете, за **огромным письменным столом сидел маленький человек с отечным лицом**, вылепленным из сухого мыла — одно из тех лиц, что колыхались на первомайских портретах под весенним ветерком.

«Почки ни к черту не годятся, особенно левая», — автоматически отметил Павел Алексеевич.

— Мы ознакомились с вашим письмом, — монархически произнес партийный начальник. (*Казус Кукоцкого*, с. 22)

В данном фрагменте персонажи разделены значительной дистанцией (*огромный письменный стол*), которая выполняет функцию символической границы и отражает иерархию статусов. Отсутствие личного контакта и формализованный характер коммуникации соответствуют параметрам социальной зоны.

Следующий пример иллюстрирует проксемное поведение в публичной зоне:

Городской партийный начальник, огромный Вялов, **буйствовал за столом**, покрытым красной лощеной материей. [...]

— Кто хочет сказать? — спросил Вялов, и тут же выскочил бодрый Филозов, секретарь партячейки.

Самуил Яковлевич сидел в последнем ряду и подергивался, даже слегка подпрыгивал на стуле, оглядывался по сторонам. [...] (*Медея и ее дети*, с. 30)

В данном фрагменте пространственная структура организована по принципу разделения на центр (*сцена, зона выступающих*) и периферию (*аудитория*). Значительная дистанция между участниками, а также отсутствие прямого

контакта соответствуют характеристикам публичной зоны. Пространственное расположение персонажей дополнительно указывает на их коммуникативные роли и статусные позиции в рамках данного взаимодействия.

В целом проведенный анализ позволяет нам сделать вывод о том, пространственные параметры общения — дистанция, взаимное расположение и динамика ее изменения — оказываются тесно связанными с выражением эмоциональных состояний, характером межличностных отношений и коммуникативными намерениями участников взаимодействия.

Как показал наш анализ, в рамках интимной и личной дистанции проксемическое поведение участвует в формировании коммуникативной динамики: оно может выступать средством инициации контакта, инструментом регулирования психологической дистанции, а также показателем асимметрии взаимодействия. При этом гендерный фактор проявляется преимущественно на уровне распределения коммуникативных ролей и стратегий управления пространством, тогда как в социальной и публичной зонах его влияние оказывается менее выраженным.

4.2.6. Молчаливое поведение

«Молчание» в самом общем виде может быть определено как отсутствие вербализованного высказывания. Вместе с тем в исследованиях по невербальной коммуникации оно рассматривается значительно шире — как пространство, позволяющее преодолеть «ограниченность словесного выражения»¹⁰⁶ и как сложный, многоуровневый феномен психологической и коммуникативной деятельности человека. По словам Елены Куземиной,

Молчание как недоговоренность и сокрытость информации может выступать как элемент семантики слова и высказывания в имплицитных и ненормативных пропусках, в поэтической речи, в метафоре, подтексте, при использовании иронии

¹⁰⁶ Е.Ф. Куземина, *Молчание как выразительность говорения*, «Теория и практика общественного развития» 2008, № 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-kak-vyrazitelnost-govoreniya> (01.04.2025).

и т.д., и тогда оно приобретает форму умолчания¹⁰⁷.

С точки зрения Нины Арутюновой, молчание может рассматриваться как особый способ выражения смысла, тесно связанный с имплицитностью высказывания и передачей эмоционально-психологического содержания¹⁰⁸.

Интерес к феномену молчания как объекту научного анализа усиливается с XIX века, а в современной науке оно изучается в рамках лингвистики, психологии и теории коммуникации. Молчание, как и язык, неотделимо от человека и его социальной практики и выступает универсальным компонентом коммуникативного поведения. Как отмечается в ряде исследований, если существуют люди, ограниченные в речевой активности, то не существует таких, которые бы полностью были лишены молчания как формы поведения. В этом смысле молчание является неотъемлемым и регулярным элементом коммуникации. Существуют неговорящие члены общества, но не существует таких, которые бы никогда не молчали. Можно сказать поэтому, что в известном смысле молчание доминирует над словом и довлеет слову: оно очевидно и парадоксально, чем слово¹⁰⁹.

Молчаливое поведение как элемент невербальной коммуникации обусловлено социальными и культурными факторами, включая нормы взаимодействия, ценностные установки и модели интерпретации поведения. В ряде работ по гендерной лингвистике и социолингвистике отмечается, что использование молчания в коммуникации может выражать определенные различия в зависимости от гендера, однако они носят вероятностный, а не универсальный характер и зависят от контекста общения. В обобщенном виде можно выделить несколько тенденций, описанных в научной литературе¹¹⁰:

1) В некоторых исследованиях отмечается, что женщины чаще используют вербальные стратегии для поддержания контакта, тогда как молчание в их поведении может восприниматься как реакция на коммуникативное напряжение

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Н.Д. Арутюнова, *Молчание и чувство*, в: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*, Москва 1994, с. 178.

¹⁰⁹ К.А. Богданов, *Очерки по антропологии молчания*, Санкт-Петербург 1998, с. 4.

¹¹⁰ 孟晶晶, *交际中沉默行为的性别差异研究*, 东北师范大学 2018, 第 25-39 页。

или эмоциональную перегрузку. При этом молчание может выполнять защитную или регулятивную функцию. Мужчины, в свою очередь, чаще используют молчание как стратегию контроля взаимодействия или как средство избегания прямой вербализации эмоций¹¹¹.

2) В институциональных и формальных контекстах распределение ролей говорящего и слушающего может быть связано с социальными иерархиями и нормами, включая гендерные, однако такие модели являются культурно обусловленными и не универсальны.

3) Исследования показывают, что в официальных ситуациях коммуникативное поведение может быть более регламентированным, тогда как в неформальном общении наблюдается бóльшая вариативность, в том числе в использовании молчания.

4) Интерпретация молчания также зависит от субъекта восприятия: в ряде случаев оно может восприниматься как сигнал дистанции, неудовлетворенности или отказа, а в других — как признак обдумывания, согласия или понимания. Реакции на молчание (включая стремление его прервать или, напротив, сохранить) определяются индивидуальными и культурными особенностями коммуникантов.

Помимо прочего, в ряде исследований отмечается, что в мужской коммуникативной практике молчание может интерпретироваться как форма внутренней когнитивной деятельности (обдумывания), а также как сигнал согласия или отсутствия необходимости дальнейшей вербализации. В таких случаях молчание воспринимается как допустимая и не нарушающая коммуникацию пауза, не требующая немедленного заполнения речью. Соответственно, при восприятии молчания мужчины могут быть менее склонны интерпретировать его как коммуникативную проблему и реже стремятся немедленно его прервать, допуская возможность «молчаливого понимания» между участниками общения.

В ряде социолингвистических исследований отмечается, что женщины чаще используют стратегии поддержания контакта, что может проявляться, в частности,

¹¹¹ Н.Б. Корнилова, *Молчание в культурной коммуникации: гендерный аспект*, в: *Гендер: язык, культура, коммуникация*, Москва 2002, с. 216.

в стремлении минимизировать паузы в коммуникации. В ситуации возникновения молчания они могут стремиться его заполнить, вводя новые темы или продолжая разговор. Мужчины, напротив, в некоторых случаях проявляют большую толерантность к паузам и реже стремятся их прерывать, интерпретируя молчание как часть естественного хода коммуникации.

Исходя из этого, можно прийти к выводу, что при интерпретации молчаливого поведения необходимо учитывать контекст и характеристики собеседников. Передаваемая с помощью молчания информация и эмоциональное содержание, как правило, имеют имплицитный и многослойный характер и не могут быть непосредственно извлечены из вербального высказывания.

В процессе анализа различных коммуникативных ситуаций в научной литературе выделяется ряд функций молчания, среди которых обычно называются: контактивная и дисконтактивная, экспрессивная, информативная, оценочная, интеррогативная (вопросительная), когнитивная, гезитативная, аффективная, стратегическая, риторическая, ролемаркирующая, социально-ролевая, ритуальная и синтаксическая¹¹². Встречается также разграничение молчания на коммуникативно значимое и коммуникативно незначимое¹¹³. Следует при этом отметить, что данное деление не является универсальным и используется в ряде работ как аналитическая модель описания функций молчания.

Коммуникативно значимое молчание включает несколько разновидностей¹¹⁴:

1) молчание, обусловленное сменой коммуникативных ролей в диалоге: в процессе взаимодействия участники поочередно выполняют роли говорящего и адресата, и периоды ожидания своей реплики могут сопровождаться молчанием;

2) так называемое «молчание говорящего» или «молчание вместо говорения», при котором молчит тот собеседник, которому в соответствии с нормами диалогического взаимодействия принадлежит очередь высказывания;

3) молчание, связанное с синтаксической организацией высказывания,

¹¹² С. Крестинский, *Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе*, «Вестник ТВГУ. Серия: Филология» 2011, вып. 1, с. 34–37.

¹¹³ Д.Б. Мухаметов, *Молчание как компонент русской культуры*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2012, № 5–3, с. 77–82.

¹¹⁴ В.В. Богданов, *Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении*, в: *Языковое общение: Единицы и регулятивы*, Калинин 1987, с. 18–25.

реализующееся, в частности, в явлениях эллипсиса и других формах имплицитного выражения смысла¹¹⁵.

В данном подразделе предметом нашего анализа станет второй тип коммуникативно значимого молчания — «молчание говорящего», т.е. случаи, когда молчание возникает в позиции ожидаемого высказывания.

Как мы уже указывали, в зависимости от контекста и характеристик участников общения одно и то же молчание может получать различную интерпретацию.

В ряде исследований предлагается различать так называемое активное и пассивное молчание. Активное молчание интерпретируется как коммуникативно значимое поведение¹¹⁶, связанное с внутренней когнитивной деятельностью или намеренным воздействием на собеседника (например, обдумывание, согласие, демонстрация понимания или сдержанности). Пассивное молчание же рассматривается как реакция, сопровождающая такие состояния, как избегание, неудовлетворенность, отказ или коммуникативная дистанция¹¹⁷.

Следует при этом подчеркнуть, что данное противопоставление носит аналитический характер и используется как удобная модель описания интерпретаций молчания в коммуникации.

Далее мы рассмотрим функционирование активного и пассивного молчания в речевом поведении персонажей прозы Л. Улицкой с учетом гендерного аспекта. Сначала проанализируем примеры активного молчания мужских персонажей:

(1) Самуил, говоривший безостановочно, **на полдороге вдруг замолчал**. Собственно, он рассказал о себе все. В годы их брака он только добавлял второстепенные детали к сказанному в тот вечер. (*Медея и ее дети*, с. 33)

(2) — Роберт, но эти мальчики. Меня так беспокоит... — шла в робкую атаку Сонечка. — Мне кажется, один у нее всю ночь просидел, она потом в школу не пошла.

¹¹⁵ В.В. Богданов, *Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации*, в: *Языковое общение и его единицы*, Калинин 1986, с. 12–18.

¹¹⁶ 姚芬芳, *女性涉外秘书的语用特征*, 湖南第一师范学报 2009 (9(2)), 第 104–106 页。

¹¹⁷ Там же.

Роберт Викторович не поделился с Соней своими утренними наблюдениями, **промолчал.** (*Сонечка*, с. 21)

В примере (1) молчание возникает в момент завершения высказывания и может толковаться как сигнал исчерпанности темы. Прерывание речи фиксирует границу между уже сообщенной и потенциально избыточной информацией. Кроме того, пауза после интенсивного говорения позволяет собеседнику включиться в коммуникацию и отреагировать на услышанное.

В примере (2) молчание персонажа связано с отказом от вербализации имеющейся информации. Роберт Викторович не делится своими наблюдениями, что может интерпретироваться как стремление избежать дальнейшего развития тревожной темы или эмоциональной эскалации. В данном случае молчание выступает средством регуляции взаимодействия и контроля объема передаваемой информации.

По сравнению с мужскими персонажами, активное молчание женских персонажей в анализируемом материале имеет бóльшую функциональную вариативность. Например:

(1) — Это мой свадебный подарок, — сказал он. — Я, собственно, пришел, чтобы сделать вам предложение. — И он выжидательно посмотрел на нее.

[...]

Губы ее дрогнули. **Она молчала, опустив глаза.** ... (*Сонечка*, с. 10)

(2) — Почти год, — тихо ответила Лора. — Кошмар. Мы документы на выезд подали на всех, а как ее везти, непонятно. Я как тебя увидела, так сразу и подумала — вот кто помочь-то сможет. Мы ведь через Вену летим, от вас недалеко. И там неизвестно сколько ждать. Если бы ты нас встретила! Или хотя бы письмо через тебя послать в Сохнут, чтобы они нас встречали с коляской. Я уверена, что разрешение вот-вот придет. Есть такие приметы. Понимаешь, мой муж, Женя, он в Америку ни в какую, ему только Израиль подавай. Я бы лучше в Америку.

Лидия молчала, вживаясь в ситуацию. [...] (*Цю-юрихь*, с. 18)

(3) **Бухара молчала, молчала**, потом села на корточки в кухне и, прислонясь к стене, как она любила сидеть, сказала Паше:

— Паша, у меня болезнь смертельная. Я сейчас умереть не могу, как Милочку оставлю... Я с травой еще шесть лет буду жива, потом умру. Мне старик траву дал, святой человек. Не ведьма. (*Дочь Бухары*, с. 68)

В примере (1) молчание сопровождается невербальными реакциями (*губы ее дрогнули, опустив глаза*), что позволяет толковать его как проявление сильного эмоционального напряжения. Молчание в данном случае фиксирует момент внутренней переработки неожиданной информации и может рассматриваться как реакция на коммуникативную ситуацию, требующую осмысления.

В примере (2) молчание Лидии возникает в ситуации восприятия сложного и эмоционально насыщенного сообщения. Авторская ремарка *вживаясь в ситуацию* указывает на процесс внутреннего соучастия, что позволяет интерпретировать молчание как форму эмпатического восприятия.

В примере (3) повтор молчания (*молчала, молчала*) подчеркивает длительность паузы и значимость внутреннего состояния персонажа. Молчание предшествует высказыванию, содержащему важную и эмоционально тяжелую информацию, и может интерпретироваться как этап подготовки к вербализации значимого сообщения.

Далее рассмотрим два примера пассивного молчания мужских персонажей:

(1) Приехавши, подняла телефонную трубку и набрала Шуриков номер — подошла его мать, алекнула слабым голосом, но Матильда с ней разговаривать не стала... Второй раз Матильда позвонила уже в одиннадцатом часу, снял трубку Шурик, она сказала, что приехала, **он долго молчал**, потом сказал:

— А-а... это хорошо. (*Искренне ваш Шурик*, с. 247)

(2) — Ах ты черт, — огорчился он. — Я, конечно, козел, но и ты хороша... Но ребенок, по теперешним обстоятельствам, — это уж слишком.

— Ты думаешь? — неожиданно для самой себя обиделась Таня, которая и сама еще не решила, как ей относиться к возможности появления ребенка. — Мне что, аборт

делать?

Виталик молчал. Слишком долго. (*Казус Кукоцкого*, с. 205)

В примере (1) молчание сопровождается задержкой ответа (*он долго молчал*) и завершается формально нейтральной репликой (*А-а... это хорошо*), не содержащей развития темы. С учетом контекста такое поведение может интерпретироваться как стремление дистанцироваться от ситуации и избежать более содержательного участия в разговоре. Молчание в данном случае выполняет функцию коммуникативного уклонения и ограничения вовлеченности.

В примере (2) молчание возникает в ответ на прямой вопрос, требующий принятия решения. Отсутствие вербальной реакции (*молчал. Слишком долго*) усиливает напряженность ситуации и может интерпретироваться как форма уклонения от ответа и отсрочки принятия позиции.

В отличие от мужских персонажей, пассивное молчание женских персонажей в анализируемом материале нередко связано с ситуациями ограниченной коммуникативной инициативы или асимметрии взаимодействия. Например:

(1) — На разрешение аборт.

[...]

Павел Алексеевич подтвердил, пустился в объяснения — это был его конек.

Василиса сжала свои темные губы и молчала. Чаю пить не стала, чашку отодвинула, но в свою каморку не ушла. Сидела молча, глаз не поднимая. [...]
(*Казус Кукоцкого*, с. 45)

(2) — Нечего тебе обижаться, нам помирать пора. Пусть на свой лад устраивает, ей рожать скоро, — внушал Паше доктор по дороге, но она скорбно трясла головой, **молчала** и только возле самого дома, собравшись с духом, ответила ему:

— Да смотреть-то обидно. Женился на головешке азиатской... Одно слово Бухара!
(*Дочь Бухары*, с. 64)

(3) Павел Алексеевич попытался объяснить приемышу, что, получив образование, она сможет работать в Ботаническом саду или в Институте лекарственных растений,

или еще где-нибудь, но **Тома глухо замолчала**: она не понимала, зачем ей нужно получать образование, если в Ботанический сад она и так может пойти работать. (*Казус Кукоцкого*, с. 92)

(4) — Ты больше никогда ко мне не придешь?

— Ну, может, ты ко мне как-нибудь заедешь? В Расторгуево, а? — Он медленно поднялся, отряхнул белые штаны, поцеловал ее в сжатый рот. — Ты что, расстроилась?

Она молчала. Взглянув на часы, он сказал:

— Ладно, пошли. Пятнадцать минут у меня есть. (*Медея и ее дети*, с. 114)

Ситуации в примерах (1) и (2) объединяет наличие коммуникативной асимметрии: одна из сторон занимает более сильную позицию в диалоге, что ограничивает возможности другой стороны для открытого выражения несогласия. Молчание в этих случаях сопровождается невербальными реакциями (жесты, поза, мимика) и может интерпретироваться как форма сдержанного выражения негативной оценки или внутреннего несогласия.

Вместе с тем мы наблюдаем также различия в реализации данного типа поведения. В примере (1) молчание сохраняется на протяжении всей сцены и сопровождается отказом от участия в взаимодействии (невербальные действия, отсутствие зрительного контакта), тогда как в примере (2) молчание носит временный характер и завершается вербализацией позиции персонажа.

В примере (3) молчание возникает в ситуации расхождения точек зрения. Отсутствие вербальной реакции (*глухо замолчала*) может интерпретироваться как показатель непонимания или нежелания вступать в аргументативное взаимодействие, при сохранении внешней лояльности к собеседнику.

В отличие от предыдущих примеров, во фрагменте (4) молчание возникает в контексте межличностного взаимодействия и сопровождается отсутствием реакции на реплики собеседника. Такое молчание может интерпретироваться как форма коммуникативного несогласия или скрытого протеста, который, однако, не получает вербального выражения и остается нераспознанным другим участником общения.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что молчаливое поведение в прозе Л. Улицкой выполняет разнообразные коммуникативные функции и является значимым средством репрезентации межличностных отношений и внутреннего состояния персонажей. Анализ нашего материала показал, что как активное, так и пассивное молчание может использоваться персонажами в качестве средства регуляции взаимодействия, контроля объема передаваемой информации, а также выражения эмоционального и когнитивного отношения к ситуации.

В рамках рассмотренного материала мы обнаружили также определенные различия в функционировании молчания у мужских и женских персонажей, однако, как нам кажется, они носят контекстуальный характер и зависят от конкретной коммуникативной ситуации. В частности, молчание мужских персонажей чаще связано со стратегиями уклонения от вербализации, регулирования коммуникативной инициативы или ограничения вовлеченности в диалог. Молчание женских персонажей, в свою очередь, выражает более широкий спектр функций: оно может сопровождать процессы внутреннего осмысления, передавать эмоциональное напряжение, а также выступать косвенной формой несогласия или реакции на коммуникативную асимметрию.

Заключение

Людмила Улицкая занимает важное место в современной русской литературе, а ее творчество неоднократно было предметом литературоведческих исследований. Однако, несмотря на устойчивый интерес к ее прозе, языковая организация произведений писательницы, особенно в аспекте гендерной коммуникации, до сих пор является недостаточно системно описанной.

Проза Л. Улицкой представляет собой интересный материал именно для лингвистического анализа, поскольку в ней последовательно реализуются различные модели коммуникативного поведения персонажей, отражающие их социальные и гендерные характеристики. Особую значимость при этом приобретает взаимодействие вербальных и невербальных средств, формирующих сложную систему коммуникации и позволяющих рассматривать художественный текст как пространство реализации гендерно обусловленных коммуникативных стратегий. В этом контексте гендер выступает не только как тематическая категория, но и как один из принципов организации художественного дискурса.

Теоретическая часть данной работы позволила уточнить понятийный аппарат гендерной лингвистики. Анализ основных направлений феминистской мысли показал, что развитие гендерных исследований непосредственно связано с переосмыслением языка как инструмента репрезентации социальных ролей и идентичностей. Это, в свою очередь, формирует методологическую основу для анализа художественного текста как особого типа дискурса, в котором гендер реализуется не только на тематическом уровне, но и в системе языковых и коммуникативных средств.

Рассмотрение феномена женской прозы позволило нам установить, что данный термин не является однозначным, однако в рамках настоящего исследования он используется как аналитическая категория, позволяющая описывать тексты, в которых гендерная проблематика реализуется через систему персонажей, их речевое поведение и коммуникативные стратегии. В этом контексте проза Л. Улицкой характеризуется высокой степенью репрезентативности, поскольку сочетает внимание к частной сфере жизни,

психологическую детализацию и сложную организацию коммуникативного взаимодействия.

В ходе исследования была подтверждена выдвинутая нами гипотеза о том, что гендерные различия в прозе Л. Улицкой носят системный характер и реализуются через совокупность вербальных и невербальных средств коммуникации. Как показал анализ, гендерная обусловленность коммуникативного поведения не ограничивается отдельными языковыми единицами, а проявляется в формировании устойчивых моделей взаимодействия персонажей.

В сфере вербальной коммуникации мы установили, что различия между мужскими и женскими персонажами проявляются прежде всего на уровне прагматической организации речевых актов. Мужские персонажи чаще реализуют коммуникативные стратегии, ориентированные на контроль ситуации взаимодействия, прямое выражение намерений и достижение прагматического результата. Их речь характеризуется большей степенью категоричности и функциональной направленности.

Женские персонажи, напротив, используют более широкий и вариативный репертуар коммуникативных стратегий, включающий смягчение высказывания, использование косвенных форм, а также ориентацию на поддержание контакта и регулирование межличностных отношений. При этом следует подчеркнуть, что выявленные различия реализуются в зависимости от конкретного коммуникативного контекста.

Особое внимание в работе уделено анализу отдельных типов речевых актов — обращения, приветствия, комплимента, просьбы, жалобы, извинения и прощания. Нами было установлено, что гендерная обусловленность проявляется как в выборе самих речевых актов, так и в способах их языкового оформления. В частности, различия фиксируются в степени формальности и экспрессивности высказываний, а также в использовании средств вежливости и стратегий смягчения.

Анализ невербальной коммуникации показал, что гендерные различия последовательно проявляются на уровне параязыкового, жестового, тактильного,

визуального и проксемию поведения. При этом невербальные средства не дублируют вербальные, а выступают как самостоятельный компонент коммуникации, способный усиливать, уточнять или трансформировать смысл высказывания. В частности, мы обнаружили, что визуальное поведение мужских персонажей чаще связано с контролем взаимодействия и выражением социальной позиции, тогда как визуальное поведение женских персонажей характеризуется большей эмоциональной вариативностью и ориентацией на интерпретацию внутреннего состояния.

Тактильное поведение в прозе Л. Улицкой показывает различия в функциях прикосновения — от выражения близости и поддержки до обозначения дистанции и социальных ролей. Анализ проксемию поведения позволил сделать вывод о том, что пространственная организация взаимодействия также выступает показателем гендерных отношений, отражая степень близости, иерархии и эмоциональной вовлеченности персонажей.

Особое место в наших исследованиях занимает анализ молчания как коммуникативного явления. Как мы заметили, молчание в прозе Л. Улицкой выполняет различные функции — от выражения контроля и ухода от коммуникации до формы протеста, эмоционального переживания или стратегии взаимодействия. При этом гендерная дифференциация проявляется в различиях между активным и пассивным молчанием, а также в его прагматической интерпретации.

В заключение можно сделать вывод о том, что гендер в прозе Л. Улицкой выступает как комплексная категория, реализующаяся на различных уровнях художественного текста — от отдельных языковых средств до целостных моделей коммуникативного поведения. Гендерная обусловленность в данном случае не является внешним признаком, а выступает одним из принципов организации художественного дискурса, определяющим способы репрезентации персонажей.

Результаты проведенного нами анализа могут быть использованы в дальнейших работах, посвященных анализу художественного дискурса и гендерной лингвистике, в частности при изучении вербальных и невербальных аспектов коммуникации. Полученные выводы могут также найти применение

в практике преподавания дисциплин, связанных с анализом текста, прагматикой и теорией коммуникации.

Рассмотренные нами явления не исчерпывают всех аспектов рассматриваемой проблемы. Перспективным представляется дальнейший анализ роли культурных и социокогнитивных факторов в формировании гендерно обусловленных коммуникативных стратегий, а также механизмов их интерпретации в читательском восприятии.

Библиография

Источники языкового материала

1. Улицкая Л.Е., *Казус Кукоцкого*, Москва 2001.
2. Улицкая Л.Е., *Медея и ее дети*, Москва 2011.
3. Улицкая Л.Е., *Счастливые (сборник)*, Москва 2013.
4. Улицкая Л.Е., *Цю-юрихь*, Москва 2008.

Литература на русском языке

1. Абашева М.П., *Чистенькая жизнь не помнящих зла*, «Литературное обозрение» 1992, № 5.
2. Абубикирова Н.И., *Что такое «гендер»?», «Общественные науки и современность» 1996, № 6.*
3. Азимбаева Д., *Гендерная лингвистика как одно из актуальных направлений современного языкознания*, «Экономика и социум» 2025, № 1–1 (128).
4. Айвазян О.О., *Коммуникация и речь*, «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология», <https://cyberleninka.ru/article/v/kommunikatsiya-i-rech> (23.11.2024).
5. Анков А.А., Вепрева И.Т., Гаранович М.В., Гриценко Е.С. и др., *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*, Москва 2022.
6. Апухтина Н.Н., *Речевые акты просьбы и ответа в различных лингвокультурах*, «Записки Горного института» 2010, т. 187.
7. Арбатова М.И., *Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма*, «Преображение» 1995, № 3.
8. Артишевский С.Э., Артишевский Э.В., *Язык жестов в профессии репортера*, «Медиасреда» 2017, № 12.
9. Арутюнова Н.Д., *Молчание и чувство*, в: *Логический анализ языка. Язык речевых действий*, ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева, Москва 1994.
10. Арутюнова Н.Д., *Речевой акт*, [в:] *Большой энциклопедический словарь. Языкознание*, ред. В.Н. Ярцева, Москва 1990, с. 137.
11. Афанасьев А.С., Бреева Т.Н., *Гендерный аспект изучения литературы*, Москва

2017.

12. Африканова А.В., Африканова Е.В., *Основные идеи и представители философии феминизма*, в: *Человек. Культура. Общество: материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 23–24 мая 2019 г.)*, ред. Н.В. Розенберг, Пенза 2019.
13. Банчук И.И., *Людмила Улицкая и Алена Браво: типологические аналогии в женской психологической прозе*, в: *Полесский регион и наука XXI века: Материалы IX Республиканской научно-практической интернет-конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Мозырь, 26 июня 2015 г.*, Мозырь 2015.
14. Барчунова Т.В., «Эгоистичный гендер», или *Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях*, «Общественные науки и современность» 2002, № 5.
15. Бахаева Л.М., Магомадова Т.Д., *Анализ формул прощания в контексте школьного изучения (на материале языка русской и чеченской художественной литературы)*, «Вестник Калмыцкого университета» 2024, № 1 (61).
16. Бахчоян А.М., *Гендерный подход к языковому материалу*, в: *Научные разработки: евразийский регион: материалы международной научной конференции теоретических и прикладных разработок (г. Москва, 16 марта 2019 г.)*, ред. Д.Р. Хисматуллин, Москва 2019.
17. Беляева-Станден Е.И., *Гендерные особенности комплимента россиян*, «Вопросы психолингвистики» 2006, № 4.
18. Берестнев Г.И., Дронова А.Л., *Функциональная специфика метаописания взглядов в художественном тексте (на материале произведений И.С. Тургенева)*, «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология» 2013, вып. 8.
19. Богданов В.В., *Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации*, в: *Языковое общение и его единицы*, Калинин 1986.
20. Богданов В.В., *Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении*, в: *Языковое общение: Единицы и регулятивы*, Калинин 1987.
21. Богданов К.А., *Очерки по антропологии молчания*, Санкт-Петербург 1998.

22. Божанова Н.Г., *Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы*, «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» 2012, № 5.
23. Бочарова Е.В., *Кураторство в феминистских художественных самоорганизациях России*, Москва 2020.
24. Буранова М.Ж., *О категории «гендер» и гендерных исследованиях*, «Новости образования: исследование в XXI веке» 2022, № 1 (4).
25. Бурас М.М., Кронгауз М.А., *Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика*, «Вопросы языкознания» 2013, № 2.
26. Ван Я., *Невербальные коммуникации в деловом общении*, в: *Материалы заочной международной научной конференции «Актуальные вопросы современной экономики и менеджмента»*, Иркутск 2013.
27. Ванеева Л.Л., *Не помнящая зла*, Москва 1990.
28. Васильева А.А., *Гендерная лингвистика: термины, основные понятия, перспективы развития*, «Новая экономика и региональная наука» 2016, № 2.
29. Ведмидь Е.В., *Невербальные каналы коммуникации: такесика и проксемика в современном мире*, в: *Russia and the World: the Development of Civilizations. Transformation of Civilizational Values in Modern World*, Москва 2021.
30. Вежбицкая А., *Речевые жанры*, в: *Жанры речи*, вып. 1, Саратов 1997.
31. Владимирова Т.Е., *Межкультурная коммуникация: лингвистический аспект*, «Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2012, № 2.
32. Власова Т.М., *Кинесические средства общения как маркеры социально доминирующей позиции коммуниканта*, «Научный альманах» 2015, № 7.
33. Габриэлян Н.М., *Ева — это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе)*, «Вопросы литературы» 1996, № 4.
34. Галкина Т.В., *Гендерная лингвистика и особенности речевого портрета*, «Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» 2017, № 22–2.
35. Гаранович М.В., *Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании русских*, Пермь 2020.

36. *Гендер и язык*, ред. и сост. А.В. Кирилина, Москва 2005.
37. Генис А., *Иван Петрович умер. Статьи и расследования*, Москва 1999.
38. Гнедаш А.А., *Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер*, «Вестник РУДН. Серия: Политология» 2022, т. 24, № 1, с. 69.
39. Гойхман О.Я., Надеина Т.М., *Речевая коммуникация*, Москва 2001.
40. Гольдин В.Е., *Речь и этикет*, Москва 1983.
41. Гришина Е.А., *О мультимодальных кластерах в устной речи*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2011»*, Москва 2011.
42. Дерябо С.Д., Ясвин В.А., *Гроссмейстер общения*, Москва 2004.
43. Джураева З.Р., *Изучение гендерной парадигмы в современной лингвистике*, «Образование и инновационные исследования» 2022, № 8.
44. Ду Цяо, *Интерпретация гуманитарной мысли в произведении «Дочь Бухары» Л. Улицкой*, «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки» 2022, № 3.
45. Дутова Н.В., *Лингвокультурный универсализм в гендерном невербальном коммуникативном поведении*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2015, № 10 (52).
46. Ерофеев В.В., *Время рожать. Россия, начало XXI века. Лучшие молодые писатели*, Москва 2001.
47. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., *Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования*, в: *Российский гендерный порядок: социологический поход*, ред. Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, Санкт-Петербург 2007.
48. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., *Социальное конструирование гендера: феминистская теория*, «Социологический журнал» 1998, № 3/4.
49. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н., *Особенности мужской и женской речи*, в: *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*, ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев, Москва 1993.
50. Зумбулидзе И.Г., *«Женская проза» в контексте современной литературы*, в:

Современная филология: материалы I Международной научной конференции (Уфа, апрель 2011 г.), Уфа 2011.

51. Игебаева Ф.А., *Деловые коммуникации в формировании коммуникативной компетентности современного специалиста агроуниверситета*, в: *Репликация культуры общества в контексте профессионального образования*, кн. 2, Георгиевск 2013.
52. Кирилина А.В., *Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия*, «Вопросы психолингвистики» 2021, № 3 (49).
53. Кирилина А.В., *Гендер: лингвистические аспекты*, <https://www.scribd.com/document/495680178/Кирилина-А-В-гендер> (10.05.2021).
54. Кирилина А.В., *Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике: философский и методологический аспекты*, «Общественные науки и современность» 2000, № 4.
55. Кирилина А.В., *Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации*, Москва 2004.
56. Кирилина А.В., *Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах*, в: *Гендер и язык*, ред. и сост. А.В. Кирилина, Москва 2005.
57. Кирилина А.В., *Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотного исследования)*, «Гендерный фактор в языке и коммуникации» 1999, № 446.
58. Кирилина А.В., *Гендерные репрезентации в России начала третьего тысячелетия*, «Когнитивные исследования языка» 2015, № 21.
59. Кирилина А.В., *Женский голос в русской паремиологии*, «Женщина в российском обществе» 1997, № 3.
60. Кирилина А.В., *Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании*, «Армия и общество» 2010, № 4.
61. Кирилина А.В., *Манифестация гендерных стереотипов в российской прессе: журналистская и читательская перспектива*, «Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband» 2002, № 55.
62. Кирилина А.В., *«Мужественность» и «женственность» с точки зрения*

лингвиста, «Женщина в российском обществе» 1998, № 2.

63. Кирилина А.В., *Некоторые итоги лингвистических гендерных исследований в России (1999–2009)*, в: *Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов, Москва 17–19 июня 2009 г.*, Москва 2009.
64. Кирилина А.В., *Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам Национального корпуса русского языка)*, «Вопросы психолингвистики» 2019, № 2 (40).
65. Кирилина А.В., *Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации*, в: *Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации*, Москва 2002.
66. Кирилина А.В., *Развитие гендерных исследований в лингвистике*, «Филологические науки» 1998, № 2.
67. Кирилина А.В., *Символика мужественности и женственности в личных именах*, в: *Филология и культура: Тезисы II Международной конференции 12–14 мая 1999*, Тамбов 1999.
68. Кирилина А.В., Терентий Л.М., *Концептуализация понятий «мужчина», «женщина», «мужественность», «женственность» по данным лексикографических трудов и Национального корпуса русского языка*, «Вопросы психолингвистики» 2015, № 26.
69. Кирилина А.В., Томская М.В., *Лингвистические гендерные исследования*, «Отечественные записки» 2005, № 2.
70. Кирова А.Г., *Развитие гендерных исследований в лингвистике*, «Вестник Томского государственного педагогического университета» 2009, № 8.
71. Ковалева Н.А., *Жанровая природа извинения в русском языке*, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание» 2009, № 1.
72. Кожухова И.В., *Речевой акт «приветствие» в английском языке*, «Политическая лингвистика» 2017, № 6.
73. Козлова Е.А., *Гендерные аспекты лексики русского языка*, Калуга 2021.

74. Колшанский Г.В., *Паралингвистика*, Москва 2007.
75. Комарова З.И., *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*, Москва 2013.
76. Коновалов Д.А., *Современный левый феминизм второй половины XX — начала XXI вв.: особенности формирования политической позиции*, в: *Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт*, ред. И.А. Ветренко, Омск 2018.
77. Корнилова В.С., Сошина Е.А., *Зрительный контакт как форма невербальной коммуникации: основные теоретические подходы*, «Russian Journal of Education and Psychology» 2020, № 4.
78. Корнилова Н.Б., *Молчание в культурной коммуникации: гендерный аспект*, в: *Гендер: язык, культура, коммуникация*, Москва 2002.
79. Короткова М.О., *Влияние гендерного фактора на речевое поведение*, «Приволжский научный вестник» 2015, № 7 (47).
80. Которова Е.Г., *Модель речевого поведения «Просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование*, «Жанры речи» 2016, № 1.
81. Крейдлин Г.Е., *Женское и мужское невербальное интерактивное поведение: межкультурный аспект*, «Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband» 2002, № 55.
82. Крейдлин Г.Е., *Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I. Жестовые ударения*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2006»*, Москва 2006.
83. Крейдлин Г.Е., *Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2003» (11–16 июня 2003 г.)*, Москва 2003.
84. Крейдлин Г.Е., *Мужчины и женщины в диалоге II: невербальная агрессия как тип поведения*, в: *Агрессия в языке и речи*, ред. И.А. Шаронов, Москва 2004.
85. Крейдлин Г.Е., *Мужчины и женщины в диалоге III: культурно-универсальные и культурноспецифичные особенности невербального коммуникативного*

поведения, в: *Гендер: Язык, культура, коммуникация: Материалы третьей международной конференции*, Москва 2006.

86. Крейдлин Г.Е., *Мужчины и женщины в диалоге IV (проблемы реконструкции невербального поведения)*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2003» (11–16 июня 2003 г.)*, Москва 2004.
87. Крейдлин Г.Е., *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*, Москва 2005.
88. Крейдлин Г.Е., *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*, Москва 2002.
89. Крейдлин Г.Е., *Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: Финская и русская жестовые системы*, в: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»)*, Москва 2009 (8).
90. Крестинский С., *Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе*, «Вестник ТВГУ. Серия: Филология» 2011, вып. 1.
91. Крыкова И.В., *Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке*, «Аналитика культурологии» 2008, № 11.
92. Куземина Е.Ф., *Молчание как выразительность говорения*, «Теория и практика общественного развития» 2008, № 1, <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-kak-vyrazitelnost-govoreniya> (01.04.2025).
93. Кузимуродова Л., *От классического «маленького человека» к постмодернистскому субъекту: проза Виктора Пелевина и Людмилы Улицкой*, *Interpretation and Researches*, <https://interpretationandresearches.uz/index.php/iar/article/view/3720> (11.02.2026).
94. Кузнецов М.А., *Гендерные особенности эмоциональной и автобиографической памяти*, «Право і безпека» 2015, № 1 (56).
95. Кузнецов Ю.П., *Под женским знаком*, «Литературная газета» 1987, № 46.
96. Лабунская В.А., *Невербальное поведение (социально-перцептивный подход)*, Ростов-на-Дону 1986.
97. Латыпова Э.А., Латыпов Э.Р., *Такесические средства невербального общения*,

- «Экономика и социум» 2016, № 3 (22).
98. Леонтьев В.В., *Комплименты как компоненты формул приветствия и благодарности (на материале английского языка)*, «Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание» 2006, № 5.
 99. Лесник Т.Р., *Понятие «гендер» и гендерная лингвистика в научных и социальных контекстах*, «Вестник науки» 2024, № 4 (73).
 100. Липко Ю.Г., *Стратегическое использование жалобы*, «Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки» 2006, № 2.
 101. Липовецкий М.Н., *Русская литература XX века: направления и течения*, Екатеринбург 1992.
 102. Логинова Е.А., *История развития гендерных исследований в зарубежной и отечественной лингвистике*, «In Situ» 2021, № 1.
 103. Лысакова И.П., Веселовская Т.М., *Прагматика побудительных речевых актов в русском языке*, Щецин–Росток 2008.
 104. Маркина Л.В., *Гендерные стереотипы в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин)*, в: *Русистика и компаративистика*, вып. 13, ред. С.А. Васильев, Москва 2019.
 105. Маркина Л.В., *Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин)*, «Неофилология» 2020, № 6 (21).
 106. Маркова Е., *Нитки рвутся — я вижу*, в: *«Русская душа»: Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции*, Wilhelmshorst 1995.
 107. Маркова Е.И., *Русская душа: сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции*, Wilhelmshorst 1995.
 108. Маутнер Ф., *Введение в критику языка*, Лейпциг 1924.
 109. Мирходжаева М.И., *Гендерный подход в современной лингвистике*, «Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие» 2015, № 1 (8).
 110. Можде Д.Х., *Просьба в современной русской речи в непрямой форме*, «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика» 2014, № 3.
 111. Мойсеева А.П., *Основы теории коммуникации*, Томск 2004.

112. Молчанова Г.Г., *Проксемика как фактор национального самосознания*, «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» 2013, № 3.
113. Муслумова Т.В., *Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления*, «Вестник Шадринского государственного педагогического университета» 2015, № 4 (28).
114. Мухаметов Д.Б., *Молчание как компонент русской культуры*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2012, № 5–3.
115. Мушникова Е.Н., *Обращение «голубчик/голубушка» в речевом этикете русских писателей и современные тенденции*, «Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки» 2013, т. 15, № 3 (117).
116. Надобко Ю.В., *К вопросу о проявлении гендерности в мужском и женском речевом поведении*, «Lingua mobilis» 2010, № 2 (21).
117. Николаева Ю.В., *Иллюстративные жесты в русском дискурсе*, Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук, Москва 2013.
118. Николаева Ю.В., *Функционирование иллюстративных жестов в устном дискурсе*, «Новые информационные технологии в автоматизированных системах» 2010, № 13.
119. Ноздрина Т.Г., *Комплексный подход к изучению взаимодействия языка, пола и социума как определяющий фактор развития гендерной лингвистики*, «Мир науки, культуры, образования» 2015, № 5.
120. Нургали К.Р., Уайсбаева А.Г., *Аксиологические мотивы в романе Л. Улицкой «Медя и ее дети» в контексте гендерной проблематики*, «Сибирский филологический форум» 2022, № 3 (20).
121. Остин Дж., *Как совершать действия при помощи слов*, пер. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева, в: Дж. Остин, *Избранное*, Москва 1999, <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000713/st000.shtml> (10.12.2025).
122. Павленко Н.Р., *Феминизм в общественно-политической жизни: история появления и развития*, «Вопросы студенческой науки» 2020, № 2 (42).
123. Пахомова И.Н., *Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации)*, Автореферат на соискание ученой степени

кандидата филологических наук, Москва 2008.

124. Поспелова А.Г., *Функциональный аспект изучения речевых актов: Иллокутивно-интерактивная характеристика*, в: *Трёхаспектность грамматики (на материале английского языка)*, Санкт-Петербург 1992.
125. Пошерстник Т.А., *Прагмалингвистика англоязычного речевого акта просьбы*, https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/52913/1/posherstnik_Sbornik9_tom1.pdf (25.07.2024).
126. Пронникова Н.В., *К вопросу о функциях интонации*, «Фундаментальные исследования» 2014, № 9.
127. Рабенко Т.Г., Черепанова Е.А., *Жанры приветствия и прощания в речи студентов*, «СибСкрипт» 2008, № 2, <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-privetstviya-i-proschaniya-v-rechi-studentov> (дата обращения: 23.03.2025).
128. Раджапова Н.Б., *Теоретические основы гендерной лингвистики*, «Oriental renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences» 2024, № 7.
129. Ратмайр Р., *Прагматика извинения*, пер. Е. Араловой, Москва 2003.
130. Рашина А.А., Томская М.В., *Жестовое поведение при описании негативных событий в гендерном аспекте*, «Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» 2022, № 5 (860).
131. *Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект*, ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев, Москва 1993.
132. Рябов О.В., *Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ*, в: *Гендер как интрига познания*, Москва 2002.
133. Рябов О.В., *Гендерные дискурсы и национальная идентичность в России: вторая половина XIX столетия — Серебряный век*, «Женщина в российском обществе» 2009, № 3.
134. Рябов О.В., *Гендерные стереотипы как фактор социальных конфликтов*, «Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Психологические науки: Акмеология образования, Гендерная психология» 2005, № 11 (4).
135. Рябов О.В., *Межкультурная интолерантность: гендерный аспект*, в: *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*, ред.

- Н.А. Купина, О.А. Михайлова, Екатеринбург 2004.
136. Рябов О.В., *Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды*, «Женщина в российском обществе» 2005, № 3–4.
137. Рябов О.В., *Образ врага в гендерном дискурсе отечественной историософской публицистики периода Первой мировой войны*, в: *Социальная история. Ежегодник 2003: Женская и гендерная история*, ред. Н.Л. Пушкарева, Москва 2003.
138. Рябов О.В., *Русская философия о гендерном аспекте рационального и иррационального*, в: *Рациональное и иррациональное в современной философии. Ч. 2. Материалы научно-теоретической конференции*, Иваново 1999.
139. Рябов О.В., *Свои и Чужие в межкультурном дискурсе: гендерные аспекты*, <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/svoi-i-chuzhie-v-mezhkulturnom-diskurse.htm> (03.09.2021).
140. Рябов О.В., *Свои и Чужие в межкультурном дискурсе: опыт гендерного анализа*, в: *Методология исследования: преподавание языков в межкультурном пространстве*, Тамбов 2003.
141. Рябов О.В., *Символические границы в политике советской идентичности: Гендерное измерение (на материале кинематографа Великой Отечественной войны)*, «Женщина в российском обществе» 2020, № 2.
142. Рябова Т.Б., Рябов О.В., *Антикоммунизм и гендер в политической культуре либеральной интеллигенции периода перестройки*, в: *Политическая культура интеллигенции и ее место и роль в жизни общества*, Иваново 2006.
143. Рябова Т.Б., Рябов О.В., *Гендерные стереотипы как фактор социальных конфликтов*, «Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Психологические науки: Акмеология образования, Гендерная психология» 2005, № 11 (4).
144. Рябова Т.Б., Рябов О.В., *Пол, возраст, власть (к вопросу о социальной стереотипизации в современной политике)*, «Женщина в российском обществе» 2023, № 3.
145. Савкина И.Л., *Говори, Мария! (заметки о современной русской женской прозе)*,

- «Преображение» 1996, № 4.
146. Савкина И.Л., *Мария Жукова: эпизоды из жизни женщины*, в: *Мария: Литературный альманах*, вып. 2, Петрозаводск 1995.
147. Серль Дж., *Классификация иллокутивных актов*, в: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 17: *Теория речевых актов*, Москва 1986.
148. Серль Дж.Р., Вандервекен Д., *Основные понятия исчисления речевых актов*, в: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 18, Москва 1986.
149. Скачкова И.И., *Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса*, «Вестник ТГЭУ» 2009, № 4.
150. Скворцова Г.Г., *Жена, которая умела летать*, Петрозаводск 1993.
151. Сквородников А.П., *Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление*, «Филологические науки» 1984, № 5.
152. Слюсарева И., *Оправдание житейского: Ирина Слюсарева представляет «новую женскую прозу»*, «Знамя» 1991, № 11.
153. Соколова О.А., *Абстинентки*, Москва 1991.
154. Степаненко Л.В., Фоменко А.В., *Женская логика. Сборник женской прозы*, Москва 1989.
155. Супрун В.И., *Обращение как отражение русской коммуникативной культуры*, «Наука. Мысль: электронный периодический журнал» 2015, № 11.
156. Ти Н.В.Х., *Обращение как элемент русского речевого этикета на фоне вьетнамской лингвокультуры*, Москва 2010.
157. Тожибоева Г.Р., Бекирова Э.Р., *Актуализация гендерного равенства в современном обществе*, «Academic Research in Educational Sciences» 2020, т. 1, № 4.
158. Торкунова О.И., Машин В.Н., *Экзистенциальные ценности в формировании коммуникативной культуры курсантов и слушателей военных вузов*, «Перспективы науки и образования» 2015, № 6 (18).
159. Трофимова Е.И., *Феминизм и женская литература в России*, в: *Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96»*, Москва 1997.
160. Турдалиева Э.Б., *Особенности гендерные исследования в развитии русской*

- лингвистики, «Eurasian Journal of Academic Research» 2022, № 2 (12).
161. Туфанова Ю.В., *Речевая ситуация извинения*, «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета» 2010, № 1 (9).
 162. Улицкая Л.Е., *Литература происходит из жизни...*, «Русская мысль» 1996, № 4149.
 163. Улицкая Л.Е., *Мне интересна жизнь «серых людей»: Беседа с писательницей Л. Улицкой (Записала Маргарина Рюрикого)*, «Литературная газета» 1995, № 38.
 164. Ульяницкая Л.А., *Критика гендерного языкознания с позиций феминистской лингвистики*, «Дискурс» 2021, № 7 (2).
 165. Урусова Л.Х., *Адыгский этикет: коды гендерного поведения*, «Ценности и смыслы» 2013, № 5 (27).
 166. Урысон Е.В., *Синонимический ряд лексемы взгляд I*, Москва 1997.
 167. Федулова У.М., *Стилистические функции обращения*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» 2014, № 1 (1).
 168. Формановская Н.И., *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*, Москва 1998.
 169. Формановская Н.И., *Нужно ли русскому человеку отчество*, «Русская речь» 2004, № 5.
 170. Формановская Н.И., *Прагматика побуждения и логика языка*, «Русский язык за рубежом» 1994, № 5.
 171. Формановская Н.И., *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002.
 172. Формановская Н.И., *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989.
 173. Формановская Н.И., *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1987.
 174. Формановская Н.И., *Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст*, Москва 2002.
 175. Формановская Н.И., *Этикет русского письма*, Москва 1989.
 176. Хачмафова З.Р., *Индивидуальная лексическая система женского персонажа как средство экспликации женской языковой личности в художественном*

- тексте, «Научная мысль Кавказа» 2010, № 2 (62).
177. Цахилова К.О., *Социально-психологические функции комплимента в межличностном общении*, «Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология» 2021, № 4 (1).
178. Цибуля Н.Б., *Основные направления исследований в области невербальной коммуникации*, «Вестник Московского государственного лингвистического университета» 2014, № 1 (687).
179. Черняк М.А., *«Розовый роман» в контексте современной массовой литературы: тенденции развития жанра*, «Вестник Череповецкого государственного университета» 2015, № 6 (67).
180. Черняк М.А., *Современная русская литература*, Москва 2019.
181. Четверикова В.Н., *Грамматическая реализация гендерной специфики (на материале текстов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере)*, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Иваново 2019.
182. Чечель Р.П., *Лингвоперсонологическое портретирование профессиональной языковой личности в аспекте гендерных стереотипов*, Томск 2019.
183. Чжао Р.Х., *Язык и гендер — новое направление исследования русского языка*, Нанкин 1999, № 3.
184. Чустеева С.Л., *Гендерные исследования: история формирования новой методологии изучения культуры*, Томск 2018, <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vital:7549/SOURCE01?view=true> (27.12.2021).
185. Шавкута А.Д., *Чистенькая жизнь*, Москва 1990.
186. Шарипов А.А., *Тактильные средства общения*, «Экономика и социум» 2016, № 3 (22).
187. Шемчук Ю.М., Андреева А.В., *Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики*, «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология» 2013, № 2.
188. Шеховцова Е.Е., *Гендерная лингвистика: о возникновении и перспективах гендерных исследований в России*, в: *Лингводидактика и лингвистика в вузе:*

традиционные и инновационные подходы. Сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, Ярославль 2023.

189. Шкуратова И.П., Тепина М.Н., *Эмоциональное самораскрытие мужчин и женщин в общении с разными партнерами*, «Российский психологический журнал» 2007, № 1.
190. Щеглова Е.А., *Полемические заметки о «женской прозе»*, «Литературное обозрение» 1990, № 3.
191. Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, в: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3*, <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf> (27.12.2021).
192. Янко Т.Е., *Русская интонация*, в: *Лингвистика для всех*, Москва 2008.
193. Ярская-Смирнова Е.Р., *Возникновение и развитие гендерных исследований в США и Западной Европе*, в: *Введение в гендерные исследования*, ред. И.А. Жеребкина, Харьков 2001.

Литература на польском, английском, немецком и французском языках

1. Anchimiuk O., *Речевой этикет в произведениях русской литературы XIX века*, Białystok 2020.
2. Andermahr S., Lovell T., *A Concise Glossary of Feminist Theory*, London–New York–Sydney 1997.
3. Argyle M., *Bodily Communication*, London–New York 1988.
4. Austin J.L., *How to Do Things with Words*, Cambridge 1962.
5. Beauvoir de S., *Le Deuxième Sexe*, Paris 1949.
6. Borkowska G., *Metafora drożdży. Co to jest literatura/poezja kobieca?*, «Teksty Drugie» 1995, № 3/4 (33/34).
7. Burgoon J.K., Guerrero L.K., Floyd K., *Nonverbal Communication*, Boston 2010.
8. Cameron D., *Performing Gender Identity: Young Men's Talk and the Construction of Heterosexual Masculinity*, в: *Language and Masculinity*, ред. S. Johnson, U.H. Meinhof, Oxford 1997.
9. Coates J., *Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender*

Differences in Language, New York 2013.

10. Czapiga A., *Leksykalno-pragmatyczne wykładniki aprobaty jako aktu mowy: na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego*, Rzeszów 2017.A
11. Czapiga Z., *O ekspresywności wypowiedzi emotywnych (na materiale języka rosyjskiego i polskiego)*, «Folia Linguistica Rossica» 2015, № 11.
12. Daly M., *Gyn/ecology: The Metaethics of Radical Feminism*, Boston 1978.
13. Duda K., *Współczesna literatura rosyjska wobec historii (nowy realizm Ludmiły Ulickiej)*, w: *Prace Komisji Kultury Słowian PAU. T. 7: Kultura i polityka*, red. L. Suchanek, Kraków 2008.
14. Dunin K., *Noty i knoty Kingi Dunin*, «Kurier Czytelniczy» 1999, № 50.
15. Ekman P., *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*, New York 2003.
16. Ekman P., Friesen W.V., *Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions*, Englewood Cliffs 1975.
17. Firestone S., *The Dialectic of Sex: The Case for Feminist Revolution*, New York 1970.
18. Friedan B., *The Feminine Mystique*, New York 1963.
19. Gardiner J.K., *On Female Identity and Writing by Women*, w: *Writing and Sexual Difference*, Chicago 1982.
20. Gray J., *Men Are from Mars, Women Are from Venus: A Practical Guide for Improving Communication and Getting What You Want in Your Relationships*, New York 1992.
21. Hall E.T., *Ukryty wymiar*, пер. T. Hołówka, Warszawa 2005.
22. Holmes J., *Compliments and Compliment Responses in New Zealand English*, «Anthropological Linguistic» 1988, т. 28, № 4.
23. Holmes J., Stubbe M., *Power and Politeness in the Workplace: A Sociolinguistic Analysis of Talk at Work*, London 2003.
24. Holmes J., *Women, Men and Politeness*, London 1995.
25. Hrynyk A., Kistowska M.N., *Współczesny język rosyjski versus gender i feminizm*, «Kultury Wschodniosłowiańskie — Oblicza i Dialog» 2013, № 3.
26. Jespersen O., *Language: Its Nature, Development, and Origin*, London 1922.
27. Knapp M.L., Hall J.A., Horgan T.G., *Nonverbal Communication in Human*

Interaction, Boston 2014.

28. Knurowska M., *Problem cykliczności w prozie Ludmiły Ulickiej*, «Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica» 2010, № 3, <https://rep.up.krakow.pl/xmlui/bitstream/handle/11716/11576/AF081--01--Problem-cyklicznosci--Knurowska.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (13.11.2022).
29. Komorowska E., *Pragmatyka dyrektywnych aktów mowy w języku polskim*, Szczecin 2008.
30. Kornhauser J., *Postscriptum. Notatnik krytyczny*, Kraków 1999.
31. Kozicka-Borysowska Ż., *Pragmatyczne aspekty aktu przepraszenia*, w: *Język trzeciego tysiąclecia II. T. 1: Nowe oblicza komunikacji we współczesnej polszczyźnie*, red. G. Szpila, Kraków 2002.
32. Kraskowska E., *O tak zwanej «kobiecości» jako konwencji literackiej*, w: *Krytyka feministyczna — siostra teorii i historii literatury*, red. G. Borkowska, L. Sikorska, Warszawa 2000.
33. LaFranc M., Vial A.C., *Gender and nonverbal behavior*, w: *APA Handbook of Nonverbal Communication*, red. D. Matsumoto, H.C. Hwang, M.G. Frank, Washington 2016.
34. Lakoff R., *Language and Woman's Place*, «Language in Society» 1973, t. 2, № 1.
35. Lakoff R., *Language and Woman's Place*, New York–Hagerstown–San Francisco–London 1975.
36. Lubocha-Kruglik J., *Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim i rosyjskim*, Katowice 2010.
37. Manes J., *Compliments: A Mirror of Cultural Values*, w: N. Wolfson, E. Judd (red.), *Sociolinguistics and Language Acquisition*, 1983.
38. Manes J., Wolfson N., *The Compliment Formula*, w: *Conversational Routine*, red. F. Coulmas, The Hague 1981.
39. Mauthner F., *Beiträge zu einer Kritik der Sprache*, Stuttgart 1901–1903.
40. Nasiłowska A., *Teksty feministyczne*, w: *Ciało i tekst. Feminizm w literaturoznawstwie — antologia szkiców*, red. A. Nasiłowska, Warszawa 2001.
41. Pytel-Pandey D., *System adresatywny współczesnego języka niemieckiego i rosyjskiego: konfrontacja socjolingwistyczna*, Wrocław 2003.

42. Rudyk A., *Zwroty adresatywne w języku polskim i rosyjskim*, Rzeszów 2021.
43. Skubalanka T., *O ekspresywności języka*, «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska» 1972, т. 27, № 8.
44. Syska K., *O neosentymentalnych tendencjach w najnowszej literaturze rosyjskiej*, Kraków 2015.
45. Szpyra-Kozłowska J., *Marsjanie i Wenusjanki? O języku młodych Polaków i Polek*, Kraków 2024.
46. Tannen D., *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*, New York 1990.
47. Wolfson N., *Compliments in Cross-Cultural Perspective*, «TESOL Quarterly», т. 15, № 2.
48. Wolfson N., *Rules of Speaking*, в: *Language and Communication*, ред. J. Richards, R. Schmidt, London 1983.
49. Wyrwas K., *Skarga jako gatunek mowy*, Katowice 2002.
50. Wyrwas K., *Skarga potoczna w strukturze narracyjnej*, «Stylistyka» 2005, т. 14.

Литература на китайском языке

1. 蔡海芬, *俄汉道歉语对比研究*, 现代交际 2019 (2)。
2. 陈春红, *俄语称呼语中的性别歧视研究*, 《浙江外国语学院学报》2014 (1)。
3. 陈春红,周民权, *俄汉道歉言语行为的社会性别语用对比研究*, 中国俄语教学 2014 (2)。
4. 陈原, *社会语言学*, 北京 2000。
5. 褚敏, *俄语称呼语的变迁*, 《外语学刊》, 北京 2010(2)。
6. 董颖, *论乌利茨卡娅代表作品中的女性话语*, 浙江大学 2008。
7. 段丽君, *纯洁而崇高的“小人物”——试论俄罗斯当代女作家柳·乌利茨卡娅的创作特色*, 当代外国文学 2001 (4)。
8. 段丽君, *当代俄罗斯女性主义文学*, 俄罗斯研究 2006 (1)。
9. 胡晶雅, *俄语称呼语性别差异的社会语言学研究*, 大连海事大学 2013。
10. 康微, *语境视角下的俄语非言语交际研究*, 东北师范大学 2009。

11. 李红鑫, *论俄语语言中的性别歧视*, 南京师范大学 2016。
12. 李琳, *论俄语中的性别歧视现象*, 中国俄语教学 2000, 19(1)。
13. 李鹿婷, *俄汉道歉语语用对比*, 吉林大学 2013。
14. 李政文, *俄语中的间接告别语分类及其语用特点*, 湘潭师范学院学报: 社会科学版 2005 (27(6))。
15. 刘垣菲, *论乌利茨卡娅的创作观*, 吉林大学 2009。
16. 刘惠萍, *抱怨语的语用研究*, 广西社会科学 2004 (2)。
17. 刘星, *试论俄语间接抱怨语及其答语的常见表达方式*, 俄语学习 2016 (1)。
18. 刘星, *论俄语言语礼节中的道歉语及其答语*, 齐齐哈尔大学学报: 哲学社会科学版 2016 (6)。
19. 刘星, *俄语体触行为及其性别差异初探*, 牡丹江大学学报 2017, 26(4)。
20. 刘星, *俄语身势语的社会性别语用研究*, 东北亚外语研究 2018, 6(4)。
21. 吕鸿礼, *俄语中的性别语言变体及其成因探微*, 解放军外国语学院学报 2004。
22. 孟令霞, *俄语身势语研究*, 黑龙江 2004 年。
23. 孟晶晶, *交际中沉默行为的性别差异研究*, 东北师范大学 2018。
24. 沈莉, *乌利茨卡娅对传统女性形象的发展和解构*, 重庆 2012。
25. 史崇文, *跨文化交际中的性别差异*, 吉林大学 2007。
26. 史崇文, *俄汉非语言交际中身势语的性别差异*, 长春师范大学学报: 人文社会科学版 2010 (4)。
27. 王璐瑶, *俄语恭维语的交际语用研究*, 武汉 2017。
28. 汪姗姗, *社会性别语言学视角的俄汉称呼语对比研究*, 苏州大学 2013。
29. 吴友富, *国俗语义研究(论文集)*, 上海外语教育出版社 1998 年。
30. 徐晓丹, *俄语抱怨言语行为研究*, 东北师范大学 2006。
31. 姚芬芳, *女性涉外秘书的语用特征*, 湖南第一师范学报 2009 (9(2))。
32. 张建华, *当代俄罗斯女性的女性主义运动和文学的女性叙事*, 《解放军外国语学院学报》2014 (3)。
33. 赵蓉晖, *语言与社会性别 — 俄语研究的新方向*, 外语研究 1999(№ 3)。
34. 赵蓉晖, *语言与性别研究综述*, 外语研究 1999 (3)。

35. 赵蓉晖, *语言与性别: 口语的社会语言学研究*, 上海外语教育出版社 2003。
36. 周民权, *沉默: 社会性别语言学研究之一隅*, 解放军外国语学院学报 2012(4)。
37. 周民权, *俄汉恭维语的社会性别语用对比研究*, 浙江外国语学院学报 2013(1)。
38. 周民权, *汉俄称呼言语行为的社会性别语用对比分析*, 中国俄语教学, 2013(4)。
39. 周民权, *俄汉身势语中的社会性别定型对比研究*, 中国俄语教学 2018(1)。
40. 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2014。
41. 周民权, *当代俄罗斯社会性别语言学研究论略*, 中国俄语教学, 2010(3)。
42. 周民权, *俄汉社会性别语言的语用对比研究*, 北京 2021。

Словари и энциклопедии

1. Арутюнова Н.Д., *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990.
2. *Большой толковый словарь русского языка*, ред. С.А. Кузнецов, Санкт-Петербург 1988.
3. Денисова А.А., *Тезаурус терминологии гендерных исследований*, Москва 2003, http://gender.academic.ru/576/Феминистская_критика_языка (09.03.2021).
4. Ефремова Т.Ф., *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва 2000, <https://udarenieru.ru>.
5. Зуев М.Н., *Краткий справочник школьника*, Москва 1997.
6. Комлев Н.Г., *Словарь иностранных слов*, Москва 2008.
7. Нурсейтова Х.Х., Башаева С.В., Безрукова Ю.И., Гринчук А.В., Кайдагулова С.Б., *Англо-русский словарь с толкованием гендерных терминов*, Павлодар 2009.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., *Толковый словарь русского языка*, Москва 1999.
9. *Карта слов и выражений русского языка*, kartaslov.ru.
10. Словари и энциклопедии на Академикe, <https://dic.academic.ru/>.
11. *Словарь гендерных терминов*, ред. А.А. Денисова, Москва 2002, <http://www.owl.ru/gender/073.htm> (06.03.2024).
12. *Словарь русского языка в 4-х т.*, ред. А.П. Евгеньева, Москва 1999, <https://udarenieru.ru/>.
13. *Словарь синонимов русского языка*, <https://sinonim.org/>.

14. *Словарь терминов межкультурной коммуникации*, ред. М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Москва 2013.
15. *Толковый словарь Ефремовой*, <https://www.efremova.info/>.
16. Федоров А.И., *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Москва 2008, <https://udarenieru.ru>.
17. *Cambridge Dictionary*, dictionary.cambridge.org.

Интернет-ресурсы

1. Башмакова М., *Людмила Улицкая: «Смерть тоже принадлежит жизни». Знаменитый писатель — о многоликости тела и души*, <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/17/82761-lyudmila-ulitskaya-smert-tozhe-prinadlezhit-zhizni> (03.11.2022).
2. *Гендерные исследования речевого поведения*, https://gendernii.wordpress.com/2011/06/12/gendernye_issledovaniya_rechevogo_povedeniya/ (08.06.2021).
3. *Женские и гендерные исследования историков в России 1990–2015*, http://gender-route.org/articles/other_projects/zhenskie_i_gendernye_issledovaniya_istorikov_v_rossii_1990_2015/ (17.04.2022).
4. *Интервью с Людмилой Улицкой. Русская писательница в норвежском интерьере*, «Соотечественник» 2006, № 8, <http://landsmann.norge.ru/ulickaia/> (13.11.2022).
5. Кузнецов И.Н., *Движения глаз и направление взгляда собеседника: краткая типология визуальных контактов*, <https://www.elitarium.ru/vzglyad-glaz-lico-sobesednik-razgovor-signal-ehmocionalnoe-sostoyanie-neverbalnoe-obshchenie-informaciya/> (01.04.2025).
6. *Либеральный феминизм*, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1820184> (27.12.2021).
7. *Людмиле Улицкой присудили международную литературную премию «Форmentor»*, <https://russkiymir.ru/news/300465/> (13.11.2022).
8. *Менять или не менять: сколько женщин и почему не берут фамилию мужа*,

<https://spb.mk.ru/social/2022/02/17/menyat-ili-ne-menyat-skolko-zhenshhin-i-pochemu-ne-berut-familiyu-muzha.html> (19.04.2022).

9. *Радикальный* *феминизм,*
https://spravochnick.ru/politologiya/feminizm/radikalnyy_feminizm/ (27.12.2021).
10. *С мужем на ВВ))))) много ли таких пар?*,
<https://forum.sibmama.ru/viewtopic.php?t=1257601&start=75> (19.04.2022).
11. Сергеева Д., *Что такое феминизм в пяти терминах?*,
<https://trends.rbc.ru/trends/social/60dedd5b9a79472f59d47562> (11.09.2021).
12. Улицкая Л.Е., *Интервью. Новый роман «Казус Кукоцкого»*, Эхо Москвы, 2000,
<https://echo.msk.ru/programs/beseda/11824/> (27.02.2022).
13. Шгарева Ю., *Принцип Улицкой: без трупов и уныния. Умение страдать*,
<https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/ulitskaya/> (31.03.2026).

Резюме

Настоящая работа посвящена анализу особенностей вербальной и невербальной коммуникации с гендерной точки зрения на материале прозы Людмилы Улицкой. Отправной точкой исследования служит предположение о том, что язык как средство коммуникации отражает социально и культурно обусловленные модели поведения, в том числе связанные с категорией культурного пола (гендера). В связи с этим анализ коммуникативного поведения литературных героев позволяет уловить механизмы формирования гендерных различий на уровне языка и дискурса.

В теоретической части работы рассматриваются основные вопросы гендерной лингвистики, включая способы языкового представления гендерных различий и их связи с коммуникацией. Особое внимание уделяется взаимосвязи между языком и конструированием социальной идентичности, а также значению гендерных исследований для анализа литературного текста.

В практической части проводится подробный анализ коммуникативного поведения персонажей избранных произведений Людмилы Улицкой. Исследование охватывает как сферу вербальной, так и невербальной коммуникации, в том числе параязыковые элементы, жесты, тактильное, визуальное и проксемическое поведение, а также феномен молчания как важный компонент коммуникации.

Как показал анализ, различия между женскими и мужскими персонажами проявляются прежде всего на уровне прагматики речевых актов и коммуникативных стратегий. В случае мужских персонажей чаще наблюдаются стратегии, направленные на контроль коммуникативной ситуации и достижение цели высказывания, тогда как в случае женских персонажей замечается большее разнообразие стратегий, в том числе тенденция к смягчению высказываний и поддержанию межличностных отношений. Эти различия носят общий характер и зависят от конкретного коммуникативного контекста.

Что касается невербальной коммуникации, нами было установлено, что

поведение персонажей также демонстрирует гендерные различия, проявляющиеся, в частности, в способе использования взгляда, жестов, расстояния и прикосновений. Невербальные средства коммуникации не только дополняют вербальные высказывания, но и представляют собой автономный компонент взаимодействия, влияющий на интерпретацию значений.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что гендер в прозе Людмилы Улицкой функционирует как комплексная категория, реализующаяся на различных уровнях литературного текста — как на уровне языковых форм, так и на уровне целостных моделей коммуникативного поведения персонажей.

Проведенное исследование также указывает на полезность инструментов гендерной лингвистики для анализа литературного текста и определяет перспективы дальнейших исследований, в частности в области культурных обусловленностей и способов восприятия текста.

Streszczenie

Niniejsza praca poświęcona jest analizie specyfiki komunikacji werbalnej i niewerbalnej w ujęciu genderowym na materiale prozy Ludmiły Ulickiej. Punktem wyjścia badań jest założenie, że język jako narzędzie komunikacji odzwierciedla uwarunkowane społecznie i kulturowo modele zachowań, w tym także te związane z kategorią płci kulturowej (gender). W związku z tym analiza zachowań komunikacyjnych bohaterów literackich pozwala na uchwycenie mechanizmów kształtowania się różnic genderowych na poziomie języka i dyskursu.

W części teoretycznej pracy omówione zostały obejmujące podstawowe zagadnienia z zakresu lingwistyki genderowej, w tym sposoby językowej reprezentacji różnic płciowych oraz ich związku z komunikacją. Szczególną uwagę poświęcono relacji między językiem a konstrukcją tożsamości społecznej, a także znaczeniu badań genderowych dla analizy tekstu literackiego.

W części praktycznej przeprowadzono szczegółową analizę zachowań komunikacyjnych bohaterów wybranych utworów Ludmiły Ulickiej. Badanie objęło zarówno sferę komunikacji werbalnej, jak i niewerbalnej, w tym elementy parajęzykowe, gesty, zachowania taktylne, wizualne oraz proksemiczne, a także zjawisko milczenia jako istotnego komponentu komunikacji.

Jak wykazała analiza, różnice między postaciami kobiecymi i męskimi ujawniają się przede wszystkim na poziomie pragmatyki aktów mowy oraz strategii komunikacyjnych. W przypadku postaci męskich częściej obserwuje się strategie ukierunkowane na kontrolę sytuacji komunikacyjnej i osiągnięcie celu wypowiedzi, natomiast w przypadku postaci kobiecych widoczna jest większa różnorodność strategii, w tym tendencja do łagodzenia wypowiedzi i podtrzymywania relacji interpersonalnych. Różnice te mają charakter ogólny i zależą od konkretnego kontekstu komunikacyjnego.

W zakresie komunikacji niewerbalnej stwierdzono, że zachowania bohaterów również wykazują zróżnicowanie genderowe, przejawiające się m.in. w sposobie wykorzystania spojrzenia, gestów, dystansu przestrzennego oraz dotyku. Niewerbalne środki komunikacji nie pełnią jedynie funkcji uzupełniającej wobec wypowiedzi

werbalnych, lecz stanowią autonomiczny komponent interakcji wpływający na interpretację znaczeń.

Uzyskane wyniki pozwalają stwierdzić, że gender w prozie Ludmiły Ulickiej funkcjonuje jako kategoria kompleksowa, realizująca się na różnych poziomach tekstu literackiego — zarówno na poziomie form językowych, jak i całościowych modeli zachowań komunikacyjnych postaci.

Przeprowadzone badania wskazują również na przydatność narzędzi lingwistyki genderowej w analizie tekstu literackiego oraz wyznaczają perspektywy dalszych badań, w szczególności w zakresie uwarunkowań kulturowych i sposobów odbioru tekstu.

Summary

This study analyses the specific characteristics of verbal and nonverbal communication from a gender perspective, based on the prose of Ludmila Ulitskaya. The starting point of the research is the assumption that language, as a tool of communication, reflects socially and culturally conditioned patterns of behaviour, including those related to the category of cultural gender. Consequently, an analysis of the communicative behaviours of literary characters allows us to capture the mechanisms by which gender differences are shaped at the linguistic and discursive levels.

The theoretical section of the thesis discusses fundamental issues in gender linguistics, including how gender differences are linguistically represented and their relationship to communication. Particular attention is devoted to the relationship between language and the construction of social identity, as well as the significance of gender studies for the analysis of literary texts.

The analytical section presents a detailed analysis of the characters' communicative behaviours in selected works by Ludmila Ulitskaya. The study covered both verbal and nonverbal communication, including paralinguistic elements, gestures, tactile, visual, and proxemic behaviours, as well as silence as a significant component of communication.

As the analysis showed, differences between female and male characters are primarily evident in speech-act pragmatics and communication strategies. In male characters, strategies aimed at controlling the communicative situation and achieving the utterance's goal are more frequently observed. In contrast, in female characters, a greater diversity of strategies is evident, including a tendency to soften utterances and maintain interpersonal relationships. These differences are general in nature and depend on the specific communicative context.

Regarding nonverbal communication, it was found that the characters' behaviours also exhibit gender differences, manifested, among other things, in how they use eye contact, gestures, spatial distance, and touch. Nonverbal means of

communication do not merely serve a supplementary function to verbal utterances, but constitute an autonomous component of interaction that influences the interpretation of meaning.

The results obtained allow us to conclude that gender in Ludmila Ulitskaya's prose functions as a complex category, manifesting itself at various levels of the literary text, both in linguistic forms and in holistic models of characters' communicative behaviours.

The conducted research also highlights the usefulness of gender linguistics tools for analysing literary texts and outlines prospects for further research, particularly regarding cultural determinants and modes of text reception.